И. ДУБИНСКИЙ
Наперекор ветрам

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Наперекор ветрам» — книга о командарме I ранга Ионе Эммануиловича Якире, крупном советском полководце и кристально чистом большевике.

На богатом фактическом материале автор, лично хорошо знавший Иону Эммануиловича, создал запоминающийся образ талантливого военачальника.

- Илья Дубинский
  - Часть первая
    - 1. Мятеж
    - 2. Черное знамя
    - 3. Мыльный пузырь
    - 4. «Скорпион»
    - 5. Слоеный пирог
    - 6. Чёрный четверг
    - 7. В штабе Котовского
    - 8. Тревоги начдива
    - 9. Осечка
    - 10. Даешь Киев!
    - 11. Диспут у карты
    - 12. В окружении
    - 13. «Ни в чистом поле, ни в дубраве…»
    - 14. Триумф Южной группы
    - 15. Трагедия у деревни Копылов
  - Часть вторая
    - 1. Антициклон
    - 2. «Я опущусь на дно морское…»
    - 3. Гордиев узел
    - 4. Снова Днестр
    - 5. Питомцы Ватикана
    - 6. Фастовская группа
    - 7. Киевская операция
    - 8. Цена побед
    - 9. Варшава — Львов
    - 10. Петля Петлюре
  - Часть третья
    - 1. Единство взглядов
    - 2. Педагог Красной Армии
    - 3. Гранит науки
    - 4. Первенцы-быстроходы
    - 5. Будни

        - 6. Грозная сила
        - 7. Большие киевские маневры
        - 8. У дорогих могил
        - 9. Оптимисты
        - 10. После ЧП
        - 11. Тяжелые дни
        - 12. Почетная миссия
        - 13. Вызов в Москву
        - 14. С верой в партию
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Илья Дубинский
Наперекор ветрам

«Многие помнят товарища Якира. Это был крупный военачальник и кристальной чистоты большевик, трагически, безвинно погибший…»

Н. С. Хрущев

Часть первая
Трудный год

1. Мятеж

Взбунтовалась, изменив присяге, боевая воинская часть. 27 июля 1919 года кавалеристов четырнадцатого дивизиона толкнули на мятеж командир эскадрона Кожемяченко и писарь Батурин…

Рыжий веснушчатый морзист Борис Церковный бережно перебирал тонкими пальцами сползавшую с бобины телеграфную ленту. Дробно стрекотал аппарат. Начдива встревожил суровый смысл телеграммы.

— Тише, товарищи! — сверкнув из-под высокого лба строгими глазами, поднял руку Якир.

Вмиг прервался стук древнего, похожего на молотилку, «Ундервуда». Смолкли писаря. У десятиверстки, закрывавшей почти всю стену, с цветными флажками в руках застыл адъютант начдива, сухощавый, смуглолицый Яков Охотников.

В просторном высоком зале второго этажа станции Бирзула[1] стало необычно тихо. Сквозь широко раскрытые окна доносились лишь пыхтение паровозов да лязг стальных буферов бронепоезда «Спартак».

Телеграфный аппарат продолжал отбивать свою назойливую многоступенчатую дробь. Рыжий морзист, не глядя на полоску медленно ползущей ленты, чутким ухом улавливал невеселые ноты мелодии, складывавшейся из чередования двух звуков — длинного и короткого. Любуясь новеньким орденом Красного Знамени начдива, он машинально повторял слова начальника штаба дивизии. Гарькавый передавал со станции Раздельная:

— «Бежавший красноармеец четырнадцатого кавдивизиона сообщил: Кожемяченко расстрелял командира, комиссара, коммунистов точка Плановал напасть на штаб третьей бригады, бойцы отказались идти против своих точка Правая рука Кожемяченко — писарек Батурин точка Из Парканцев бунтовщики бросились на Плоское точка Основной контингент четырнадцатого дивизиона — плосковцы и цебриковцы точка Батуринские демагоги подымают всю округу точка Навстречу изменникам из Малаешт, Суклеи, Слободзеи двинулись тысячи кулаков точка Восстали немецкие колонисты Кучургана, Лиманского точка В Страсбурге они расстреляли командиров артиллерийского дивизиона и авиаотряда точка Завладели матчастью точка Наши артиллеристы и летчики отказались служить повстанцам точка Все они взяты под стражу точка Колонистами командует учитель, бывший прапорщик Михель Келлер точка Вся наша оборона по Днестру под угрозой точка

Снял с фронта четыреста третий полк и двинул на Кучурган точка Жду дальнейших указаний точка На паровозе выслал Настю Рубан точка Она привезет подробное донесение и еще воззвание повстанцев точка».

Аппарат внезапно умолк. Якир достал из кармана выцветших, порыжевших от солнца синих брюк измятую пачку «Сальве». Сделал несколько вмятин в длинном мундштуке, наивно полагая, что на них осядет вредный для легких никотин. Долго и старательно тер о коробок не желавшую воспламеняться кустарную спичку. Потом в глубокой задумчивости поднес огонь к папиросе, затянулся, еще больше наморщил лоб.

«Не хватало только этого! — с досадой подумал начдив. — Одной дивизией занимаешь фронт в двести сорок верст. Да и что это за фронт? Вот как эти знаки на телеграфной ленте: точка-тире, точка-тире… Только и успеваешь затыкать прорехи. В мае полки несколько окрепли, приняли пополнение — рабочих Одессы, Николаева, Херсона. За боеприпасами выехал в Киев нарком Затонский. Маршевыми ротами занялся уполномоченный центра Ян Гамарник. Кое-что наскреб в тылах. Прислал полк матросов-стародубцев. Сколько надежд возлагали в дивизии на этот полк моряков! Как обрадовались красноармейцы: пришла подмога! А на деле — не помощь, одна обуза. Моряки оказались не то махновцами, не то григорьевцами. Били себя в грудь: «Мы за Советы», а по сути — это разнузданная анархическая банда с густой прослойкой эсеровских демагогов. Им бы только пить, жрать да баб мять. В эшелонах у них больше баб, нежели бойцов. Тоже вояки! От первой атаки галичан летели в своих вагонах из Томашполя до самого Черного моря. Одесса успокоила: «Шлем боевой 54-й советский полк Япончика». Пришлось телеграфировать председателю губисполкома Ивану Клименко: «Опасаюсь, что повторится история Стародуба». Но пятьдесят четвертый все же прибыл — два батальона шпаны. Одесса нашла оригинальный способ избавиться от уголовников. А для того чтобы они постоянно видели добрый пример, ввели в состав полка несколько рот студентов. На фронте некоторые уголовники сразу побросали винтовки, другие сбыли их колонистам за сало и яйца. Хвастались: «Мы Петлюру зашухерим ручными гранатами». После первого боя сами «зашухерились». Теперь с их винтовками кулаки-колонисты идут на нас. Не все, конечно, оказались проходимцами. Многие, как и студенты, норовят отколоться от Япончика, вместе с нами бить полки сечевиков-галичан — этот вшивый «авангард цивилизованной Эвропы…»

Якир положил руку на плечо рыжего морзиста:

— Стучи, Борис, Гарькавому…

Церковный зажал между пальцами черный эбонитовый шарик телеграфного ключа. Вновь застрекотал аппарат, вызывая далекую станцию Раздельную.

— Первое, — диктовал начдив, заправляя за ремень карту-трехверстку. — Комполка четыреста Колесникова срочно вызвать к прямому проводу точка Буду говорить с ним лично точка Второе — комбригу-три возглавить операцию против повстанцев Кучургана точка Третье — немедленно бросить вдогонку Кожемяченко кавалерийский дивизион товарища Михая Няги точка Все.

Воткнув последний флажок в штабную десятиверстку, адъютант с потным от июльского зноя лицом широким шагом подошел к начдиву, расстегнув на ходу пуговицы тяжелого суконного френча.

— На мой взгляд, — сказал он, — это утопия с дымом! Разве будет Няга усмирять Кожемяченко? Это же одна шайка-лейка. Неразлучные друзья! Переметнется и Михай к повстанцам…

Якир строго посмотрел на адъютанта:

— Брось каркать! И так тошно.

— Знаете, Иона Эммануилович, все эти бывшие партизанские батьки на одну колодку. Не верю я им, хоть режьте, не верю…

— И это говорит коммунист! — с укоризной произнес начдив. — Я смотрю, каким духом напитан человек, а не как выглядит его формуляр. Все течет, все меняется. Наша ленинская партия перестраивает царскую Россию, нацеливается на весь мир. Так неужели она не в силах переделать одного человека? Того же Нягу и таких, как он.

— А Кожемяченко? Три недели вы командуете сорок пятой дивизией, а этого типа проморгали.

— Правильно о нас, интеллигентах, говорят, — продолжал Якир. — От малейшей удачи мы приходим в безумный восторг, от малейшего неуспеха — в страшное отчаяние, вроде весь мир рушится…

— Это я, по-вашему, впал в отчаяние? — спросил Охотников.

— А кто же? Думаешь, морзист Церковный? Конечно ты! Один мерзавец взбунтовался, а ты уже всех готов считать мерзавцами. Партия нас учит верить людям. Наше неверие помогает лишь кожемяченкам и батуриным. Тебя, Яша, волнует, справимся ли мы с этим бунтом. Справимся, и очень скоро! Гинденбург говорил: «Победит тот, у кого нервы крепче». А я скажу так: в гражданской войне победит тот, кто выдержит больше потрясений. Для Корнилова, Краснова, Каледина, Колчака достаточно было одной катастрофы. А мы уже справились с шестью ударами — отразили наскоки Корнилова, Каледина,

левых эсеров, Краснова, немцев, Колчака. И заметь — одна напасть следовала за другой. Сейчас обрушилась на нас новая напасть — деникинская. Мы потеряли Царицын, Донбасс, Харьков. Но справимся и с седьмым испытанием. Именно — испытанием! Жизнь испытывает, достойны ли мы ее даров… А Кожемяченко — это не катастрофа, просто укус бешеного пса.

— Доверие доверием, — не сдавался Охотников, — а поприжать кое-кого следовало бы…

— Знаешь, что я тебе скажу, товарищ Яков? Правда покоится на доверии, неправда — на покорности. Доверие завоевывается сердечным теплом, справедливостью; покорность — свистом бича. Все зависит от дилеммы — влиять или властвовать. Влияют на массы справедливыми идеями, умом; властвуют — с помощью силы. К нам, большевикам, привлекли трудовой народ ленинские, человечные, справедливые идеи. Понятно?

— Ладно, товарищ начдив, убедили. — Охотников поднял вверх обе руки — Сдаюсь! А теперь вот что — бумаги надо подписать.

— Тащи, подпишу…

Якир подошел к широко раскрытому окну. Внизу до самой водокачки простирался привокзальный сквер. Правильными рядами вытянулись увешанные гроздьями крылаток высокие клены. Под тяжестью дозревающих колючих плодов гнулись мощные ветки каштанов. Словно утыканные кумачовыми флажками, стояли, выделяясь яркими кистями спелых ягод, тонкие рябины. В окно плыл живительный аромат доцветающих лип.

«Сущий рай! А что там, за Днестром, в нашем благодатном краю? — подумал Якир. — Кому рай, а кому ад! В том-то и беда… Хотели мы сделать его раем для всех, пока не вышло…»

— Вот бумаги, Иона Эммануилович, подпишите, — прервал раздумья начдива Охотников.

Якир достал из левого кармана гимнастерки коричневый довоенной выработки фаберовский карандаш, снял с него гильзу-наконечник. Эту гильзу он хранил как особую память.

Немногим более года назад в боях под Екатеринославом плотные клинья баварцев с двух сторон зажали китайский батальон. Командовал батальоном Якир. Он лежал в цепи, вместе с бойцами вел огонь по атакующим. Дважды французская трофейная винтовка Гра почему-то дала осечку. Прямо на Якира двигался огромный баварец в суконном стального цвета кителе. Надо было стрелять, но именно в этот миг нещадно запрыгала мушка. И тут, при блеске устремленного на него плоского вражеского штыка, Якир вспомнил одно проверенное средство,

которое при любых обстоятельствах утихомиривало пляску нервов. Юн стал повторять на всю жизнь прочно заученные еще в первом классе реального училища слова, которые писались через «ять», хотя в них и слышится звук «ё»: «гнёзда», «сёдла», «звёзды», «цвёл», «приобрёл»… Со слогом «брёл» грянул выстрел. Грузный баварец, перенесший ад Ипра и Вердена и, очевидно, считавший, что этой атакой он еще прочнее завоевывает свое бесспорное право на традиционную кружку пива, грохнулся на землю…

Гильза той памятной пули и стала служить наконечником.

Подписав бумаги, Якир спрятал карандаш в карман и с потухшей папиросой в зубах склонился над серебристо-серой картой-трехверсткой.

Меняя карандаши, Якир задумывался — кто кого переживет? На том, которым он подписывал бумаги в штабе на станции Бирзула, белели три насечки. С памятного боя под Екатеринославом этот был по счету третий. Их будет еще много — карандашей, и все же один из них останется навсегда несмененным…

В извилистую черту Днестра уткнулись красные дуги бригадных и полковых участков. В самую замысловатую извилину реки упирался отживший свой век твердый знак в конце слова «Кишиневъ». Родной город! Хозяйничают же в нем не славные сыны Бессарабии, а их лютые враги — румынские бояре и французские войска, беспощадная кровавая сигуранца! В Кишиневе прошло суровое детство начдива. Там он учился в реальном училище. Там провел свои лучшие годы с друзьями сверстниками. В старинном молдавском городе он, студент Харьковского технологического института, волнующим ленинским словом собирал трудовую молодежь, сколачивал красногвардейские отряды, впервые встретился с настоящими большевиками-фронтовиками 5-го Заамурского полка, на всю жизнь свел дружбу с выборным командиром этого полка бывшим унтер-офицером Кокаревым.

Весной 1917 года большевики-заамурцы вручили молодому товарищу Ионе партийный билет. Тогда же Якир близко сошелся с председателем Кишиневского Совета Ильей Ивановичем Гарькавым, нынешним начальником штаба дивизии. И Фишель Левензон, комиссар первой бригады, тоже кишиневец. В 1917 году он был комендантом города, начальником гарнизона, а в дни наступления контрреволюционных войск боярской Румынии работал в штабе Бессарабского фронта. Большевики-кишиневцы являлись как бы костяком 45-й дивизии, сплотившим вокруг себя лудильщиков и пекарей Кишинева, чеботарей Хотина и Флорешт, батраков Плоского и Кучургана, рыбаков Тирасполя и Дубоссар.

Их не сломили ни наступление франко-румын на Днестре, ни яростные атаки франко-греческих десантов, рвавшихся из Одессы в Овидиополь. Не опьянила демагогия жалкого пигмея Григорьева, бывшего петлюровского атамана, ставшего затем командиром 6-й стрелковой дивизии Красной Армии, а потом изменившего ей.

Правда, красные бойцы-бессарабцы, уступив несметной силе — румыны нажимали из Калараша, а австро-венгры со стороны Жмеринки — оставили родной Кишинев. Отошли к Волге. Но в начале 1919 года вновь вернулись к Днестру, однако до Кишинева не дошли. По чьей вине? По вине того же пройдохи атамана Григорьева! После освобождения Одессы Главком приказал Григорьеву через Бессарабию протянуть руку помощи венгерской Красной армии. А он обманом заставил полки шестой дивизии повернуть штыки против советских войск. Не только не пошел в Бессарабию, но еще отвлек на себя силы с Днестра, из-под Одессы, Винницы, Симферополя, Юзовки. Своим мятежом помог румынам укрепиться на Днестре, Пилсудскому взять Коростень, Петлюре — Жмеринку, Деникину — Харьков, Полтаву и Днепропетровск, а шайке Махно безнаказанно гулять по нашим тылам. А тут еще этот негодяй Кожемяченко, безвестный Батурин, немецкий кулак Келлер…

Ну ничего, бунтуйте, яритесь, осенние мухи, контрреволюционная погань! А Кишинев все равно будет советским! Рано или поздно — обязательно будет!

2. Черное знамя

Иона Гайдук, тезка начдива, вел полуэскадрон всадников на Парканцы. Жаркое июльское солнце, повиснув над головой, раззолотило поля. По одну сторону проселка высились копны свежеубранной пшеницы, по другую — стелились яркие ковры баштанов.

Полуэскадрон еще на холодке отмахал переменным аллюром более тридцати верст, и теперь, в солнцепек, седые от пота кони лениво передвигали ноги. Чуть покачиваясь в седлах, молча двигались всадники. Жара сковала языки, да и предстояло такое, о чем не хотелось говорить. Шутка ли, идти на своих!

Ночью командир дивизиона Няга зачитал приказ: нагнать и разбить отряд Кожемяченко. Легко сказать — нагнать и разбить! Это же не румынские бояре, не чужеземцы-греки, не французы, не петлюровцы. Свои хлопцы, земляки, с которыми не раз плечом к плечу неслись в грозные атаки против австрийских грабителей, против контриков-гайдамаков. Но приказ есть приказ!

Впереди в полуверсте, подымая тучи густой пыли, двигался головной дозор. Хотя настоящий фронт был где-то далеко на Днестре, однако и здесь, в тылу, приходилось держаться настороже. Еще вчера было одно, а нынче не знаешь, чем тебя встретят в первом же хуторе — миской щей или залпом из заржавленных берданок. Искра, высеченная предателем Кожемяченко, воспламенила порох, долго хранившийся в бандитских тайниках.

Взводный Иона Гайдук впервые вел полуэскадрон. Доверие обязывало ко многому. В черных суконных брюках, заправленных в высокие рыбацкие сапоги, в полосатой тельняшке, прикрываясь от яркого солнца щитком руки, он то и дело всматривался в задернутую голубоватым маревом даль.

Головной дозор приближался к одинокому хутору с голубятней. Там как раз намечался большой привал. В этот момент внимание Гайдука привлекло возникшее вдали, на днестровской стороне, розоватое облачко. Оно все ширилось и темнело, пока не выросло в тяжелую пыльную тучу, плывшую к хутору вместе с внушительной кавалерийской колонной.

У Гайдука не было бинокля. Эта роскошь в те времена была доступна не всякому военному, даже командиру полка. Полуэскадронный, вскочив галопом на бугорок, сорвал с головы бескозырку, заслонился ею от ярких солнечных лучей. Привстав на стременах, он еще напряженнее стал всматриваться черными как уголь глазами в зыбкую даль. Смолистая копна волос,

освободившись от тугой бескозырки, упала на смуглый высокий лоб. От изумления и неожиданности раскрылся рот, заблестели зубы. Тревожное состояние всадника передалось и коню. Гнедой дончак заржал, стал бить копытами землю.

— Подлюки! — зло выругался Гайдук. — Не успели пришвартоваться до контры и уж черным вымпелом обзавелись…

А чужая колонна всадников и тяжелая туча пыли над ней безостановочно приближались к хутору.

Гайдук поднял руку со все еще зажатой в ней бескозыркой. Полуэскадрон остановился. Нетерпеливо зафыркали кони, прочищая храпы.

— Слетаю разнюхаю, что за люди, — послышался голос из головных рядов.

— Нечего нюхать! — строго отрубил командир. — Отсюда видно, как с капитанского мостика. Кругом ровнота, как на Балтике. И нечего нюхать, земляк. Ясно, что враги! Только вот этой черной хоругви я еще не видел. Били мы контру, какая шла под белыми, под жовтоблакитными, под цветными флагами. А зараз ударим по этой, что идет под черным знаменем. И так лупанем правым бортом, что подлюки сами почернеют.

— Командир! — послышался тот же голос. — А не лучше ли выслать к ним переговорщиков? Может, обойдется по-мирному, без драчки.

— Отставить! — скомандовал моряк. — Зачехли, брат, свою дудку. Нас послали не трепотню вести, а глушить контру. Изменников не уговаривают, их бьют. И сейчас наше оружие — не длинные языки, а острые сабли. Слушай мою команду, орлы! Первый взвод, строй фронт, второй — во взводную колонну стро-о-ойсь! — Полуэскадронный извлек из деревянной кобуры тяжелый маузер. — Сейчас мы, ребята, врежем. Долго будет нас помнить эта трехсот тридцати трех святителей жеваная рать!

Конники быстро перестроились и теперь в строгом молчании ожидали новых команд. Но какой-то долговязый боец, отделившись от хвоста колонны в сторону баштанов, взмахнул обнаженным клинком, отсек дыню, ловко подцепил ее кончиком лезвия и, довольный удачей, занял свое место в строю.

Гайдук заметил этот нехитрый маневр кавалериста.

— Ко мне! — приказал он долговязому. — Покажи товарищам свой боевой трофей.

Боец колебался недолго: в дивизионе Няги приказы командиров исполнялись без длительных раздумий. Когда кавалерист, держа под мышкой сияющую, словно солнце, золотистую дыню, подъехал к командиру, весь полуэскадрон дружно захохотал. Но тут же послышались и гневные голоса:

— Идем за народ, а народ грабим!

— Ему клинок даден сечь контру, а он… Тоже мне герой!

— Под суд мародера!

Гайдук взмахнул маузером — строй затих.

— Вот что, братишка! В атаку я тебя не возьму. Ступай на хутор. Сдай свой боевой трофей хозяину. Стой там на приколе. Побьем контру, будем тебя судить. Побьют нас — смотаешься в дивизион, доложишь все как было. Аллюр — два узла в час.

Но всадник не торопился. Переложив дыню под левую подмышку, достал клинок из ножен, протянул его командиру:

— Лучше сам заруби, командир, а не позорь!

— Шашку в ножны! — сердито приказал моряк. — Рубать тебя не стану. Жди суда. И не я, а ты себя позоришь. Позоришь дивизион, Красную Армию, Советскую власть. Ступай выполняй приказ…

Конный строй, набирая скорость, тронулся вслед за командиром навстречу вражеской колонне, а долговязый боец с опущенной головой и с золотистым шаром под мышкой уныло поплелся к хутору.

Полуэскадрон уже поднялся в галоп, высоко вскинув над головами сверкающую сталь. До черного знамени оставалось совсем немного. Но… противник почему-то никак не реагировал на приближение гайдуковоких всадников. Вражеская колонна все тем же спокойным шагом продолжала двигаться по пыльному тракту, не меняя походного строя на боевой, не высылая вперед дозоров.

Гайдук, пораженный странным поведением противника, дал шпоры коню. Дончак, вскинув длинным хвостом, закусил удила, рванулся вперед. И в это время всадник, двигавшийся рядом с огромным черным знаменем, подобрав поводья, широким галопом полетел навстречу Гайдуку.

— Иона, чертов сын! — заревел он басом, сняв с курчавой головы кудлатую папаху. — «Я опущусь на дно морское, я подымусь под облака…» — Всадник остановил тощего, изголодавшегося коня, поправил рукой сползавшую с правого глаза черную повязку. — Спрячь пока пушку, Иона. Давай поздоровкаемся. Шутка ли, дружка ветрел! И где? В степях родной Молдавии… Не на дне морском и не в облаках…

— Здоров, Свирид! — с радостным изумлением ответил Гайдук и уставился в темную с серебристыми паутинками бороду дружка. — Откудова и куда держишь курс? — Гайдук быстрым взглядом окинул колонну одноглазого. На селянских изнуренных лошадках с подушками вместо седел сидели пестро одетые всадники, кто с русской, кто с румынской винтовками.

Гайдук подал знак рукой. Полуэскадрон, не ломая боевого порядка, перейдя на шаг, остановился.

— Идем оттудова, — взмахнув рукой в сторону Днестра, поведал Свирид. — Колошматили румынцев и зуавов, брали на абордаж помещиков. А сейчас в Бессарабии духота, как в кочегарке. Нечем стало дышать. Вот я и повел своих хлопцев на русский берег: здесь будем давить контру. А после, может, и найдем тут, на Украине, хорошую голову… Она поведет нас обратно в Бессарабию…

— Это ты молодец, Свирид! — обрадовался Гайдук. — Сейчас дел хватит всем. Всем, кто стоит за народ, за свободу, за Ленина! А как там дома? Бывал в Богатом?

Иона Гайдук и Свирид Халупа выросли в большом бессарабском селе Богатом, что по соседству с придунайским городом Измаилом, на берегу сказочного озера Катлабух. С малых лет закалялись в его шумных водах. До военной службы, не имея ни своих челнов, ни своей снасти, вместе с отцами рыбачили на широких просторах Катлабуха, обогащая кулаков Богатого. В войну опять же вместе служили на Балтике. Кочегарка миноносца «Отважный» еще больше сдружила их. По призыву председателя Центробалта Павла Дыбенко принимали участие с десантом кронштадтцев во взятии Зимнего. Потом их пути разошлись. Иона Гайдук весной 1918 года с отрядом матросов попал в Кишинев, Свирид Халупа очутился в Екатеринославе.

— Замучила наших стариков измаилская сигуранца, — упавшим голосом продолжал Халупа. — И моих и твоих. Но я не остался в долгу. Отплатил нашим дукам и за себя и за тебя, Йона. Да, друг, твой старик все ходил по Богатому и хвалился: «Я-то как чай-травка, зато мой Ионул, слава богу, вышел в крепкие дубы. Там, на Украине, он высокий начальник… паша…»

— Конечно высокий! — усмехнулся Гайдук. — Посмотри на моего дончака — не конь, каланча…

Колонна Халупы продолжала свой путь к хутору с голубятней. Гайдук дал знак своим двигаться следом. Впереди черного знамени, мирно беседуя, ехали два командира. Скоро всадники обеих колонн завели лошадей в тень сада, стали знакомиться.

Чтобы развлечь своих людей на привале да удивить новичков — заднестровских ребят, Гайдук извлек из переметной сумы «походную фортупиану». Это было заботливо завернутое в войлок и холст внушительное оглинде, а по-русски сказать, — зеркало. Его заводной механизм исполнял одну-единственную мелодию — «Кампанеллу» Листа, насыщенную малиновым перезвоном колокольчиков.

— Что, приданое с собой таскаешь? — подмигнул единственным глазом, но довольно выразительно, Халупа, когда друзья детства уселись на глиняной завалинке хаты.

— Не приданое, а дорогой презент, подарок, значит, Свирид, от самого начдива.

— Это за что же он тебе презентовал, Ионул?

— Под Бендерами, помнишь, еще в прошлом году, когда мы отступали в Россию, погнался за нами броневик. Мы из засады вышибли пулями весь дух из скатов, французов захватили. А это оглинде висело в башне броневика. Якир — он был с нами — и презентовал мне эту фортупиану. Я ее берегу. В бою все норовлю стать к пулям правым бортом. Вожу свой презент в левой переметной суме…

— Тебе этот пустячок, а себе, думаю, отхватил, что поценнее. Французы, те дошлые — у них и часишки, и бруслеты золоченые, и перстеньки дорогие, и протабашни чижолые…

— Верно говоришь, Свирид. Всей этой муры в броневике нашлось в предостатке. Якир собственноручно сделал всему добру полный учет, а мы, красные гвардейцы, своими лапами тую перепись припечатали и с верным хлопцем — гайда до Одессы, в народную кассу, значит.

— Лопух ты, Ионул, — громко рассмеялся одноглазый. — Тот верный хлопец шикует с вашей посылочкой где-нибудь в Одессе, а то и в самом Бухарессе…

— Не я, а ты лопух лопухом, друг-Свирид, — лукаво усмехнулся Гайдук. — Тот верный хлопец в сей момент треплется вот тут с тобой. Уволок я тогда в Одесский банк не один тот узелок. В Бендерах подкинули еще пудика два золота, буржуйского, конечно. Вот в бескозырке, вшитую, конечно, таскаю копию расписки. На всякий случай, конечно.

— Трахни меня гром, не поверю, чтоб начальничек чем-нибудь не попользовался.

— Правильно чешешь, Свирид! Он таки попользовался. На то он и начальник! Взял ту штуку у пленника, повертел ее в руках, полюбовался и еще усмехнулся: «Вот оно самое для меня дорогое…»

— Что, Ионул? Перстень с голубым алмазом?

— Куда там. Бери, Свирид, повыше… Новенький блот-нок, ну книжечка такая записная…

— А это что у тебя, друг? — спросил одноглазый, указывая на широкий шрам с бело-красными рубцами на шее земляка. — Не сам ли себя бритвой?

— Чего захотел. Жизнь мне еще не надоела. Эта штука заработана под Богучаром. Застукали меня на одном хуторе

донцы. На счастье — пешка… Я в галоп, а тут перед самым носом тын. Я шпоры, конь через верх. Сам-то я ушел, а бурку — добрая была штука — лампасники с меня содрали. Держалась она на ремешке. Вот на горле его след. Это, брат, похлеще бритвы могло обернуться…

Помолчали с минуту, продолжая рассматривать друг друга. Потом Гайдук спросил земляка:

— А почему это ты, товарищ флагман, плаваешь не под красным, а под черным вымпелом?

Халупа загадочно улыбнулся:

— Ты посмотри хорошенько, Иона, что на нем значится. На нем выведено белым по черному: «Мы горе народа потопим в крови». Не знаю, Иона, стал ли ты коммунистом, а я — стоп. Я склонился к анархии. Вот кто за народ!

— А чего хотят твои анархисты?

— Настоящей свободы! — выпалил Халупа. — Свободы не на словах, а на деле. Царь — это я! Народ свободен, когда свободен каждый человек. Из всех царств наши признают только одно — царство свободы.

— А коммунисты разве не за свободу для народа?

— Коммунисты свое сделали, — самоуверенно продолжал Халупа. — Спасибо им, царя спустили на дно, Керенского взяли на абордаж, замирились с германцем, прогнали буржуев, дали землю мужику. А зараз надо другое. И это другое коммунистам не по плечу. Кишка у них тонка. Зараз все сделают другие люди. И знаешь, Иона, кто верховодит ими? Батько Махно! С ним я воевал все лето против немцев. Голова! Весной, как прогнали гетмана, потянуло меня на родину. Батько благословил, а я ему обещал привести подмогу. Вот и веду! — одноглазый мотнул головой в сторону шумного бивуака. — Добрые хлопцы, смирные и послушные…

— А того не знаешь, Свирид, что твой Махно изменил народу? Я хоть и недавно вступил в политику, стал большевиком, значит, а понимаю — Махно открыл Деникину шлюзы. Воюет против нас. Собрал какую-то трехсот тридцати трех святителей разгульную рать…

— Про батька молотят языком разное. — Халупа снял с головы кудлатую папаху. — У меня правило: не верь ушам, верь глазам. Махно — вояка! Где не возьмет силой, берет хитростью. Настоящий мужицкий воевода. А у вас кто? Говорят, Красная Армия обратно стала под команду царских офицеров. Старый режим!

Гайдук поднял с земли почерневшую абрикосовую косточку. Прищурив глаз, швырнул ее в сторону тына, вдоль которого

выстроилась плотная шеренга цветов. Ярко-малиновый лепесток мальвы, сбитый метким попаданием, кружась, упал в гущу пушистых ядовито-желтых люпинов.

— Брехня, Свирид! Знаешь кто наш воевода? Мой тезка Иона Якир. Атлет… Хоть двадцать два годка, а башка. И геройский вояка! На весь наш Бессарабский фронт первый награжден высшей боевой наградой — орденом Красного Знамени. Пойми, Свирид, от самого Ленина отличие! С ним, моим тезкой, я воевал в Тирасполе против румынцев, отступал к Воронежу, бил на Дону белоказаков. И вот сейчас воюю. Твоему воеводе Махно, скажу прямо, далеко до нашего Якира.

— Награду, говоришь, получил? Вот то-то оно и есть, — не сдавался Халупа, снова нахлобучив на свои кудри папаху. — Обратно, значит, объявились царские отличия разные, всякие ордена, кокарды, бляхи на рубахи. Кончилась золотая свобода… Вот и у тебя, вижу, на бескозырке звезда. Это же антихристово проклятое тавро!

— Эх, жаль мне тебя, Свирид. Кочегар с крейсера, брал Зимний, а сколь в твоей башке мраку. Как в брюхе акулы. Было бы больше времени, поговорили бы лучше, поколупался бы я крепче в твоей душе. Как большевик, я должен бы тебя по закону совести застопорить, а твое войско разоружить. Но у меня сейчас задача иная. Иду бить изменников. Все-таки скажи, как ты проскочил? Ведь кругом наши…

— Проскочил… Не зря прошел науку батька Махно, — не без похвальбы ответил Халупа. — Ваших обходил, от изменников — встречал я таких тут недалече — отбрехался. Звали к себе. А у меня, как и у тебя, задача иная. Иду к батьке.

— Пе драку! — по-молдавски выругался Гайдук и тут же перевел: — Черта с два! Башку даю на отрез, честно говорю, сейчас же шлю гонца к Якиру, а он уж вас перестренет, где надо. Не поможет тебе, Свирид, наука твоего батька. Наша наука покрепче.

Гайдук заметил маячившего вдали всадника с дыней под мышкой. Подозвал его. Поманил пальцем вертевшегося у изгороди хозяина хутора.

— Почему не выполнил приказ? Почему не вернул хозяину дыню? — строго спросил он красноармейца.

— Не берет… — виновато ответил тот.

— Чудаки вы, люди, — небрежно ухмыльнулся хозяин. — Жалко мне этого дерьма, что ли? Все одно сгниет. Раньше приезжали за дынями с Раздельной и Тирасполя, а зараз вся коммерция прикрыта. Куда подевали свободу торговли? Заарканили, Я вашим хлопцам целую арбу выкатил дынь. Нехай

питаются. И мы за Советскую власть, только за настоящую…

— За Советскую? — покосился на хозяина боец. — А винтовку куда задевал? Сознайся! Иду я по вашему приказу, товарищ командир, тихонько к хутору, а этот вот за тыном стоит с гвинтарем. Как заметил меня, куда-то шасть, а потом выходит с пустыми руками. Хотел обыск сделать, не стал. Опять, думаю, будет командир шерстить перед всем строем…

— На то и свобода личности, — вмешался Халупа. — Хочет — держит оружие, не хочет — не держит!

— Ты свой махновский устав брось, — вскипел Гайдук, отмахиваясь от назойливой осы бескозыркой. — Обыскать хутор этого кынелупа[2]!

Боец, положив дыню на скамейку, рьяно взялся за дело. В леднике нашел три винтовки, цинку патронов да еще бочку из-под сельдей, туго набитую пожелтевшим салом.

— Повезло тебе! — с завистью сказал одноглазый Гайдуку. — Сожрешь сало со своими хлопцами.

— Пе драку! — повел богатырскими плечами Гайдук. — Сало поделим. Это уставом жизни предписано. И у тебя небось люди голодные. Жрать каждому человеку хочется. Твои орлы за это сало еще отплатят Советской власти!

Гайдук сам делил кулацкое сало:

— Шмот налево, шмот направо!

— Да, тебе, Иона, с этим сальцем подфартило, — хитровато улыбнулся одноглазый. — А так, вижу, не шикуете. Что-то люди твоего боевого экипажа тощеваты. Не то что у батька. Чего-чего, а жратвы в его армии вдоволь. С провиантом перебоев нет.

— А ты, Свирид, мой закон знаешь? — строго посмотрел на земляка Гайдук. — Считаю так: лучше десять раз недоем, чем раз дам себе плюнуть в глаза. Часто голодал… Иные жрали в три горла, хоть и жили с оплеванными мордами. Туговато приходится зараз, сознаюсь. Но и с пустым брюхом, я хожу, Свирид, по земле как виц-адмирал…

В самый разгар дележки сала долговязый боец принес пачку отпечатанных на машинке листовок. Он обнаружил их за божницей в хате кулака. Гайдук взял одну, стал читать:

«Восставайте, крестьяне и немцы-колонисты! Присоединяйтесь к повстанцам, дабы положить конец чрезвычайкам и московским комиссарам. Беритесь за винтовки, вступайте в отряды братьев по крови и труду. Идите с лозунгом: «Долой коммунию!» Командир Раздельненского отряда М. Келлер».

Глаза Гайдука засверкали гневом. Бросив дележку, он двинулся в сад, где отдыхали люди Халупы.

— Послушайте меня, хлопцы, — обратился к ним по-молдавски Иона и громко прочитал воззвание Келлера. Потом сказал: — Я не оратор, конечно, красиво говорить не умею. Но вы сами подумайте: кто ваши братья? Мы, — ударил он себе ладонью в грудь, обтянутую тельняшкой, — или кулаки-колонисты, сосавшие кровь наших дедов, отцов, мою кровь, вашу? Мне тут трепаться некогда. Я говорю прямо: кто за кулаков-колонистов, идите за Халупой, а кто против — тому путь с нами! — После короткой паузы приказал: — По коням, хлопцы! Ложимся на курс…

Команда подействовала магически. Полуэскадрон быстро построился в походную колонну, а позади вытянулась колонна бессарабцев, приведенных Халупой.

— Голосуем? — спросил один из них тонким певучим голосом.

— Голосуем! Голосуем! — дружно раздалось в ответ.

— Я остаюсь! — снова послышался тот же голос. — Кто со мной?

Над строем бессарабцев взметнулось множество рук.

— Я тоже против кулаков! — стал было доказывать одноглазый.

— Тогда ступай с нами! — предложил Гайдук.

— Нет, Иона, хлопцы пусть идут, а я… «я опущусь на дно морское, я подымусь под облака…» Пока, друг Иона, я воздержусь…

Взобравшись на коня, Халупа пустил в ход шпоры и подался на восток. Вслед за ним из колонны ускакали еще пять всадников. Гайдук весело оглядел свое войско, так неожиданно выросшее вдвое.

— Черное знамя отдать бы ему, товарищ командир, — предложил один из кавалеристов.

— Нехай остается, — усмехнулся Гайдук. — Раздерем его на портянки.

3. Мыльный пузырь

Якира срочно вызывали в Одессу. Губернским властям было о чем беспокоиться. Тут все еще помнили Вознесенское восстание, вспыхнувшее вскоре после разгрома мятежных полков атамана Григорьева. А теперь над городом и губернией нависла новая грозная опасность: от Екатеринослава на Умань двигалась конница генерала Шкуро, а от Алешек — отборная пехота белогвардейских генералов Слащева, Шиллинга, Ванновского, того самого Ванновского, папаша которого возглавлял военное министерство при двух царях — Александре III и Николае II.

В Одессе знали, что со шкуровцами сражается крепкая, проверенная в боях 58-я дивизия под командованием Ивана Федько. В дивизии было не три, как положено по штату, а четыре стрелковые бригады — Шишкина, Мас-лова, Мокроусова, Кочергина да конная бригада Урсулова. Кроме того, Днепровский крестьянский полк Тарана, Интернациональный спартаковский полк. Всего шестнадцать полков. Сила! Труженики Таврии, Херсонщины, Екатеринославщины, днепровские рыбаки и моряки Черноморья — надежная защита. Участок же от Николаева до Одессы, лицом к Черному морю, занимала недавно созданная 47-я дивизия во главе с Лагофетом. Начдив Лагофет — боевой товарищ, на него можно положиться. А сама дивизия еще сыровата, не сколочена по-настоящему, не обстреляна. К тому же почти все командные посты в ней заняты призванными по мобилизации бывшими царскими офицерами.

Надвигавшаяся с востока опасность не на шутку встревожила одесские губернские власти. Вызывала тревогу и западная, днестровско-подольская, сторона. Там, вдоль Днестра, все еще продолжалось кулацкое восстание, которое, если не принять срочных мер, могло с неистовством лесного пожара перекинуться и на Одессщину, принести не меньше бед, чем майский мятеж атамана Григорьева. Потому губком и решил посоветоваться с Якиром, как обезопасить город и как быстрее погасить пламя кулацкого восстания.

А в то время в Бирзуле, в штабе 45-й дивизии, жизнь шла своим чередом. Вернулись вызванные Якиром наштадив Гарькавый из Раздельной и военком дивизии Николай Голубенко, ездивший в Рыбницу, во вторую бригаду Котовского.

Голубенко и адъютант комдива Охотников стояли возле приколотой к стене десятиверстки и внимательно слушали сообщение наштадива. Коренастый, в туго затянутом широким ремнем офицерском френче, Илья Гарькавый знакомил

товарищей с только что поступившими в штаб донесениями. Военком, время от времени бросая тревожный взгляд на карту, делал какие-то записи в потрепанном блокноте.

Комиссаром 45-й дивизии Голубенко стал совсем недавно, после расформирования 3-й Украинской Красной Армии, где он был членом Реввоенсовета и многое сделал для превращения разрозненных партизанских отрядов в регулярные советские полки. В дивизии дел оказалось не меньше, чем в армии, и Голубенко с присущей ему энергией отдавал теперь всего себя новой работе. Быстро сдружился с Якиром и Гарькавым. Ему, бывшему рабочему-гвоздильщику, в семнадцать лет угодившему за революционную деятельность на царскую каторгу, пришлись по душе неугомонная деловитость начдива и наштадива, их умение вдохновлять людей, их личное бесстрашие в бою.

Выслушав сообщение Гарькавого, Голубенко еще раз посмотрел на карту и молча отошел к окну. За окном на первом пути, нетерпеливо попыхивая, стоял мощный пассажирский паровоз, на котором начдив должен был ехать в Одессу. Паровоз охраняли два моряка и два бойца-китайца, служившие еще в тираспольском батальоне — первой боевой части, созданной Якиром в 1918 году.

Начдиву уже несколько раз звонили из Дубоссар, пока он вел разговор по прямому проводу с командиром 400-го стрелкового полка Иваном Колесниковым.

— Передавайте. У аппарата начдив сорок пятой, — продиктовал Якир телеграфисту.

— «Вас слушает компполка четыреста Колесников», — прочитал морзист ответ.

— Восстало ваше родное село Плоское точка, — продолжал диктовать Якир. — Восстание надо потушить немедля точка Эту задачу губком партии и командование дивизии возлагают на вас точка Что вы скажете, товарищ Колесников точка Отвечайте и смотрите мне прямо в глаза точка.

— «Ваши последние слова, товарищ начдив, оскорбляют меня».

— Скажу прямее точка Кое-кто из моих помощников говорит, что вы не поведете своих бойцов-плосковцев против Плоского точка.

— «Чихал я на ваших помощников и на их малахольные слова точка Мне важно, что думаете и говорите вы, товарищ начдив точка Отвечайте и смотрите мне прямо в глаза точка».

— Я знаю ваших людей точка Это орлы точка Били они Петлюру, били румын точка Но это еще не тот экзамен точка Гражданская война, товарищ Колесников, — это то, когда идет не

народ на народ, не уезд на уезд, не село на село, а хата на хату, брат на брата, труженик на мироеда, а то и сын на отца точка Я смотрю вам прямо в глаза — и вам, товарищ Колесников, и вашим бойцам — и говорю: вы сегодня же докажете, что постигли всю премудрость гражданской войны точка Действуйте точка Приказ вам послан точка Каково настроение ваше, настроение людей точка.

— «Настроение гадкое, досадно за обдуренных земляков точка Но свой долг перед революцией выполним точка Шлите боеприпасы, снаряды на исходе точка Докладываю, товарищ начдив, девятая рота соседнего полка, занимавшая фронт в Спее, вместе со спейскими бунтовщиками присоединилась к повстанцам Малаешт точка Мы с комиссаром арестовали агитаторов точка Их прислал из Плоского изменник Кожемяченко точка».

— Правильно сделали, товарищ Колесников точка Принимаем меры избежать ненужного кровопролития точка Сейчас на автомобиле выезжают в Плоское военком дивизии Голубенко с комиссаром полка Владимировым точка Пускайте в ход оружие только в крайнем случае точка Со стороны Раздельной брошены кавалеристы товарища Няги точка Желаю успеха, дорогой Иван Наумович, жду донесений точка.

Начдив решительно надвинул на коротко остриженную голову выцветшую холщовую фуражку, подтянул ремень. Со строгим озабоченным лицом приблизился к простенку, где возле карты все еще стояли его ближайшие помощники.

— Слышали новость, товарищи! — обратился к ним Якир. — К повстанцам переметнулась девятая рота четыреста третьего полка. Только что сообщил Колесников.

— Никогда бы не поверил, что на это способны тилигуло-березанцы, — поглаживая длинные усы, отозвался Гарькавый.

— Но осталось еще восемь рот! — вступил в разговор Голубенко. — Ведь это полк, который в мае не пошел за изменником Григорьевым. Мало — не пошел, колотил его крепко.

— Вот я и поставил задачу тилигуло-березанцам: одним батальоном наблюдать за Днестром, двумя — ударить на Малаешты. Думаю, они и задачу выполнят, и образумят своих блудных братьев — девятую роту. Одно досадно — врагу нет-нет да и удается иногда сманивать наших людей на свою сторону. А почему? Вот ты, Николай, — повернулся Якир к комиссару, — едешь в Плоское. Вникни там, почему это трудовому селянину антисоветские идеи повстанцев становятся подчас ближе наших, ленинских идей.

— Так там же кулаки! — пожал плечами Гарькавый.

— Если бы так, дорогой Илья Иванович! — возразил Голубенко. — Вот ты донес, что навстречу бунтовщикам Кожемяченко поднялись несколько тысяч кулаков. Чепуха! Беда в том, что вместе с кулаками идет народ. Кто-то крепко затуманивает людям головы, сбивает с пути истинного. Вот потому и получается, что труженик земли иногда начинает смотреть на своих друзей как на врагов, а врагов принимает за друзей.

— И в этом наша трудность, — задумчиво продолжал Якир. — Мы вынуждены бросать бойцов против своих же братьев по классу, одураченных, но все же братьев. Представьте себе красноармейцев полка Колесникова да и его самого. Ему приказано идти на Плоское…

— Не знаю, — покачал головой Гарькавый, — как справится с задачей Колесников. Бывший левый эсер и к тому же друг Кожемяченко. Ведь земляки они, оба плосковчане…

— Юрий Саблин тоже бывший левый эсер, а как воюет! — возразил начдив. — Нельзя всех мерить на один аршин. Для этого надо понять каждого товарища и знать, кто к чему стремится. И еще скажу: это даже хорошо, что наряду с коммунистами советские полки ведут в бой беспартийные. Помните, раздавались «благоразумные» голоса: «Котовокому не следует доверять, у него, мол, душа стихийного анархиста». А партия ему поверила. Теперь этот «стихийный анархист» так командует, что дай бог каждому!

А не бросить ли против повстанцев кавалеристов штабного мадьярского эскадрона? — вставил Яков Охотников. — Они бы их враз покрошили. Мадьяры не могут спокойно слышать слово «повстанец». Злы на них еще со времен Григорьева, сорвавшего помощь Советской Венгрии.

— Вот это, Яша, ты зря! — не согласился с адъютантом Голубенко. — Бросить на одураченных селян мадьяр в их красных пилотках — значит еще больше разъярить повстанцев. Тут без большой крови не обойдешься. Затянется волынка, румыны начнут переправляться через Днестр, а Петлюра двинется из Подолии. Вот против повстанческого ядра Михеля Келлера можно, пожалуй, двинуть нашу венгерскую конницу. Есть слух, что мятежников Келлера возглавляют два деникинских генерала и двенадцать офицеров. И среди них особенно выделяется один, по прозвищу «Скорпион». Келлер только ширма. С румынскими агентами немецкие кулаки-колонисты не пожелали иметь дело, а с деникинцами снюхались.

— Да, дело табак! — как бы подвел итог Гарькавый. — Мы и так вроде в чувале сидим. Пока, правда, он открыт, а разгорится

восстание — жди беды. Лишимся единственного пути к двенадцатой армии, к Киеву, к Москве…

В штаб, гремя шпорами, ввалился запыленный, с впавшими от усталости глазами кавалерист. Он привез донесение от полуэскадронного Гайдука вместе с воззванием повстанческого главаря Келлера.

Известие о встрече Гайдука с партизанами-земляками и особенно о том, что заднестровцы ушли из-под черного знамени Махно, всех обрадовало. Значит, эти дни отмечены не одними только потерями.

Погоню за Халупой решили не затевать: и без этого дел было вдоволь, но воззвание Келлера размножили. Часть из них захватил с собой Голубенко, направлявшийся в логово повстанцев — Плоское, часть — разослали в полки. Текст воззвания не нуждался ни в каком разъяснении, он сам говорил за себя — из каждой строки торчали вражеские «уши».

Когда Якир спустя два дня вернулся из Одессы, кулацкое восстание было подавлено, в тылу все затихло, и снятые с фронта полки снова заняли позицию по Днестру.

События разворачивались так. Третья бригада, прибегая больше к маневру и охватам, чем к огню, вышибла немцев-колонистов, предводимых Келлером, из колонии Страсбург и погнала их к Кучургану. Там прижала повстанцев к Кучурганскому лиману и вынудила к сдаче. Затем бригада двинулась на Слободзею, заставив мятежников выдать зачинщиков — кулаков и деникинских офицеров.

В Плоском дело обстояло сложнее. Озабоченный деликатной миссией, Колесников, ни на минуту не забывая о разговоре с начдивом, форсированным маршем двинул свой полк из Григориополя через Ташлык на Плоское. Рассыпав два батальона цепью, не открывая огня, повел бойцов в родное село. В это время тилигуло-березанцы наступали на Малаешты. В Плоском и Малаештах сосредоточились повстанцы из Спей, Токмазеи, Красногорки.

Цепи уже подходили к окраине Плоского, когда навстречу им хлынула толпа женщин с кумачовыми флагами.

— Петро! Васько! Гаврило! — кричали красноармейцам их жены, сестры, матери.

Потрясенные зовом близких людей, бойцы остановились. Не помогли команды Колесникова, уговоры комиссара. Полк будто прирос к земле. А тут из балки выскочили мятежники, возглавляемые Кожемяченко. Красноармейцы повернули назад и, вяло отстреливаясь, рванули до самого Ташлыка.

Под Ташлыком командир полка собрал людей и, шагая вдоль

строя, скорбно вопрошал:

— Ну, что будем делать дальше, братцы?

В это время прискакал всадник с белым платком на длинном рогаче. Он привез записку Голубенко из Плоского. Комиссар приказал пока не наступать, а если до вечера не будет от него новых указаний, то действовать согласно приказу начдива.

В Плоском, на площади у церкви, собрались повстанцы. Многие с винтовками, а большинство — с вилами, косами, дрючками. Верховод Батурин — молодой, с хищным совиным лицом, с маузером на одном боку, с двумя гранатами на другом — долго не соглашался давать слово Голубенко. Батурина поддержал Кожемяченко — кряжистый тупоносый увалень, с глубокой ямочкой на подбородке, напоминавшем утиный клюв. Но из задних рядов повстанцев раздались голоса:

— Раз приехал, нехай говорит…

Голубенко, обнажив голову, встал на сиденье автомобиля. Рядом с ним находился комиссар 403-го полка молоденький розовощекий Леонид Владимиров. Выбросив вперед руку, Голубенко начал речь, обращаясь к главарям:

— Продажные шкуры, петлюровские прихвостни! Ваши братья своей кровью завоевали Советскую власть, дают отпор румынам на Днестре, а вы им нож в спину…

— Ну, ну, ты полегче на поворотах! — гаркнул Кожемяченко и достал из кобуры наган.

— Захрюкал гадина! Человека узнают по носу, свинью — по пятаку! Плевал я на царских палачей в царской каторге, плюю и на тебя, изменник, подлюка! Тебя, собака, не жаль, да вот с народом что? Забил ты ему паморки. Вместо того чтобы идти на румын-буржуев, заклятых врагов наших, ты поднял селянство против Красной Армии. Подумайте, люди, удавалось ли хоть одно восстание против Советской власти! Ни одно! На что был силен атаман Григорьев, а что сталось с ним? То же будет и с Кожемяченко. Одумайтесь, пока не поздно, сдавайте оружие, расходитесь по домам. Все вам простит Советская власть, но при одном условии — схватите зачинщиков, изменников…

— Дудки! — крикнул Кожемяченко и подал знак своим людям. Кавалеристы двинулись вперед, начали разгонять народ:

— На позиции, на позиции! Которые с оружием — в окопы, которые без оружия — по домам!

Тут взял слово спутник комиссара дивизии. Но его оборвал Батурин:

— Эй ты, Владимиров! Нашей веры человек, а кому продался? Чужакам — латышам, китайцам и прочим басурманам.

— Кого вы слушаете? — рассердился не на шутку

Владимиров, хорошо знавший Батурина. — Это же не простой, а трехъярусный подлец. Все Плоское знает: своей подруге изменил — раз! Изменил своему другу Няге — два! Теперь изменил нашей боевой дружбе — три! Много не придется ждать — продаст он и вас, товарищи плосковцы!

И тут Владимиров, перегнувшись с машины, схватил Батурина за шиворот. Началась возня. Схватка привлекла внимание повстанцев. Когда снова наступила тишина, Голубенко извлек из кармана френча воззвание Келлера, начал его читать. Это даже понравилось Кожемяченко и его свите. Они не перебивали комиссара. Закончив чтение, Голубенко гневно крикнул:

— Вот Батурин обвинил Владимирова, что он продался чужакам. А кому продались вы? Колонисту Келлеру? Мало вас жали кулаки-колонисты? А знаете ли вы, что верховодят ими деникинские генералы-помещики?

— Хватит! — оборвал комиссара Батурин. — Побеседовали, а зараз будем с вами воевать.

— Будем воевать, — поддержали Батурина многие голоса.

— А румын, петлюровцев кто будет бить? — крикнул Владимиров.

— Мы и с вами и с ними повоюем. Видали, сколь народу идет? — Батурин хищно оглянул вооруженную толпу. — И ваши люди скоро будут с нами.

— Наши люди разгонят вас еще до вечера, — ответил Голубенко. — А вам, собакам, будет то же, что было атаману Григорьеву.

В это время Батурин подал кому-то знак. Из толпы вышел молодой повстанец с мальчиком лет пята на руках.

— Передайте вашему Колесникову — мы взяли его Славку в заложники, — злорадно прохрипел Батурин. — Пусть потом пеняет на себя.

Главари повстанцев отпустили комиссара. Вместе с Владимировым он направился в Ташлык. Там они собрали 400-й полк. Рассказали о том, что было в Плоском. Зачитали воззвание Келлера. Выступил Колесников, у которого не выходило из головы сказанное начдиву: «Чихал я на ваших помощников и на их малахольные слова», закончил свою речь так:

— Гражданская война — это то, когда хата идет на хату, брат на брата, сын на отца, труженик на мироеда…

В это время прискакал в Парканцы кавалерист — бедняк старообрядец из Плоского. Он был одним из тех, кого Батурин обманом вовлек в мятеж. Обступившим его бойцам рассказал, что делалось в родном селе. Кавалеристы, потрясая винтовками,

шумели:

— На Плоское, товарищ Гайдук, на Плоское!

— К стенке Батурина и Кожемяченко!

Но в лапы мятежников попал сын командира полка Колесникова. Это известие ошеломило не только Гайдука. Надо выручать ни в чем не повинного парнишку. Охотников пойти на опасное дело нашлось много. Командир выбрал двоих — перебежчика-старообрядца и только что вернувшегося из штаба дивизии долговязого бойца, любителя дынь.

Совсем стемнело, когда смельчаки стреножили своих, лошадей в лозняке на подступах к Плоскому. Старообрядец хорошо знал родное село. Ползком оба добрались до крайних домов. Задами проникли во двор школы, занятой мятежниками.

Долговязый подполз к сараю и стал наблюдать, старообрядец направился к окну сторожихи. В ее клетушке повстанцы держали заложника.

Старообрядец прильнул к окну. Слабый язычок коптилки освещал комнатушку. У ее стенки на узком топчане лежала сторожиха, прижав к себе малыша. Поддев обнаженным клинком фрамугу, боец распахнул створки.

Всполошившаяся старуха подскочила к окну.

— Тш-ш, бабуся, это я, Макар Заноза, — зашептал старообрядец. — Давай сюда хлопчика… Тут во дворе сам Иван Наумович… Правду кажу, бабуся… Побей меня Христос, коли брешу.

— Спаси и помилуй, спаси и помилуй, — забормотала старуха, схватив дрожащими руками Славку и подавая его в окно Макару.

— Где папа?.. — захныкал мальчик.

— Замовкни, пташечка, зараз его побачишь, — шепотом произнес Заноза. Прижав к себе малыша, бросился со всех ног к сараю. Но запутавшаяся в ногах шашка подкосила его…

— Стой! Кто идет! — послышался грозный окрик. Началась стрельба.

Из-за сарая выскочил долговязый кавалерист, схватив Славку, бросился с ним наутек. Прогремел выстрел. Почувствовав ожог в пояснице, боец сделал еще несколько шагов и, не выпуская мальчика, растянулся во весь рост у самого перелаза.

Прикрывая отход долговязого, открыл огонь Заноза. Но что он мог сделать своим одним карабином против целого роя мятежников!

Осколки разорвавшейся «лимонки» сбили его с ног.

Онемевшего с перепугу мальчика, теперь уже не доверяя никому, подобрал сам Батурин.

В сумерках 400-й полк вышел из Ташлыка. Десять верст до Плоского люди двигались молча, только все время усердно курили.

На подступах к селу Колесников приказал развернуть пушки. Он хорошо знал эти места, знал, что рядом с видимой издали колокольней стоит школа. В ней штаб повстанцев. Там и его Славка — заложник. Первый, второй, третий снаряды разорвались близ школы. Четвертый угодил в здание. Когда по Плоскому было выпущено около трехсот снарядов, главари разбежались, бросив в пустых классах контуженого Славку.

Двинулись вперед цепи. А в тылу у повстанцев, пока полуэскадрон Гайдука двигался боковыми дорогами через Парканцы, появился кавалерийский дивизион Михая Няги. Тогда навстречу советским войскам снова с красными флагами, с зажженными факелами вышли с повинной толпы мятежников. Их главари — Батурин и Кожемяченко — успели скрыться.

В Малаештах дело затянулось до утра. 397-й полк выбил мятежников из села. А местные жители, главным образом немцы-колонисты, стараясь задобрить победителей, щедро угощали их самогоном. Бойцы перепились, уснули. Вновь налетели вооруженные повстанцы, вышибли 397-й полк из села. На рассвете подоспел Иона Гайдук со своим полуэскадроном, больше уже похожим на полк, и коротким ударом покончил с малаештинскими повстанцами.

После трудной ночи, положившей конец так называемой «Плосковской республике», Голубенко и Владимиров целый день проводили митинги с крестьянами на широкой церковной площади мятежного села.

Почему восстали плосковские кулаки и кучурганские немцы-колонисты, было яснее ясного. Вызывало тревогу другое — почему вслед за вековечными угнетателями приднестровских крестьян поднялись и угнетенные? Почему поднялись против своей родной Советской власти трудовые селяне и забитые нуждой днестровские рыбаки? Вот что хотел понять комиссар. Гарькавый, докладывая командованию дивизии о событиях в «Плосковской республике», обронил такие слова: «Все кругом зреет как опара». А Якир ответил ему: «Нет, это не опара, а мыльный пузырь. И чем больше он раздувается, тем скорее лопнет». Так и случилось: «Плосковская республика» лопнула после первого же удара…

Чем же все-таки увлекли трудовых крестьян Кожемяченко и Батурин? Что заставило их взяться за оружие? На митингах селяне каялись. Их прельстили посулы какой-то особой, «настоящей» свободы. «Ведь что получается? — говорили они. —

Коммунисты одной рукой дают, а другой отбирают. В лавках ни материи, ни гвоздя, ни керосина, а хлеб в коморах подчищают до последнего зернышка. Нам обещали мир, а все время идет война то с немцами, то с румынцами, то с Петлюрой, то с чертом, то с дьяволом».

Голубенко соглашался: да, деревне тяжело. А разве городу легче? Бедствует крестьянин, но еще больше бедствует рабочий. Так будет, пока не покончим с Петлюрой, Деникиным. Надо всем дружно навалиться на врага. Но разные Григорьевы, кожемяченки мутят народ, вставляют палки в колеса. Кричат о народе, а на самом деле проливают народную кровь за немцев-колонистов, за Петлюру, за румынских бояр, за Деникина.

— Дай мне слово, вьюноша! — поднял вишневый посох старик с морщинистым лицом, в домотканой длинной рубахе до колен и в тяжелой бараньей шапке.

— Говори, папаша! — разрешил Голубенко.

Дед, подтянув подол рубахи, забрался в автомобиль, уперся обеими руками о посох, навалился грудью на руки, уставился выцветшими глазами на комиссара:

— Шибко пресная у тебя вышла обедня, товарищ оратель! Такие обедни нам справляют и поутру и к вечерне, почти через день с самой весны. Все кричат: «Советская власть! Советская власть!» Обрыдло вас всех слухать. А где она, настоящая наша Советская власть? За чаем чаюет, за Днепром шугует? Может, так, опровергать не стану! Не был там, не видел. А тут, на Днестре, она с весны рухнула и нема ее. На словах Советская власть, а что на самой прахтике? Дули!..

Гул одобрения прокатился по толпе от церкви до школы. Владимиров шепнул комиссару:

— Хватит демагогии!

— Нет, пусть выскажется дед, — сказал громко Голубенко. — Нам нужна голая правда, а не безгласная покорность. За тем и приехали.

— Я с правдой и полез на эту бричку, — продолжал, хитро усмехнувшись, старик. — Вот ты выложи мне одну голую правду, молодой делегат, — строго посмотрел он на комиссара. — Скажи: ты идейный или каведейный?

— Я вас, папаша, не совсем понимаю, — развел руками Голубенко.

— Так вот оно что, — напирал старик. — Есть которые идейные большевики, те выполняют свято завет Ленина, чтоб, значит, стоять за народ, несмотря ни на что, а есть каведейные. Понимай это слово так — куды ветер дует. Дует с днестровской стороны, они сюды, а с днепровской потянет — они туды

клонятся.

Громкий смех прокатился по толпе. Рассмеялся и Голубенко. Старик продолжал:

— Вот тут посекли насмерть нашего плосковского комиссара Петраша. Озлобились на него мужики. А через что? Чисто каведейный! Ходил по хатам, под метелку забирал овес, сало, муку. Говорил, нужно рабочим, красноармейцам. Наш мужик на все согласный, понимает: города, фронта голодуют. Идет на уступку своей власти, ужимается. Так и ты же, подлюка, ужимайся, подтягивай потуже ремень. Так нет, у нас берет, а сам жрет и пьет в три горла. Жене гетры на высоких каблуках справил. Нам постные обедни служит: «Мы, мол, за вас боремся», а сам дважды на день обедает: раз дома, раз у попа. Такую Советскую власть нам и задарма не треба. Нам настоящую давайте, как Ленин велел, чтобы она была большевистской не на словах только, а по духу.

Старик, ухватившись за чьи-то услужливо протянутые руки, слез с машины. Снял шапку, вытер ею вспотевшее от натуги и волнения лицо.

— Правду сказал ваш дед, — согласился с оратором комиссар. — Спасибо ему за правду-матку. Молодец дед, по-ленински выступил. Ленин нас учит говорить правду, да, видать, не совсем еще мы его науку усвоили… Скажи, папаша, и ты ходил на нас со своим дрючком?

— Скажу по ленинской правде, скрывать не стану: ходил. Надо хорошо знать мужика. У мужика такой закон — куды опчество, туды и он. Слой идет за слоем. Попробуй только отслоиться…

— Нехорошо поступило Плоское! — покачал головой комиссар. — Пошло оно не за обществом, а за мироедами. Скажу по совести, тут и мы проморгали. Недоглядели вашего каведейного Петраша. Будем давать теперь только идейных. Ну и вы, значит, за ними присматривайте.

Молча разошлись селяне по хатам. А на другой день снова высыпали на улицу, никем не званные, не приглашенные. С опущенными головами, с ветками расцветшей липы в руках угрюмо шли за гробом маленького Славки. Тяжело контуженный, он скончался от воспаления мозга. Хоронили его все жители Плоского. До поздней ночи у свежей могилы, усыпанной ветками благоухающей липы, просидел командир полка Иван Наумович Колесников. Дороже всех за победу над мятежниками заплатил он.

4. «Скорпион»

Деникинского эмиссара «Скорпиона» (он же Чернов, он же Басенко) схватили не чекисты. Его привели в утихомирившееся Плоское всадники Ионы Гайдука. Кожемяченко и Батурин, зная, что их ожидает, с полсотней изменников умчались на восток. Там много было дорог, а советских войск мало, и не так уж сложно было прорваться, минуя города и большие села, к Махно или Деникину. Как стало известно потом, предателя Кожемяченко по рекомендации «Скорпиона» с распростертыми объятиями принял деникинский генерал Слащев.

Кожемяченко не остался в долгу: отрядил в распоряжение белогвардейца десять своих самых отчаянных головорезов.

На след их и напал полуэскадрон Гайдука. Кавалеристы, выжимая из своих коней последние силы, нагнали группу изменников у села Майорского и коротким ударом отбросили к топким Кучурганским плавням. Бандитам, конечно, не хотелось ни тонуть, ни подставлять свои головы под клинки гайдуковских конников. У них был хороший «выкуп» — человек, которого Кожемяченко поручил им беречь пуще собственного глаза.

Иона Гайдук доставил схваченных изменников вместе с их «выкупом» в Плоское. Здесь, в помещении сельсовета, деникинский эмиссар, назвавший себя землемером Одесского губернского земства, плел Николаю Голубенко всякую несуразицу. Доказывал, что он, мол, воспользовался оказией и с всадниками Кожемяченко хотел добраться до Балты. Там у него якобы предстояла работа по землеустройству. Но пленные бунтовщики, стараясь загладить свою вину, изобличили «землемера» Басенко, сообщили, что он вместе с немцем-колонистом Келлером прибыл в эскадрон Кожемяченко еще в Раздельную, за два дня до мятежа.

При обыске у Басенко-Чернова нашли в каблуке сапога документ, адресованный генералом Шиллингом атаману Петлюре. Голубенко объявил беляку, что его повезут в Бирзулу, в штаб 45-й дивизии к начдиву Якиру. До того спокойный, деникинский разведчик при упоминании имени Якира вдруг заволновался, неопределенно хмыкнул. Оттянув полы бязевой толстовки, он провел заскорузлой, давно не мытой рукой по заросшим щекам, раздул широкие ноздри орлиного носа:

— Зачем же, господа, в Бирзулу? Ведь теперь все ясно: я деникинский агент-с. Везите меня в Одессу, в губчека… Там я многое раскрою.

— Мы не лишим вас и этого удовольствия, господин агент, —

усмехнулся Голубенко. — Губчека вам не миновать. Только сначала придется исповедоваться перед нашим начдивом.

Ночью громоздкий «бенц», чадя дымом, остановился у подъезда станции Бирзула. Конвой повел деникинца в штаб.

В дальнем углу просторного помещения, за широким столом, углубившись в бумаги, работал недавно вернувшийся из Одессы начальник дивизии.

Голубенко указал «землемеру» на стул, а сам, поздоровавшись с Якиром и Гарькавым, присел возле окна.

Начдив, не спуская изучающего взгляда с деникинца, начал мять правой рукой ухо. Что-то знакомое было в облике белогвардейца.

— Правую руку! — приказал арестованному Якир. После некоторого колебания задержанный повиновался. На указательном пальце руки не хватало фаланги.

— Старый знакомый! — негромко произнес начдив. — Бывший комбат Чернов из Днестровского полка? Не так ли?

Тяжелая тень пробежала по лицу белогвардейца. Он скрестил руки на груди, вызывающе посмотрел на Якира:

— Да, тогда был Чернов, сейчас Басенко. Это моя настоящая фамилия.

В голове начдива вихрем пронеслись грозные события 1918 года. Отряды Красной гвардии под натиском немцев оставляли Бессарабию. Бойцы с тяжелым сердцем покидали родные места. Кто-то пустил слух, что их предали. На станции Раздельная люди митинговали. Шумно было и в Днестровском полку. Комбат Чернов горланил с тачанки, что нужно оставаться в Бессарабии, штаб продался немцам. Якир, тогда командир батальона, возмущенный демагогией Чернова, вскочил на тачанку, крикнул: «Не слушайте этого прохвоста! Не штаб, а сам он продался немцам, вот и сбивает вас с толку». Днестровцы, только что поддерживавшие Чернова, вдруг зааплодировали Якиру, а потом, успокоившись, разошлись. Но разошлись не все. Вокруг Чернова сгруппировалась небольшая кучка недовольных. Спустя час Якир, вызванный к телефону, направлялся в помещение станции. Здесь его и встретили черновские приспешники. С криками «Хватай шпиона!» они набросились на Якира, стали избивать его прикладами винтовок, после чего повели… расстреливать. Путь их лежал мимо штабного вагона, на ступеньках которого стояли «генкварм»[3] Левензон и командир эскадрона Няга. Они быстро сообразили, что произошло неладное; почему вдруг арестовали лучшего командира батальона? Однако ни криком, ни приказом образумить разъяренных бойцов было невозможно. Требовалось нечто иное. «Кого ведете?» — спросил Няга. Послышался

дружный ответ: «Шпиона! Пустим сейчас его в расход». «Зачем же сразу расстреливать? — возразил Левензон. — Поначалу надо его хорошенько допросить. Ведите пойманного в штаб». Толпа после некоторого колебания согласилась. В штабном вагоне сразу же начался «допрос». Так был спасен Якир его находчивыми друзьями.

— Ну что ж, — усмехнулся начдив. — Поскольку вновь довелось встретиться, поговорим откровенно. Закуривайте, — протянул он деникинцу открытую пачку «Сальве».

— Премного благодарен-с… — скривил губы белогвардеец. — Пока свои есть. Тот же сорт-с. Фабрика Попова, Одесса-с…

— Видать, на «Сальве» только и сходятся наши вкусы? — продолжал начдив.

— Не стану скрывать… Вы угадали-с, господин большевистский генерал.

— Ты смотри какой герой!.. — потянул себя за усы Гарькавый. — Поларшина осталось до стенки, а храбрится.

— Такая храбрость — первый признак трусости, — простуженным голосом проговорил Голубенко. — Посмотрим, что их благородие запоет под дулом.

— Не на того напали, — бросив презрительный взгляд на Голубенко, отрезал деникннец.

— Видно, ты шибко идейный, беляк? — не скрывая иронии, спросил Гарькавый.

— Дело не в идейности. Пощадите вы, не пощадят наши. Меня вы сцапали, а еще десяток среди вас несцапанных. У них острое ухо и зоркий глаз.

Якир, Голубенко, Гарькавый переглянулись. Впервые они имели дело с таким «фруктом». Да и его заявление нельзя было оставить без внимания.

— Что ж, господин Басенко, или как вас там… Придется кое о чем напомнить, — после небольшой паузы сказал Якир. — Надеюсь, не забыли. Отмолотили меня тогда по вашему заданию на славу. Я даже целый месяц курить не мог.

Голубенко шлепнул себя ладонью по лбу:

— Вот почему ему смерть как не хотелось ехать в Бирзулу. Все просился в Одессу, в губчека.

«Скорпион» как бы не расслышал замечания Голубенко. Повернувшись к Якиру, сказал:

— Власть ваша, господин советский генерал-с. Долг платежом красен. Чем будете платить-с? Стеком, прикладом, рукояткой нагана?

— Я вашей школы не проходил, — спокойно ответил начдив. — Держать ответ вам придется перед Одесской губчека. А

сейчас хватит валять дурака. Времени у нас для приятных бесед с типами, подобными вам, не так много. Чего вы добивались тогда, в прошлом году, знаем. Выкладывайте без утайки, зачем пожаловали сейчас?

— Начистоту, так начистоту-с. Мы, посланцы генерала Шиллинга, имеем задание расчистить путь его полкам в большевистском тылу-с. Мы — авангард авангарда.

— Вы и еще кто? — вновь спросил Якир.

— Не всегда туз идет за десяткой. Вышел перебор-с. Меня схватили. У других, может, выйдет очко. Я это я, а других не знаю. Закон разведки. Обязан молчать-с.

— Чего добились?

— Напрасный вопрос! — ответил контрразведчик. — Вы это знаете не хуже меня.

— За сколько вы купили Кожемяченко?

Якир впился глазами в сухощавое, густо обросшее щетиной лицо врага. Начдив подумал, как сложна и нелегка борьба с кознями контрреволюции, пользующейся услугами вот таких пройдох. Удав с манерами и повадками культурного джентльмена, очевидно, прошел неплохую школу провокаций. Простак не сумел бы обить с пути истинного боевого командира, заставив его поднять оружие против своих.

— Бывают, что идут в ход и деньги-с. Но это сейчас исключено. Не мне вас учить. Не та эпоха! Сейчас эпоха, как бы сказать, — цинично процедил разведчик, — возвышенных идей. Мы покупаем людей не золотом, а идеями-с. Вот вы недооценили такого боевика, как Кожемяченко, а и его душа раскрыта для идей-с…

— Каких это еще идей? — изумился Голубенко.

— Каких? Скажу. Кожемяченко давно рвался на дивизион. Боевой партизан, опытный кавалерист, в прошлом вахмистр. Он и во сне видел себя дивизионным. Разве это не идея для старого служаки? А вы взяли и посадили на дивизион коммуниста, да еще такого, который не отличит подпруги от тренчика-с. Раньше Кожемяченко, командир партизанского отряда, сам решал, когда выступать, когда отдыхать, кого бить, кого обходить, а сейчас, с жестким навязыванием регулярщины, его не спрашивают, а просто приказывают: иди наступай, коли, руби. Он трудится, а слава достается чужому дяде. Над многим он и сам думал, а тут и я раскрыл ему глаза: нет в Красной Армии доверия беспартийным командирам. Советская власть говорит одно, а делает совсем другое-с…

— Этим вы взяли и писарька? — спросил комиссар дивизии.

— О, Батурин совсем другой тип! — поправил воротник

толстовки белогвардейский разведчик. — У нас нет шаблонного подхода. Я разузнал хорошенько, где жмет сапог у Батурина. Это крайне обозленный хорек с хорошо подвешенным языком-с. Тульский продотряд крепко похозяйничал в закромах его отца. Но это все мелочь. Основной прицел мы держим на массу, на рядовых… Ваш Ленин сразу нашел слабинку — партизанство-с. Ввел регулярщину. Она спаяла ваши силы. Но и наши вожди не лыком шиты. Знают, куда вогнать клин. Генерал Шкуро — мастак своего дела. Ваша Красная Армия — опасный огонь, но мы в ней же находим и воду, которая пожирает пламя-с. Удары извне — это одно, а вот расшатывать ваше советское здание толчками изнутри — это совсем другое. Мы считаем: отколем один эскадрон — отколем и всю дивизию. Лиха беда начало. Вы гоните из Одессы на север эшелоны интендантского добра, а ваш боец и бос и гол. Выколачиваете из губернии хлеб, а красноармеец не каждый день видит кондёр, не говоря уже о мясе, жирах, сахаре. Вы обещали ему к маю быть в Будапеште и разжечь огонь мировой революции, а Деникин взял Екатеринослав, Петлюра — Жмеринку. Но больше всего он боится румына. Вот мне и поверили, что отогнать румын сможет лишь наша, деникинская армия…

— Ну а крестьян чем взяли? — продолжал допытываться Голубенко.

— Что я вам скажу, господа? — сощурился Басенко. — Мне с мужиком говорить очень нелегко, мужик есть мужик, а я орловский помещик-с. Не понимали мы друг друга раньше, а тем более не понимаем теперь. С мужиками разговаривали делегаты Кожемяченко. У них сразу нашелся общий язык. Ну а немцев-колонистов не надо было упрашивать. У них давно кипело. Ждали искры-с.

— И эту искру высекло ваше высокоблагородие? — язвительно уронил Гарькавый.

— Служба… Виноват-с. Служба и долг. Закон кулачного боя: ежели не я, то вы меня-с…

— Спасибо за откровенность, — сказал Якир. — А теперь еще два вопроса.

— Слушаю.

— Из Плоского вы стремились с вашим почетным конвоем к Балте. Я не верю, что там вас ожидала встреча с другим Кожемяченко. Хотя допускаю, что Кожемяченко не последний изменник, у которого в трудную для нас минуту кишка оказалась тонкой. По вашим документам видно, что вы рвались к Петлюре. Зачем?

— Зачем-с? Посмотрите на карту. Вы хоть скороспелые, а все

же стратеги. Рвется к Киеву наш генерал Бредов, стремится туда и пан Петлюра. В одной берлоге двум медведям не бывать, не пановать-с. Киев, как вам известно, называют матерью русских городов. Он никогда не будет столицей самостийников. Это у вас создана республика на республике, а у нас будет одно царство — единая, неделимая Россия…

— Ясно. Второй вопрос: куда вы делись после Раздельной?

— Спасибо вам, господин Якир. Ваш Левензон и тот бешеный Няга требовали моего расстрела, а вы как Христос… Мои люди вас до полусмерти отлупили, вы же исходатайствовали мне прощение-с. Я обещал искупить свою вину. На походе отстал от батальона. Дождался немцев, а потом — на Дон…

— К своим? — уточнил Якир.

— Журавль рвется в небо, а крот в нору-с.

— А куда стремится скорпион? — в упор бросил Голубенке.

На миг беляк потупил взор, потом, впившись горящими глазами в сухощавое лицо комиссара, небрежно ответил:

— Я и так наболтал лишнего.

И хотя задержанный уклонился от прямого ответа, у всех сложилось твердое убеждение, что «землемер» Басенко и есть тот «знаток» Красной Армии, который носит кличку «Скорпион».

Допрос закончился глубокой ночью. Якир, потянувшись, подошел к широко раскрытому окну. В накалившееся за день помещение рвалась освежающая прохлада вместе с пряными запахами благоухающего табака, ночных фиалок, левкоев. Беззаботно стрекотали в кустах жимолости неугомонные сверчки. Тревожно гудели на путях паровозы.

Из головы Ионы Эммануиловича не выходили жаркие прения в губкоме: «С восстанием покончено, но положение края с каждым днем все усложняется. На Николаев — пролетарскую базу юга — надвигается грозная туча деникинских отборных полков. На Черном море, вблизи Одессы, курсирует мощный флот Антанты. К Помошной устремилась разнузданная вольница предателя Махно. Торопится и Деникин. Ему нужны Украина и ее хлеб. Более четверти века не было такого богатого урожая. Стоят на полях и гумнах высокие скирды хлебов: крестьяне не торопятся с молотьбой. А то, что заготовители успели собрать для голодающего севера, едва успевают пропустить через единственную коммуникацию — железную дорогу Одесса — Помошная — Киев. С Плоским, со «Скорпионом» покончено, а другие еще не раскрытые. Агенты генерала Шиллинга пускают в ход и золото, и «идеи», мутят народ не только в селах, но и в Одессе. Тревожные сигналы поступают из сорок седьмой дивизии. Какие-то подозрительные типы шушукаются с командирами

расположенных в Одессе полков, а также с командирами батарей, выдвинутых к Люсдорфу для охраны морского побережья. У Вознесенска, Балты, Умани разгуливают петлюровские банды Волынца, Ангела, Заболотного. Одесский губком свернул работу всех учреждений, коммунистов посылает на фронт. Уже созданы три коммунистических отряда. Назначен командующий внутренним фронтом, бывший командарм-9, капитан царской армии, коммунист с 1917 года черноглазый усач Княгницкий».

«Огромная задача возложена и на нас, — продолжал размышлять начдив-45. — Мы в ответе перед партией и высшим командованием за огромный фронт — от Жмеринки до Днестровского лимана. Там румыны, самостийники и корпуса сечевиков. Выгнанные Пилсудским из Галиции, они стали союзниками Петлюры… Наша заветная цель — мировая революция, а сколько препон на тернистом пути к ней?!

За три недели новый начдив успел побывать во всех полках, отрядах, командах. Знает, чего можно потребовать от каждого. А знает ли он человека, командира, бойца? Нет! Иначе не было бы этого бунта, поднятого Батуриным и Кожемяченко».

«То, чем полководец сражается, есть народ, то, чем народ побеждает, есть дух». Эти слова, произнесенные более двух тысяч лет назад древним военачальником, были записаны в потрепанном блокноте начдива.

Еще в прошлом году Якир близко сошелся с одним из командиров китайского батальона Сун Фу-яном, человеком боевым, толковым, назвавшим себя капитаном.

Там, у себя на родине, он будто бы нарушил закон предков и сошелся с женой мандарина. Ему грозила смерть. Удрав к хунхузам, неудачный донжуан с их помощью перебрался затем в Сибирь, где завербовался вместе с другими китайцами на лесоразработки в Бессарабию. В часы отдыха, когда батальон Якира охранял старую тираспольскую крепость, бывший китайский капитан просвещал своего любознательного начальника.

Якир навсегда усвоил древний военный закон: «Не усаживайся сам, если не сели еще твои воины. Не берись за еду сам, если еще не стали есть твои воины. Дели с ними холод и жару. В таком случае твои солдаты непременно отдадут тебе все свои силы».

Учеником реального училища Якир ездил с друзьями в Измаил — город боевой славы русского оружия, улицами которого на штурм придунайской турецкой крепости двигались по приказу Суворова русские полки. Потом уже, будучи комбатом, он в тираспольской библиотеке нашел книжечку с описанием всех

двадцати походов и шестидесяти трех сражений Суворова. Из нее он записал в блокнот следующие слова: «Доброе имя должно быть у каждого честного человека. Лично я видел это доброе имя в славе своего Отечества».

О славе своего Отечества постоянно думал Якир и там, в тираспольской крепости, и позже, во время упорных боев с наседавшими немцами, и потом, когда он, будучи членом Реввоенсовета 8-й армии, осенью 1918 года вел в решительную атаку на станцию Лиски против белоказаков 12-ю стрелковую дивизию.

Тогда мужество и отвагу Якира Реввоенсовет Республики отметил боевым орденом Красного Знамени.

После беседы с деникинским разведчиком Якир вспомнил «философию» некоторых начдивов, которые заявляли: «Красноармейцев пятнадцать тысяч, а я один. Я существую для дивизии, а для людей существуют политкомы». Вот под боком у таких «философов» и вырастают, как грибы-поганки, кожемяченки, батурины… Допрос белогвардейца напомнил ему поучение одного мудреца: «Когда в войске нет согласия, нельзя выступить и сразиться. Когда в сражении нет согласия, нельзя добиться победы».

Борясь с одолевавшим сном, Якир размышлял: «Вот чего надо добиваться — согласия, согласия, согласия! Но нельзя и ждать со сражениями до установления полного согласия. Тут следует подправить мудреца. И к согласию и к победе надо стремиться одновременно. Согласием добиваются победы, а победой согласия, вот это по-нашему, по-советски. Чтоб никаким пройдохам даже не мерещилось вгонять клинья в наше единство, выискивать в нашей армии воду, способную погасить ее победный огонь. Тогда над широкими полями Украины и родной Бессарабии не будет развеваться ни белый стяг Деникина, ни цветное знамя румын, ни малиновый штандарт Пилсудского, ни жовтоблакитный прапор Петлюры, ни черная тряпка Махно. Будет лишь одно знамя — Красное знамя Ленина».

5. Слоеный пирог

Слово сильнее пули. Идеи крепче штыка. Есть пуля, которая убивает солдата, есть идея, которая обезоруживает его. Идеи, овладевшие массами, становятся силой. Большевистские идеи отняли солдат у Керенского, отвоевали у Пуанкаре его моряков. Об этом недавно сказал Ленин: «Да, мы отняли у Антанты ее солдат».

Мысль за мыслью возникала в встревоженной голове начдива. Разбуженный грохотом промчавшегося на север состава, он лежал на диване с широко раскрытыми глазами, запрокинув руки за голову.

«Какими еще сюрпризами удивит минувшая ночь? — думал Якир. — Теперь сюрпризов хоть отбавляй. Идет жестокая борьба — военная и идеологическая. Идет смертельное единоборство на фронте и не менее грозное — в тылу. Враги — белоказаки Краснова, деникинцы, петлюровцы — не столько страшатся нашего оружия, сколько наших идей. Еще недавно, всего семь-восемь месяцев назад, когда мы гнали немцев, австро-венгров, гетманцев и петлюровцев на юг и запад, эти наши справедливые идеи поднимали широкие народные пласты. Тысячи и тысячи бойцов становились под ленинские знамена. Сейчас народ поостыл. А может, устал? Нет. И не остыл и не устал. Вся загвоздка в том, что сработали какие-то контридеи… Не столь уж велик был авторитет Кожемяченко, чтобы увлечь за собой крестьян. В чем же дело? Почему «Скорпион» сумел увлечь Батурина, а Батурин — поднять десятки сел Приднестровья?

Пусть ненадолго, но сбил с толку, подлец, уйму людей. Хоть все оказалось мыльным пузырем, однако суматохи мятеж наделал немало. Немцы-кулаки не в счет. А вот почему трудовому крестьянину — сеятелю и рыбаку, вековому рабу колонистов — сумбурные посулы Батурина оказались заманчивее наших подлинно человечных, ленинских призывов? Разве за эти семь-восемь месяцев изменились наши идеи? Нет! И если у нас что-то не ладится, следовательно, виноваты мы сами. В суматохе фронтовых дел мы многого не замечали, однако заметили и кое-что почувствовали жители Плоского, ежедневно сталкиваясь с сомнительным проводником нашей политики — комиссаром Петрашем.

Мы, дни и ночи занятые высокими материями, забываем порой о самых простых вещах. Для того плосковского деда, о котором с таким восхищением рассказывал Голубеико и который делил комиссаров на идейных и каведейных, Советская власть —

это не столько Предсовнаркома Ленин, не столько Одесский председатель Клименко, сколько комиссар села Петраш. Он смотрит на Петраша и видит Советскую власть. Ничего не скажешь, славная картина… От такого деятеля покорежит любого, не то что темного, сбитого с толку человека. Промахи отдельного работника рассматриваются как промахи власти, грехи отдельного коммуниста — как грехи всей нашей партии. Очевидно, был прав Дюма-отец, утверждавший, что один француз — это еще не вся нация, но один мундир — это вся армия. Каждый из нас — и главком, и предгубисполкома, и начдив, и любой ротный, любой комиссар волости или села — находится под микроскопом. На каждого устремлены тысячи глаз…»

Завизжала на роликах зеркальная дверь. С папкой депеш и сводок в купе вошел Охотников:

— Вставайте, Иона Эммануилович. Скорей умывайтесь. Новостей куча…

— Умоюсь после. Докладывай, Яша.

Якир спустил ноги, рывком поднялся во весь свой большой рост. Сел, закурил, спросил адъютанта:

— Что на фронте?

— На фронте первой и третьей бригад незначительные стычки. Так, пожалуй, обстоят дела по всему Днестру. В Рыбнице и Тирасполе постреливают наши бронепоезда «Гроза революции», «Смерть директории» и «Спартак». Вторая бригада Котовского отбивает сильные атаки гайдамаков и галичан. Петлюровцы рвутся к Попелюхам.

— Ясно! — резюмировал Якир. — Попелюхи дают выход их панцерникам[4] к Гайворону и Первомайску, в наши тылы. А тут и тесный контакт с Махно, с Деникиным. Неплохо соображают самостийники. Закажи, Яша, паровоз. Поедем к Котовскому. Что слышно у соседей?

— Сорок четвертая Ивана Дубового дерется с белополяками у Коростеня, с Петлюрой — у Литина. Правый фланг дивизии Лагофета под натиском деникинцев отошел к Николаеву. Отступает на широком фронте Каховка — Александровск и пятьдесят восьмая дивизия Федько. Вот тут телеграмма комиссара пятьдесят восьмой Михалевича. Полки сражаются отважно, не дают спуску белякам, однако в дивизии тревожно. Вернулся семнадцатый год — днем воюют, ночью митингуют. В четвертой бригаде Кочергина выловлено несколько махновских демагогов. Мутят бойцов: «Начальство, мол, продает Украину». Вновь оживает партизанщина. Кое-кто требует вернуться к выборным командирам.

— Час от часу не легче, — нахмурился начдив. — Сорок

седьмая молчит, не митингует, но систематически и будто без особой скорби отдает генералу Шиллингу волость за волостью. Без старых офицеров нам, конечно, пришлось бы туговато, но у Лагофета многие военспецы, видать, гнут не нашу, а свою линию. Пятьдесят восьмая — наша надежда, самая мощная дивизия, закаленная в боях с немецкими оккупантами, дерется отчаянно, но митингует. А митингующая дивизия — это уже сельский сход, а не войско. Что на внутреннем фронте?

— В замиренных селах на Днестре и в немецких колониях спокойно. В тылу у Котовского, в районе Чечельника, шалит петлюровская банда полковника Волынца. Махновский атаман Каретник выбил нашего Княгницкого из Помошной. Княгницкий выгнал из Ольгополя банду Ангела.

— Что? В Помошной были бои?

— Какие там бои! — махнул рукой адъютант. — У Княгницкого пятьсот бойцов, у Каретника пять тысяч. Махновцы лезут на рожон. Кричат нашим: «Деникина, Петлюру разбили, теперь, дескать, своих, борцов за революцию, собираетесь лупить. Не выйдет!» Вот какая ситуация!

— Не ситуация, Яша, а свинтуация.

Мрачная тень пробежала по лицу начдива. Он протянул руку к полотенцу, висевшему на крючке, взял с подоконника комок кустарного вязкого мыла.

— Я умоюсь, Яша, а ты срочно вызови сюда Анулова. И пусть немедля заказывает у коменданта паровоз под свой эшелон. Остальные депеши доложишь за завтраком.

Салон штабного вагона не отличался особой роскошью: круглый стол, два обшарпанных дивана, несколько стульев, потускневшее зеркало. Проводник вагона, он же вестовой начдива принес чай, два пайка ржаного хлеба, две кучки сахарного песку, по двенадцати золотников[5] каждая. Сели завтракать.

Начдив отрезал ломоть хлеба, ткнул его в сахар, придвинул к себе стакан мутного морковного чая. Адъютант достал из полевой сумки бумаги, продолжал докладывать:

— На других фронтах Республики дело обстоит так. Красная Армия безостановочно гонит Колчака на восток. После Челябинска освобожден Троицк. Отныне колчаковский фронт разорван на две части. На Южном фронте противник застрял у Белгорода. Ударные группы Шорина и Селивачева теснят деникинцев от Воронежа к Дону и от Старого Оскола к Валуйкам. Конный корпус генерала Мамонтова прорвался в наши тылы и двигается к Тамбову. Против Мамонтова брошены резервы.

— Да… — отозвался начдив. — Фронты Республик не рогалик, а настоящий слоеный пирог. Вот еще в чем наша сила —

огромные пространства! Есть где маневрировать…

Часовой, коренастый матрос, пропустил в салон опрятно одетого, перетянутого скрипящими ремнями молодого командира. За ним следом вошел юный боец, розовощекий, узкоплечий, с глубоким шрамом на лице.

— Командир и адъютант Особого полка явились по вашему приказанию, товарищ начдив!

Лицо начдива оставалось по-прежнему строгим, а глаза улыбались:

— Садитесь, садитесь, товарищ Анулов. — Потом доброжелательно добавил: — Было бы странно, если бы вы явились один. Смотрите, ваш адъютант чуть порозовел…

— Ну что вы, товарищ начдив, — еще больше зарделся спутник Анулова.

— Ты, Настя, не робей, — успокоил девушку-красноармейца Якир. — Товарищ Филипп и художник хороший и командир боевой. Думаю, что у него ты многому научишься. Что это вы уселись на диване? Давайте поближе к столу.

Якир вызвал проводника вагона, попросил еще чаю. Разрезал остаток своего пайка надвое и пододвинул хлеб гостям.

Анулов снял черную кожаную фуражку. Своеобразная прическа художника, характерная бородка клинышком, пронзительный взгляд умных голубых глаз делали его похожим на Мефистофеля. Настя, не без труда поборов смущение, открытым ласковым взглядом смотрела то на своего командира, то на начальника дивизии.

Год назад — это было в Тирасполе — командир батальона Якир очень помог ей товарищеским участием и сердечным дружеским словом. Настя с подругой дежурили на станции. Ночью какие-то шалопутные пулеметчики вышибли окно, ворвались в помещение станции, навалились на девчат. Настя укусила одного, вырвалась, схватила карабин, ранила насильника в плечо, но кровь еще больше разъярила его… Настя в отчаянии решила, что после случившегося жить нельзя. Дочь одесской горничной, свидетельница бесконечных унижений матери встала в ряд с теми, кто боролся за человеческое достоинство. И они же ее опозорили, обесчестили, затоптали в грязь. Так лощеные господа топтали ее мать. Стоит ли жить? А комбат Якир доказал Насте, что революция вместе с хорошими людьми выносит на поверхность и всякую погань. Жить надо для борьбы и за всеобщее и за личное счастье.

Потом начался поход на восток. Якир не оставлял без внимания девушку. Она была с его отрядом под Екатеринославом, Воронежем. В бою под Лисками ее ранило. И вот этот шрам на

лице — свидетель ее необычного мужества. В Одессе Якир снова встретил девушку в казармах Особого полка.

Анулов с Настей выпили чай, до хлеба не дотронулись. Они хорошо знали, что всем фронтовикам — и красноармейцу, и начдиву — положена одна норма: полтора фунта хлеба. Разница в том, что красноармейца на фронте могли угостить сердобольные хозяйки, у начдива же хозяйка одна — проводник штабного вагона.

Якир достал трехверстку. Развернул ее. После непродолжительной паузы сказал:

— Есть ответственное задание, товарищ Филипп. Как только подадут паровоз, двигайтесь через Первомайск к Помошной. Помошная — это вопрос жизни, единственная наша коммуникация с Киевом. И не только наша. То же самое и для сорок седьмой, и для пятьдесят восьмой дивизий. Одним словом, для всего юга. В Помошной Махно. Зря его выставляют каким-то малахольным. У него крепкая башка. И его бойкие советники правильно оценили значение Помошной. Это им даст больше, чем Гуляй-Поле, их столица Махноград. Член Военного совета двенадцатой армии Затонский ведет из Киева состав с боеприпасами для нас, Лагофета и Федько. Состав вышел из Знаменки. Завтра будет в Помошной. Там был Княгницкий, но Каретник — главарь черной конницы — вытурил его.

Анулов поднялся, неумело, по-граждански щелкнул каблуками, надвинул на голову кожаную фуражку:

— Выполню, товарищ начдив. Помошная будет наша. Затонского встречу. Боеприпасы доставлю.

— Это не так просто, товарищ Филипп. Знаете, когда мы встречаем войско под белыми или жовтоблакитными знаменами, не раздумывая, говорим с ними языком пушек. Другое дело, когда противник ведет на нас околпаченных под красными, а иногда и под черными знаменами. Огонь огнем, а у нас есть еще сильное оружие — наши слова. Вы художник, знакомы с поэзией. Попробуйте сначала «глаголом жечь сердца людей».

— Попытаюсь, товарищ начдив. В моем полку половина коммунистов.

— Учтите, товарищ Анулов, вы идете не на петлюровцев, не на обычную банду. Вот ваши коммунисты, вы сами, товарищ Филипп, знакомы с теориями анархизма? Читали работы Ленина о Бакунине, Кропоткине? Сможете ли дать отбой анархо-махновской демагогии? Там в его «черном реввоенсовете» сидят пронырливые лисицы — Волин, Аршинов, Барон. Они знают наши трудности, ловко играют на слабостях. Вот, примерно, их демагогия: не свобода народу, а свобода отдельной личности, не

уничтожение классов, а их уравнение. Тут и всемирный бунт, и всеобщая разруха, и отмена всякой власти, и низвержение любых авторитетов, и социальный договор снизу, и закон взаимопомощи, и родина — весь мир, и много прочей несусветной чепухи…

Грохот пролетевшего состава заглушил последние слова начдива. Спустя минуту, Якир продолжал:

— Во времена Маркса представители анархии весь огонь направляли не на капиталистов, а на марксистов. Так и сейчас. По всему видно, что они свой удар нацеливают не на Деникина, а на нас. Как и Деникин, Махно пытается расшатать наше здание толчками изнутри. Словом, как говорит Ленин, демагогическая фраза, антирабочая идеология, реакционные дела, контрреволюционные действия. Махно набирает силу. За счет кого? За счет обманутых — раз, кулачества — два, всякого сброда — три. Многим из его сподвижников лишь бы пожрать, поспать, пображничать, пограбить. Но рано или поздно махновщину ждет гибель. Лжец может выжить, ложь — никогда. Учтите это, товарищ Филипп. Езжайте. А ты, Настя, почаще шли донесения.

Вернулся отлучавшийся в штаб Охотников, доложил:

— Депеша из Киева. Реввоенсовет передает директиву Ленина от девятого августа.

— Директиву Ленина? Давай сюда! — Якир стоя прочел ленинский документ: «…обороняться до последней возможности, отстаивая Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови. Это вопрос о судьбе всей революции. Помните, что наша помощь недалека». — Начдив провел рукой по лбу, сощурил глаза: — Для нас приказ Ленина — закон. Тяжелая нам выпала задача, товарищ Филипп. Тяжелая и почетная. Езжайте. Пусть слова ленинского наказа крепко войдут не только в вашу голову, но и в ваше сердце. Положение наше не блестящее, но вспомним прошлый год. Тогда было тяжелее… Слышу, гремит ваш паровоз. Торопитесь, товарищ Анулов. Каждая минута — золото. Хочу вам напомнить изречение Суворова: «Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего».

6. Чёрный четверг

Четверг 13 августа 1919 года остался самым памятным днем в жизни Филиппа Анулова. Хотя Анулов как художник не примыкал к модному в те времена течению — импрессионизму, но впечатлительность в нем была развита до крайности.

Как и многих из молодых интеллигентов, Филиппа потрясли до глубины души первые дни революции, а на ее авансцене — необыкновенно сильные, яркие характеры. Рядовые матросы, полуграмотные рабочие, нищие студенты становились пламенными ораторами и признанными вожаками масс. Своенравная и своевольная Одесса, глумившаяся над авторитетами, покорилась и начала слушаться безвестных до того людей: Смирнова-Ласточкина, Гамарника, Якира, Котовского, Клименко…

Ему же, художнику Анулову, покорялась лишь его кисть. И он принял твердое решение — отдать ее на службу народу. Рафаэль своей неповторимой кистью служил богу добрых чувств, Рембрандт — богу сильных характеров, Репин — богу высоких страстей, Верещагин — богу войны. Он же, Анулов, крепнущей изо дня в день кистью послужит богу Революции.

Но, увлеченный революционной романтикой, молодой жанрист быстро постиг истину: революция в те дни больше нуждалась в том, чтоб ее защищали, а не отображали. И Филипп Анулов, сложив палитру и краски в солдатский ранец, взялся за оружие. Сначала был рядовым красногвардейцем. После первых же боев с одесскими гайдамаками и нахлынувшей в Одессу с севера гетманской швалью отряд выбрал его своим командиром.

Тогда, на заре революции, право на командование подтверждалось взмахом множества рук. Голосовали прежде всего за того, кто был близок по духу, по образу жизни, кто горой стоял за своего брата труженика. Однако массам нужны были не только командиры, но и надежные вожаки, люди высоких идей. Каждый день начинался и заканчивался митингом. Вся загвоздка была в том, что и меньшевики, и эсеры, и махновцы на словах громили контрреволюцию, ратовали за свободу, пеклись о нуждах народа. Послушает солдат большевика — прав он, большевик. Послушает эсера — и этот ладно чешет. Массе нужны были маяки. И благо, если идейно крепкий командир-маяк давал верные ориентиры. Не все в ту сумбурную пору оправдали себя. Анулов же в дни иноземного нашествия оказался на высоте.

Затем пришло подполье. Работа среди моряков французского флота, встречи с Жанной Лябурб[6], Смирновым-Ласточкиным,

Котовским.

Позже Филипп участвовал в создании органов Советской власти, подвизался на ниве просвещения. С возникновением деникинской угрозы снова встал под ружье.

Покинув с Особым полком Одессу, он захватил с собой и кисти. Его знакомство с Настей Рубан началось с того, что художник уловил в ее глазах тени какой-то неразгаданной скорби, а художника привлекает все необычное. Привлекли его и песни Насти. Сначала Филиппу казалось, что волнующие украинские мелодии ворвались лишь в его память. Потом он понял, что они властно вторглись в самую глубь его чувствительной натуры.

Однажды после разгрома колонны воинственных немецких кулаков Анулов, не остыв еще от боя, воскликнул: «Сколько впечатлений!» — и принялся набрасывать эскиз жанровой сценки: Якир допрашивает повстанческого вожака. Начдив, забрав из рук художника ватман, строго распорядился: «Сейчас время не для впечатлений, а для распоряжений. Надо преследовать противника».

— Но ведь очень эффектная картина, — оправдывался Анулов. — И вы наш полководец…

Якир ответил:

— Я не Суворов и не Кутузов, а обыкновенный красноармейский работяга. Рисуйте, товарищ Филипп, лучше наших бойцов.

…13 августа, задолго до рассвета, эшелон Особого полка прибыл на станцию Первомайск[7]. Заспанный комендант сообщил, что в городе, кроме слабенькой местной охраны, никого нет. Княгницкий со своим отрядом ушел на Ольшанку. Там появилась банда Волынца. Махновцы будто бы в Помошной.

Под зеленым огоньком выходного семафора воинский состав Анулова проследовал дальше на восток. На внешних фронтах с переходом армии на регулярные начала навсегда покончили с эшелонной войной. На внутреннем фронте все еще придерживались примитивной, отжившей себя тактики. К полю боя приближались в поездах. Вблизи от противника разгружались, строили боевые порядки и шли в наступление. При удачном и неудачном исходе снова грузились в вагоны. В первом случае паровозы везли войско вперед, во втором — назад.

К Помошной эшелон, предусмотрительно двигавшийся тихим ходом, подошел на рассвете. Наблюдатели с паровоза сообщили по телефону в штабной вагон, что впереди все чисто. Миновав Перчуново, состав остановился. Анулов приказал разгружаться и, выслав вперед конную разведку, вместе с адъютантом направился

верхом к Помошной. Полк, вытянувшись в колонну, вскоре двинулся вслед за командиром.

День только начинался. Первые лучи солнца позолотили алмазы росы на стерне, подрумянили мокрые от ночных осадков железные крыши станционных построек. Вдали у самого горизонта, за помошненскими огородами, медленно плелось на выпас стадо коров. В этом удаленном от фронта тихом уголке все дышало безмятежностью и покоем мирной жизни. Вдоль проселка стлался пышный ковер диких трав, отгороженный от невысокого полотна железной дороги густыми зарослями колючей дерезы.

За разъездом, не подававшим никаких тревожных сигналов, Анулов со своей свитой прорысил к безлюдному перрону. На цокот копыт из безмолвного станционного здания вышел одноглазый, в кудлатой папахе, коренастый бородач с зеленой повязкой на рукаве.

Анулов, соблюдая воинский этикет, поднес руку к кожаной фуражке:

— Вы комендант станции?

Бородач, не отвечая на приветствие, подтянул небрежно штаны, почесал сквозь тельняшку грудь, единственным глазом окинул группу незнакомых всадников. Неторопливо проговорил:

— Выходит, что я. А вы кто будете?

— Я командир полка сорок пятой дивизии. До особого распоряжения начдива Якира располагаюсь в Помошной, — отчеканил Анулов, не спуская пытливого и в то же время восхищенного взгляда с колоритной фигуры коменданта. В Филиппе вновь заговорил художник.

— «Я опущусь на дно морское, я подымусь под облака…» А мы вас давно дожидаемся, товарищ командир полка, — ответил непринужденно и довольно приветливо матрос. — Спускайтесь с вашего капитанского мостика вот сюды, до меня, на палубу. Есть разговор… Оно-то надо было бы потолковать с самим Затонским. Но мы проморгали его: еще вчера киевский нарком проскочил на Вознесенск.

Анулов спешился, отдал повод ординарцу, одновременно подумал: «Придется связываться с Бирзулой. Раз Затонский уже в Вознесенске, то мне тут делать нечего». Повернулся к сопровождавшим его товарищам:

— Двигайтесь в село, наметьте квартиры. А ты, Настя, скачи в полк, пусть там поторапливаются.

Одноглазый матрос протянул руку, схватил под уздцы Настиного коня. Лукаво и добродушно усмехнувшись, выпалил:

— Сказала Настя, что не вдастся…

Анулов, удивленный действиями коменданта, строго

спросил:

— Что это значит?

— А вы что, слепые? Оглянитесь!

К тому времени несколько шумных групп кавалеристов, нахлестывая коней, оцепили перрон. Пешие бойцы — их было много больше, — следуя за пулеметными тачанками, вывалились из-за ближайших построек, пересекли железнодорожную линию, устремились с ликующими криками вперед.

Советские бойцы попытались было вырваться из кольца, но не успели. «Западня!» — пронеслось в мозгу побледневшего Анулова.

Из станционного помещения в сопровождении шумной свиты вышел статный командир, весь в ремнях новенького снаряжения, с огромным чубом, торчавшим из-под папахи.

— Здравствуй, товарищ Анулов! — усмехнулся он. — Будем знакомы. Я — Каретник, помощник батьки Махно. Нам надо потолковать…

Филипп пожал руку махновцу. Не теряя надежды на благополучный исход своей миссии, он подумал: «Значит, Каретник хочет вести переговоры. Ну что ж, великолепно!» Он, Филипп Анулов, со всей страстью большевика докажет махновцам утопичность их идей об абсолютной свободе отдельной личности, об уравнении классов, о социальном договоре снизу. И тут же кровь ударила ему в виски. Пока он тут, в кольце махновцев, будет вести теоретический диспут, там, на западных подступах к Помошной, прольется кровь бойцов. Каретник будто разгадал его мысли, миролюбиво произнес:

— Я принял меры. Послал делегатов к твоим красноармейцам. А ты строчи им приказ — не двигаться, ждать конца переговоров. У нас враг один — Деникин. И мы не хотим крови своих братьев. Кто мы, кто вы? Не буржуи, не эксплуататоры. Борцы за свободу. Вот пошли до своих этого симпатичного хлопца. — Каретник указал на Настю.

— Це, товарищ Каретник, не хлопец, — рассмеялся комендант-матрос. — Це дивчина. Мужики уже не идут до большевиков, идут сами бабы.

— От такого кавалериста и я бы не отказался, — многозначительно подмигнул Каретник. — Ну ничего, мы еще с нею встренемся.

Анулова покоробило от двусмысленных шуток. И хоть тяжело было ему расставаться с боевым другом, он рад был поскорее отослать Настю. Там, среди бойцов Особого полка, она будет избавлена и от опасности, и от соленых шуток.

Пока Анулов мучительно думал, с чего начать, Каретник

первый открыл «диспут»:

— Ты, товарищ Анулов, получил приказ стать в Помошной. Наш батько Махно непротив. Правда, сила твоя не очень видная. Учти: у нас в одной Помошной пять тысяч. Взвесь! Станешь тут, но с одним условием. Примешь от меня черное знамя — это раз. Присягнешь батьке — два. Отправишь в Одессу тех коммунистов, которые не захотят служить святому делу анархии. Это третий пункт. Какая твоя святая задача перед народом? Колотить Деникина! Вот и будем громить его вместе… Конечно, под командованием нашего мудрого батьки Махно.

Все помутилось в голове командира полка. Не ожидая такого оборота, он успел только вымолвить:

— Какие же это переговоры? Это ультиматум!

— А ты что думал? Со своим уставом да в чужой приход? Ультиматум и есть. Переговариваются с сильными или с равными, а слабому диктуют. Даю пять минут, мозгуй…

Наступило молчание. Каретник и его пестрая свита ждали. «Как же поступить? Ответить притворным согласием? Перехитрить? Пойти с ними, а в удобную минуту оторваться? А черное знамя? А присяга? А коммунисты? Ни за что! Будь что будет!» Анулов вспомнил случай, происшедший с Якиром. Год назад Иона Эммануилович один явился в штаб Сахарова. «Командованию известно, — заявил он авантюристу, — что ты собираешься нам изменить. Если это подтвердится, я лично тебя пристрелю». И еще вспомнил Филипп напутствие начдива: «Пусть слова этого ленинского наказа крепко войдут не только в вашу голову, но и в ваше сердце».

Бросив взгляд на Каретника, Анулов стал расстегивать кобуру нагана. Вмиг вылетели из головы все антианархистские постулаты. Успел только выкрикнуть:

— Бандитами вы были, бандитами и остались!

Каретник сплюнул, крепко выругался. Обратился к коменданту-матросу:

— Товарищ Халупа! Скрути этому бешеному коммунисту руки. Хотел с ним по-хорошему… Не понимает, дурень, что ихняя коммунистическая лавочка кончилась. И припечатай ему разок по-моряцки.

Халупа процедил сквозь зубы:

— Я его зараз скручу тугим морским узлом, — и двинул Анулова по уху.

Комполка пошатнулся, но устоял на ногах. Вспомнив слова начдива — «Лжец может выжить, ложь — никогда», Филипп подумал: «Пока ложь сгинет, от ударов лжецов башка лопнет».

— Пойми, Анулов! — усмехнулся Каретник. — Сейчас время

такое: умный ест пироги с грибами, дурак — бифштекс с собственными зубами…

Анулова обезоружили. Сорвали с головы кожаную фуражку, содрали с нее красноармейскую звезду. Потом связали руки и, подталкивая в спину прикладами, повели к железнодорожному составу. Там хозяйничали махновцы.

Каретник сказал вслед:

— Не послушал небитый меня, послушаешь битый нашего батька…

Халупа подвел связанного Анулова к классному вагону. На его ступеньках с папиросой в зубах сидел в серой папахе, в живописной алой гусарке небольшой сухощавый человек. Из-под его насупленных густых бровей раскаленными угольками поблескивали черные пронзительные глаза.

— Вот мне тебя и надо, — осипшим голосом встретил черноглазый Анулова. — Я считал, что ты из грамотных, поймешь нашего товарища Каретника. Не понял. Жаль. У меня время отнимаешь. Забили тебе За-тонские, Гамарники, Якиры башку… Не понимаешь, куда дело клонится. Народ, видишь, понял, — Махно — это был он — повел вокруг рукой, указывая на свое войско, — а ты, ученый, не понял. Стыд и позор! В жизни, как и на море, волна идет за волной. Признаю, раньше народная волна шла за большевиками, а теперь идет за нами, за анархизмом. Мы тоже за Советы! Только коммунистам нужна Советская власть, а мы, анархисты, за советский вольный строй… Куда вы годитесь? У вас вся Россия, Москва, Киев, а с Петлюрой и Деникиным не можете справиться. Отдали Деникину пол-Украины, драпаете от него. А я вот разобью Деникина в три доски. Ты смотришь исподлобья, думаешь: «Где твоя сила, Махно?» Вот она, кругом. Смотри! А скоро такое увидишь, удивишься… Зачем тебе и твоим людям погибать под деникинскими шашками? Иди с нами, будем лупить кадетов и ночью и днем. Согласен?

— Не согласен, — зло ответил Анулов.

Из вагона вышел и стал за спиной Махно одетый в кожаную куртку красивый молодой человек, со смолистыми, ниспадавшими до щек густыми волосами. Это был член «революционного военного совета» махновской армии Семка Барон, бывший студент Оксфордского университета, теоретик анархизма. Его родной брат Михаил Барон, тоже питомец Оксфорда, помощник начальника штаба червонных казаков, воевал за Советскую власть, отстаивая в эти дни Полтаву от наскоков деникинских банд.

Махно повернул голову к патлатому:

— Послушай, товарищ Барон. Возьми ты этого дурака в штос.

Ученый ученого скорее поймет. Вышиби из его дурной башки бузу коммунизма. Может, станет человеком.

Каретник, обиженный тем, что Махно не обратил на него внимания, выступил вперед, поднял руку с зажатой в ней плетью:

— Не вышибет ему дурь товарищ Барон, вышибу я…

Махно извлек из глубокого кармана своей ярко-красной гусарки сложенный вчетверо лист чистой бумаги, развернул его, поднес к бумаге зажженную спичку.

— Видишь? — подмигнул он Анулову. — Бумага белая. Пока горела, была красной, а сгорела — стала черной. Так и в политике. Понимай, брат! При царе власть была белая, при большевиках стала красной. Теперь все в народе перегорело — власть становится черной. Присно и во веки веков… Что скажешь? Крыть-то нечем…

Анулов сделал три шага вперед. Набрав в легкие воздуха, дунул изо всех сил. Черная зола развеялась по ветру.

— Пепел!.. — торжественно выпалил Анулов. — Присно и во веки веков он пеплом и будет.

— Верно, — вставил Барон. — Только мы на радость трудящимся возродимся как феникс из пепла.

— Что-то я ничего не слыхал о патлатых фениксах… — с иронией отозвался художник, намекая на поповскую шевелюру махновского идеолога.

Вдруг с востока, словно гул морского прибоя, донесся, все приближаясь и нарастая, шум человеческих голосов. Барон, стоявший выше всех на площадке вагона, посмотрел вдаль, на пологие холмы. Там вился шлях из села Благодатного. Патлатый с жаром выпалил:

— Идут, идут, Нестор Васильевич. Абрам Полонский ведет свои полки…

Анулов, услышав слова Барона, обрадовался. Он знал, что в 58-й дивизии есть командир-партиец, бывший партизан, рабочий-печатник из Одессы Абрам Полонский. Значит, пришла выручка. Если на махновцев нажмет Полонский, то и бойцы Особого полка, предупрежденные Настей, догадаются, что надо делать. Но радость Анулова была недолговременной. На тонких губах батьки появилась хитрая усмешка. Махно скомандовал:

— Расступись, братва, нехай он, Фома-неверующий, увидит новую армию батьки Махно. Я же ему говорил, не верил…

Шумная орава разомкнула кольцо. Анулов повернулся лицом к востоку. Душа художника взыграла при виде развернувшейся на подступах к Помошной ослепительной картины. По широкому шляху и по его сторонам, вздымая пыль, с развернутыми красными знаменами шли густые колонны пехоты и конницы.

Куда и зачем они идут? Чтобы выгнать из Помошной махновцев? Тогда почему не развертываются в боевые порядки? И почему так ликуют бандиты, так сияют радостью острые глаза самого Махно?

Раздумья Филиппа прервала вспыхнувшая в рядах шедшей с востока конницы песня:

За горами, за долами
Ждет сынов своих давно
Батько храбрый, батько добрый,
Батько мудрый наш — Махно…

С трудом сдерживая взмыленных коней, на широком галопе подскочили к классному вагону два всадника — один щупленький, чернявый, с тонкими усами на заросшем щетиной лице, другой — плотный, блондин. У обоих на фуражках большие красноармейские звезды.

Чернявый спешился, властно бросил поводья стоявшему вблизи одноглазому Халупе. Приблизился к вагону, протянул руку сиявшему от радости главарю:

— Вот, товарищ Махно. Привел к тебе подмогу — бригаду пехоты и неполную бригаду кавалерии. Всего десять тысяч крепких вояк. Время грозное, и наши люди признали: из всех наших полководцев — Федько, Якира и других — ты один способен повести их и весь народ против Деникина. Но помни, вот мой помощник Берковский, беспартийный, а я коммунист. Некоторые партийцы с нами не пошли, а другие пошли. Мы тебе ставим условие, Нестор Васильевич: до нашей веры не касайся…

Махно расплылся в дружеской улыбке:

— Чудак ты, товарищ Абрам. По мне не то что коммунист, будь сам черт, лишь бы с нами шел. По правде скажу тебе: настоящие коммунисты не те, что сидят там в Москве или в Киеве. Сейчас настоящий коммунист тот, кто идет со мной бить Деникина, а не тот, кто плюет на ридну Украину и мажет пятки на север. Живи себе со своей верой, товарищ Абрам. Живи сам, пусть живут твои коммунисты. Сделай в Помошной привал, накорми хлопцев и гайда в Ново-Украинку. Формируй железную партизанскую дивизию имени батьки Махно. Наше руководство решило ввести тебя в состав реввоенсовета. Учти это, товарищ Полонский!

Вернулся ненадолго отлучавшийся в вагон Барон. Вынес два черных знамени. Передал их Махно. Батько развернул полотнища. Прочел на одном: «Анархия — мать порядка», на другом: «Мы горе народа потопим в крови». Поразмыслив немного, вернул первое Барону, второе передал Полонскому:

— Вот возьми, товарищ Абрам. Это знамя специально заказано для твоей железной дивизии.

Что-то на миг дрогнуло в лице Полонского. Однако знамя он взял и сразу же передал его Берковскому.

Пораженный происходившим, Анулов не сводил глаз с Полонского и с Махно. Подумал: стоило попасть в лапы махновцам, чтобы быть свидетелем этого неповторимого зрелища! Ему показалось, что, получая из рук Махно черное знамя, Полонский сразу же понял все значение своего чудовищного шага. Перед глазами Анулова на секунду возникло видение будущего яркого полотна, которое расскажет потомкам, как легковерие переходит в отступничество, а отступничество в измену. Только будет ли создано такое полотно? Словно заколдованный Филипп стоял в гуще махновокой вольницы.

— Что скажешь теперь? — обратился к нему Махно. — Видал, как растет армия борцов за свободу?

— Скажу одно: я коммунист. — И, покосившись зло на Полонского, добавил: — А не изменник.

Халупа увел Филиппа в пустой вагон. Отойдя к двери, сказал:

— Посмотрим, чья возьмет: анархизм или коммунизм? У вас, конечно, мудрые деды — Маркс, Энгельс, Ленин. Но и наши дедушки не хуже. Слыхал о Кропоткине, Бакунине?

— Это они вас учат тыкать кулаками в нос?

— Не всем же править молебны, — ответил невозмутимо Халупа. — Пока одни проповедуют, другие зажигают лампады.

— Ничего не скажешь, — глубоко вздохнул Филипп, поглаживая рукой огромный синяк под глазом. — Здоровую лампадку зажег ты мне.

— А ты не обижайся. Сам бы я тебя пальцем не тронул. Выполнял приказ. С Каретником шутки плохи.

— Приказ? А своя башка где? У кого есть своя башка на плечах, тот рано или поздно плюнет на батька, придет к нам с повинной.

— Чего-чего, а этого не дождешься… — Халупа сердито загремел дверью, запер ее снаружи висячим замком.

Ночью кто-то высадил в вагоне окно, бросил Ануло-ву бритву, полушубок. Филипп сбрил бороду, переоделся, вылез из вагона. На путях его ждала Настя. Под покровом темной ночи они вместе покинули Помошную.

В глухой степи, когда станция осталась далеко позади, они забрались в огромный пахучий стог сена. Измученные злоключениями дня, длинной дорогой по мягкой стерне, сразу же уснули. Короткий, но крепкий сон снял усталость. В полночь они уже бодрствовали. Поеживаясь от предрассветной свежести, Настя

одной рукой накинула шинель на открытую грудь спутника. Анулов вздрогнул. Ему приснилось, что он еще в плену у махновцев. Горячие губы Насти шептали:

— Скажите, товарищ Филипп, вон на тех далеких звездочках есть люди? И они тоже душат, режут друг друга, льют кровь?

— Не знаю, есть ли там люди, — ответил Анулов. — Не могу также сказать, грызутся или милуются там. Но хорошо знаю одно, Настенька: животное, приспособив одну пару лап в качестве рук, превратилось в человека. Еще больше человек стал отличаться от животного, когда счастье ближнего сделалось для него дороже собственной шкуры.

Успокоенные августовской южной ночью, душистыми испарениями ковыля и тамариска, они готовы были говорить до рассвета. Но проснувшиеся в одно и то же время перепела и полевые жаворонки сыграли юным путникам дружный подъем. Было около трех часов ночи…

Выбравшись из заманчивого обогретого логова, Филипп и Настя, держась, как дети, за руки, двинулись на северо-запад. У Любомировки, на Черном Ташлыке, они нагнали свой полк.

7. В штабе Котовского

Илья Иванович Гарькавый дни и ночи проводил в штабе дивизии. Сюда он перенес из якировского вагона свою походную кровать. Но было не до сна: уже третьи сутки он не смыкал глаз.

С каждым днем людей и боеприпасов становилось все меньше, а забот все больше. К двум фронтам — подольскому, откуда наседали петлюровцы, и днестровскому, откуда угрожали дивизии румыны, — прибавился помошнянский.

Тылы дивизии заслоняли лишь малочисленные отряды Княгницкого и полк Анулова, остававшийся в Первомайске.

Армия Махно вместе с переметнувшимися к ней силами 58-й дивизии насчитывала теперь до двадцати тысяч штыков, до пяти тысяч сабель и двухсот двадцати боевых тачанок. Будь этот мощный кулак в руках красного командования, корпус генерала Шиллинга, захвативший Николаев, уже давно был бы опрокинут. Но махновский «черный реввоенсовет» не торопился бросать полки против белогвардейских банд Шиллинга.

Николаев пал 18 августа, а ведь мог еще долго держаться. И тут не обошлось без козней Махно. Еще раз подтвердилось, что за «революционностью» его слов скрывалась архиконтрреволюционная сущность. 15 августа, в разгар боев с деникинцами, в Николаев пожаловал на бронепоезде «Вихрь революции» главный махновский демагог — матрос Щусь. Подбил на митинг команду советского бронепоезда «Борец за свободу». Щусь порвал на себе тельняшку, доказывая, что путь с большевиками — это гибель, путь с Махно — спасение.

Анархистскому эмиссару гневно отвечали Федько, Мокроусов, командир 520-го полка Моисеенко, начальник оперативного отдела штаба 58-й дивизии Семен Урицкий и Другие. Щусь укатил на своем бронепоезде ни с чем. Но после бурной полемики что-то надломилось в настроении бойцов. За несколько дней до этого взбунтовалась четвертая бригада из дивизии Федько, ненадолго захватила в плен своего комбрига Кочергина, потрепала штаб второй бригады. Вскоре под бешеным натиском деникинцев пришлось оставить Николаев. Отход прикрывали наиболее крепкие части — 520-й полк Моисеенко и Интернациональный спартаковский полк, с которым находился Семен Урицкий.

Несмотря на хвастливые заявления Махно, его полки почти без боев отдавали волость за волостью деникинцам, наступавшим со стороны Кривого Рога. Не совсем спокойно Махно чувствовал себя и в Помошной, где обосновался его штаб. На части Красной

Армии махновцы не нападали, да и советским войскам пока было не до боя с бандой Махно. Это батько понимал. Но все же он опасался появления красных бронепоездов с запада и велел срыть железнодорожное полотно на десятки верст в сторону Первомайска. Сначала содрали рельсы, потом растащили шпалы. Согнали для этого несколько тысяч крестьян из сел по Черному Ташлыку и почти столько же воловьих упряжек.

Обмозговал Махно и другое. На всякий случай отвел в Ново-Украинку дивизию Полонского, отгородив ее от советских войск своей старой гвардией — конными полками Каретника.

В какой-то мере махновская демагогия затронула отсталую часть бойцов и 45-й дивизии, в том числе Особого полка Анулова, наполовину состоявшего из портовых грузчиков, лудильщиков, шапошников, парикмахеров, столяров, мобилизованных одесскими профсоюзами. И это было понятно. Трудности в тылу и неудачи на фронте вызывали брожение умов. Кое-кто начинал полагать, что наиболее верный путь тот, которого придерживался Махно. Именно в этом заключалась основная опасность махновщины. Подняв свое черное антисоветское знамя в пору самых тяжких испытаний, махновцы довели брожение умов до высшего предела. Казалось, вот-вот наступит праздник на их улице.

Но частный успех — это не полная победа. Выиграть сражение — это не значит еще выиграть войну.

Положившись целиком в штабных делах на Гарькавого, Иона Эммануилович редко теперь бывал в Бирзуле. То он выезжал в Рудницу, на самый удаленный участок донельзя растянутого фронта дивизии, то несколько дней проводил в штабе бригады Котовского, то отправлялся в Одессу, куда его часто вызывал губком.

Одесса переживала трудные дни. Правда, деникинцы были еще далеко, но органы Советской власти в городе уже почти прекратили свою деятельность. Чиновники административного аппарата ждали новых хозяев. Срывалось снабжение войск хлебом и боеприпасами. Из всех щелей поднимали голову белогвардейцы. Все большее беспокойство вызывало поведение некоторой части комсостава 47-й дивизии, начальник которой Лагофет, бывший коммерческий моряк, действовал очень круто, делая главный упор на принуждение.

Ежедневно распространялись всевозможные слухи. Душа гражданина начала уступать душе обывателя. Вражеская агентура не дремала. Генерал Шиллинг переправил через фронт не только «Скорпиона». Докатилось и до Одессы: в Юзовке, Горловке, Никитовке, Севастополе, Симферополе деникинцы вешают

рабочих на телеграфных столбах. Прилетела к одесским берегам песенка:

От расстрелов стоит дым,
то Слащёв «спасает» Крым…

Сидевший уже три недели в Одесской губчека «Скорпион» охотно рассказывал о себе, но упорно отказывался назвать других агентов.

К Одессе под прикрытием боевых кораблей Антанты приближался деникинский десант. Гражданская работа в губкоме и губисполкоме с каждым днем сворачивалась, усиливалась работа военная. Три дивизии — 45-я, 47-я, 58-я — и множество разрозненных частей, защищавших южные подступы к городу, нуждались в твердом руководстве. Его осуществлял губком партии. В губкоме больше всего прислушивались к мнению командира 45-й дивизии Ионы Якира.

С захватом махновцами Помошной прервалась регулярная связь с Киевом, с Советским правительством Украины и со штабом 12-й армии. Работала лишь слабенькая радиостанция. Кроме того, отдельным, наиболее доверенным товарищам удавалось под видом обывателей поддерживать случайную связь Одессы с внешним миром.

Хотя клещи на линии Ново-Украинка — Рудница благодаря стойкости полков 45-й дивизии Якира еще не сомкнулись, юг Украины к середине августа 1919 года оказался фактически отрезанным. Эта вынужденная автономия обязывала ко многому.

15 августа петлюровцы, пронюхав, очевидно, об осложнениях в тылу 45-й дивизии, обрушились на позиции бригады Котовского со стороны Могилева. Гайдамаки и галичане-сечевики с ожесточением бросались в атаки на поредевший 400-й стрелковый полк Колесникова. Жовтоблакитников беглым огнем поддерживали бронепоезда «Черноморец» и «Вільна Україна».

18 августа Якир находился в Руднице. Котовский не очень любил гостей из штаба дивизии. Да и какой самостоятельный командир, верящий в свои силы, знающий своих бойцов, как самого себя, любит их?! Якира же Григорий Иванович всегда встречал с радостью. В этот раз начдив задержался в бригаде на целых трое суток. Он, разумеется, не сомневался в военных способностях комбрига, но все же опасался за безопасность занимаемого бригадой участка обороны, зная, как тяжело приходится самому Котовскому, командирам полков, красноармейцам. У неприятеля тройное превосходство в штыках, пулеметах, орудиях. Начдива можно было видеть в те дни на

переднем крае то в одной, то в другой части, то в конном полку Михая Няги. Еще на опыте прошлогодних боев с белоказаками донского атамана Краснова под Коротояком и Лисками Якир убедился, как важен личный пример командира. И теперь появление начдива в первых рядах сражающихся окрыляло бойцов, подымало их дух. Они не только сдерживали превосходящие силы противника, но и наносили врагу ощутимые удары. Котовцы на деле убеждались, что кроме арифметики чисел есть еще арифметика чувств.

Котовский уважал начдива вовсе не из-за высокой его должности. Григория Ивановича могли покорить лишь душевные или деловые качества человека. Тех начальников, которые считали основным качеством командира умение делать разносы, он не терпел. В Якире Григорий Иванович ценил простоту и строгость, его умение учить, но не поучать, руководить, а не дергать. Вместе с тем Котовский знал, что начдив не только умеет учить подчиненных, но и сам не стесняется учиться у них.

Вернувшись с передовой, Якир приказал Котовскому прекратить именовать полки по их прежним названиям: «Плосковский», «Ананьевский», «Тираспольский»…

— Почему? — удивился Григорий Иванович.

— Есть на это причины, и веские, — ответил начдив. — Эти причины надо обязательно понять. Вы сами знаете: наша партия проделала огромную работу по искоренению партизанщины в худшем ее понимании, по созданию регулярной Красной Армии. Создавалась армия почти на голом месте, применяясь к обстановке. Вначале, когда массы терялись в выборе путей, нужны были авторитеты. Люди шли за выдающимися личностями. Были отряды Иванова, Петрова, Иваненко, Петренко. В какой-то степени этот именной принцип породил и «батьковщину». Добро переродилось в зло. Культ атаманщины разлагал армию. Прислушивались не к лозунгам партии, а к словам атаманов. Потом борьба с немецкими оккупантами вызвала к жизни много местных формирований, появились полки «ананьевские», «плосковские», «вознесенские» и другие. У них на первом плане стояли местничество, интересы уезда, а не нужды страны. И при именном и при географическом принципе сильна круговая порука, а не сознательная воинская дисциплина. После восьмого съезда партии по указанию Ленина мы перешли на числительный принцип. Армии, дивизии, полки получили свои номера. Это стало залогом строгого порядка, железной дисциплины. Возьмем передовые наши полки. Они не растеряли лучших качеств воинов-партизан: смелости, выносливости, смекалки, взаимной выручки, товарищеской спайки,

привязанности к командиру, бодрости при любой неудаче. Теперь они приобрели достоинства регулярного войска: железную дисциплину, строевую выправку, точное выполнение приказов, верность партии и народу. Чтобы окончательно покончить с местническими настроениями, я и требую впредь именовать полки только по номерам.

Григорий Иванович — кряжистый, высокий, с крепкой, наголо бритой головой, в расстегнутой бязевой солдатской рубахе — внимательно выслушал начдива, потом спустился в подполье. Вылез оттуда с живописным, сверкающим глазурью кувшином — «бараном».

— С пылу, с жару, т-т-товарищ начдив… Х-х-холод-ный квасок.

Котовский разлил в стаканы золотистый напиток:

— К-к-какая-то гадина пустила слух, что К-котовского вдохновляет бессарабское вино. Специально, мол, «барана» таскает. Можете убедиться, Иона Эммануилович, что это за вино.

— Чепуха! — ответил Якир. — Нечего меня убеждать. Я бы и так не поверил. Грош цена пьющему, да еще командиру…

В штаб бригады вошел запыленный Охотников. Он вернулся из Бирзулы. Привез Якиру срочный пакет. Начдив распечатал его. Это был принятый по радио приказ командующего 12-й армией.

— Трем дивизиям велено удерживать Юг Украины при любых обстоятельствах, даже если на линии Умани соединятся деникинские и петлюровские силы, — сказал начдив Котовскому. — Есть о чем поразмыслить, Григорий Иванович.

— Чем они там в Киеве думают, товарищ начдив?! — воскликнул Котовский, сжимая в руке стакан. — У нас и так трещат бока… А что будет, когда сомкнётся кольцо? Ведь вы сами мне говорили, что в губкоме с часу на час ждут директивы об отходе.

— Говорил, товарищ комбриг. Нам здесь на юге кажется, что это наиболее целесообразная мера, а что думают там на севере, говорит этот приказ. Начальству виднее. Страшно только то, что Ленин этого требовал десять дней назад, девятого августа, а командарм — лишь сегодня.

— Не торопится наше начальство, — вставил реплику Охотников.

— Видимо, ждали, как развернутся здесь события. А они развернулись неладно. Одна афера Полонского чего стоит!

— Не устояли перед махновской заразой, шкуры! — зло сплюнул Котовский. — Не виси у меня на шее Петлюры, я бы и батьке Махно дал жару, и этой дивизии изменников.

— Вот то-то и оно! — покачал головой начдив, отхлебнув

холодного кваса. — Директива Ленина бьет не в бровь, а в глаз. Кое-кто в губкоме удивится ей, потому что смотрит на вещи со своей колокольни. А Ленин смотрит со всероссийской каланчи. Деникин из Белгорода лезет на Курск. Наши изо всех сил сдерживают его. Если мы прекратим сопротивление здесь, Деникин перебросит с юга силы к Курску.

— Верно. Я тоже об этом думал, — Котовский хлопнул ладонью по столу, устремив восхищенный взгляд на Якира.

Григорий Иванович сам обладал недюжинными способностями боевого командира. Тем не менее он буквально поражался военным талантам своего земляка и всегда внимательно прислушивался к его выводам, советам. Недавно комбриг получил задачу — силами бригады удерживать участок Попелюхи — Ерасово. Поначалу растянул подразделения тонкой линией по всему семидесятиверстному фронту. Якир, заглянувший в те дни в бригаду, поправил комбрига, посоветовал создать опорные пункты, всемерно усилить оборону главных направлений возможных атак противника за счет сокращения войск на второстепенных участках. При этом он дважды повторил свое любимое изречение: «Чем меньше мужества, тем больше просчетов». Помнил Котовский: Якир оградил его от самодурства демагогов. Были такие, которые утверждали, что на данном этапе авторитеты опасны для революции, что этому якобы учат тяжелые уроки махновщины и григорьевщины.

Продолжая размышлять о только что полученном приказе командарма, Якир задумчиво произнес:

— Я рад, что наши мысли совпадают, Григорий Иванович. Есть над чем пошевелить мозгами. Вы, наверное, думаете: начдив, мол, в военном деле дока — все заранее предусмотрит. А это далеко не так. Ведь военным я стал по необходимости. А в молодости, как и вы, мечтал совсем о другом. Вы мечтали стать агрономом, а я — химиком. Не вышло! Революция, призвала нас под ружье да к тому же доверила командовать. А ведь одно дело лететь самому на врага с винтовкой наперевес, другое — вести в бой людей. Нужна наука, да еще какая! А где ее взять? Вот Ленин потребовал, чтобы мы учились у военспецов. Правда, среди них есть и такие, о которых можно сказать: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит». И все-таки Ленин знал, чего требовал. Большинство военспецов, как бы о них там ни говорили, не потеряли своей совести.

— Да взять хотя бы м-м-моего начальника штаба К-к-каменского, — вставил Котовскии. — Кремень! Мало того, дело знает отлично и человек очень душевный, настоящий товарищ.

— Вот об этом я и говорю, — продолжал начдив. — У нас в

штабе из бывших офицеров Илюша Гарькавый. Только какой он офицер? Дело, конечно, знает, а как был учителем, так им и остался. Прапором война его сделала. А вот Вася Бутырский — вы его знаете, — тот настоящий кадровик. Бывший поручик. Но о нем не скажешь, что он «в лес смотрит». Золотой работник. Душой болеет за наше общее дело. Целые дни в штабе за бумагами, картами, схемами, у телефонов. А по ночам приходит ко мне. Иногда до рассвета сидим в купе. И знаете чем занимаемся? Он читает мне, своему начдиву, лекции по тактике и обучает прочей военной премудрости. Это он, Бутырский, постоянно внушает мне, что нельзя бить врага растопыренными пальцами. Для успеха надо собрать силы в кулак и наносить удары по самым слабым местам противника.

— А п-п-пока что п-п-противник лезет в печенки, — вздохнул Котовский.

— Да, обстановка за последнее время круто изменилась. Махновская угроза особенно разрослась к середине августа. Ленин тогда еще не знал об этом. Реввоенсовет двенадцатой армии предписал нам поднять население. А как подымешь? Кулак готов перегрызть нам горло, многих середняков наши головотяпы на местах оттолкнули, если не к кулаку, то к Махно. Бедняк терроризован кулаками или махновцами. Передовая часть бедняков, разумеется, с нами и идет в наши полки.

— Об этом сообщают Анулов и Княгницкий, — подтвердил Охотников.

— Население, надо прямо сказать, в разброде. И все — махновщина! — Якир встал, прошелся по комнате. — На прямые действия Махно сейчас, конечно, не пойдет. Особенно с его новыми контингентами. Каким бы путаником ни был, например, Полонский, а против нас не двинет свои полки. Это факт! Опасна демагогия Махно. Вот чего надо бояться, когда нам прикажут уходить на север. Наша опора — красноармейцы — рабочие Николаева, Одессы, Херсона, бессарабцы. Им, разумеется, нелегко покидать родные места. Они все еще живут надеждой: не сегодня-завтра мы поведем их за Днестр освобождать свои хаты, родную землю от румынских захватчиков. А уходить придется! Иначе мы потеряем не только территорию, но и нашу боевую силу.

— А как же… приказ командарма? — спросил недоумевая Котовский.

— Приказ командарма! — повторил начдив. — В одной хорошей книге я вычитал: «Бывают дороги, по которым не идут; бывают крепости, из-за которых не борются; бывают местности, за которые не сражаются; бывают повеления, которых не выполняют».

— Здорово сказано!

— Вот и мы будем доказывать, что кое-какие повеления запоздали. А пока, Григорий Иванович, ни шагу назад. Помните, от ваших действий, от действий всей нашей дивизии, от поведения сорок седьмой и полков товарища Федько зависит многое. О чем не следует забывать? Нам тяжело, врагу тоже нелегко. Разве это не показатель, что Петлюре ничего не удается? Почему? Ему хочется попасть в Одессу раньше Деникина, но у него нелады с галичанами. Да и тыл его тревожит, пока жива Венгерская советская республика. И Деникин не так уж силен. Рвется к Курску, однако Одесса, Киев в наших руках. А что касается Махно, то он хотя и куражится, но боится своего нового союзника Полонского. Такая вот обстановка. Поэтому надо держаться, Григорий Иванович. Враг бьет нас своей конницей. Особенно Деникин. Ему старается подражать и Петлюра. Поэтому очень прошу вас, Григорий Иванович, подумать, как лучше организовать оборону против конницы. Пули, конечно, не остановить, а саблю остановить можно. Зато пуля не потянет за собой пули, а сабля саблю всегда. Если прорвется к вам одна, ждите и всю сотню.

Охотников достал из полевой сумки сверток. В нем он привез из штаба дивизии наградные часы Котовскому и командиру 400-го полка Колесникову.

Приняв от адъютанта сверток, Якир вручил награду Котовскому. При этом сказал:

— Это за разгром синежупанников, Григорий Иванович. Пока часы, но думаю, что скоро буду вручать вам и вот это, — начдив дотронулся рукой до ордена Красного Знамени.

— Служу трудовому народу! — поднявшись во весь свой богатырский рост, отчеканил Котовский.

— Часы Колесникову тоже отвезу сам, — продолжал Якир. — Молодец командир полка! И раньше воевал хорошо, а после трагедии с сыном еще крепче дерется. Да и совесть меня мучает. Как-то я его обидел. А сами знаете, обидеть человека легко, зато очень трудно потом обласкать его.

— Что, обложили его, товарищ начдив? — лукаво прищурившись, спросил Котовский.

Якир строго посмотрел на комбрига:

— Что вы? Ругаться — это не мой стиль. Да и обругать не всякого можно. Командир командиру рознь. И по способностям, и по чувствительности. — Якир задумчиво размял папиросу, закурил. — Звание вроде одно, а вот призвание разное. Один силен производить материальные расчеты, другой — предвидеть и планировать, третий — убеждать, четвертый — повелевать.

Надо суметь в каждом распознать сильную сторону. Хорош тот командир, который способен не только повелевать, но и в нужный момент сам возглавить атаку. А трижды хорош тот, который сам умеет и рассчитывать, и повелевать, и предвидеть, и планировать, и убеждать. Кто умеет лишь повелевать, часто перерождается в солдафона. Кстати, я убедился, что солдафон не только тот, который горазд грубить и материться, не считаться с человеческим достоинством подчиненного, но и тот, кто способен сам выносить грубости, матерщину. Колесников не солдафон. Он не потерпел бы грубости от самого господа бога, а тем более от начдива. Обидел я его другим: не то что недоверием, а неполной верой. Какая это сила — вера в людей!

Уезжая, Якир достал из полевой сумки толстую книгу, дал ее Котовскому:

— Прочтите, Григорий Иванович, полезная штука. Мне ее подарил Гамарник.

— Так это же написано старорежимным генералом Драгомировым! Что же тут полезного? — удивился Котовский.

— Вы все же прочтите, — мягко и настойчиво повторил Якир. — Сами убедитесь в пользе книги. Знаете, что такое связь событий и времен? Мы с вами ведь тоже выросли из старого мира. Так и наша военная наука. Она еще даст богатые всходы, а корни ее в прошлом.

8. Тревоги начдива

Август, не растерявший еще прелестей лета и уже полный осенней благодати, — золотая пора на юге Украины — в том году выдался особенно трудным для молодого начдива. Постоянного и неусыпного внимания Якира требовал не только фронт, но и тыл. И то, на что в обычное время необходим был месяц, сейчас, в войну, надо было делать в один день.

Правда, после разгрома кулацкого восстания в Приднестровье в тылу дивизии наступило относительное спокойствие. Вместе с тем демагогические посулы махновских агитаторов вносили в умы местных крестьян брожение. Нельзя сказать, что селяне были настроены против Советской власти. Но, прислушиваясь к призывам демагогов, стали требовать каких-то особых, «вольных» Советов. Григорьевщина выдвинула лозунг «Трудовые Советы». Повстанцы Приднестровья поднялись за «Советы без чужаков». Махновцы же, не отказываясь от своего догмата: «Всякая власть — зло», ратовали за Советы с «настоящими коммунистами». А на вагонах «политдепартамента» махновской армии висел лозунг: «Нет справедливее в мире власти, чем безвластие Махно!»

Ясно было одно: никакое антисоветское движение не могло уже рассчитывать на поддержку масс, не выставив лозунга борьбы за Советы. Махно и его окружение учитывали это. Стремясь свергнуть Советскую власть, они шли на гнусный обман народа, особенно крестьян и отсталой части красноармейцев. И это, увы, не оставалось безрезультатным. Махновцам удалось оторвать от самой мощной, самой большой советской дивизии добрую ее половину.

Махновские агитаторы проникали и в полки 45-й дивизии, но красноармейцы, выслушав их, отвечали: «Может, и правда, что Махно бьется за настоящую свободу, но передайте ему вот что: куда Якир и Котовский, туда и мы! За кем они идут? За Лениным! Вот поэтому и мы вместе с ними!»

«Так красноармейцы дивизии говорят сегодня, пока стоят лицом к Бессарабии, — размышлял Якир. — А что они скажут завтра, когда получат приказ оторваться от Днестра и идти на север, к Киеву?..

Единство! Как много приходится толковать о нем, доказывать его чудодейственную силу и пагубные последствия раскола! Весной, когда молодые красноармейские полки, обрастая с каждым днем новыми контингентами добровольцев, грозной лавиной устремились к югу, сметая полчища немецких и австрийских оккупантов, гетманцев, петлюровцев, единство

крепло с каждой победой. Общая цель объединяла в борьбе с общим врагом и советские дивизии, и сотни повстанческих отрядов, и вольницу Махно.

Боевые успехи Красной Армии приструнили противников молодой Советской власти. А вот временные неудачи на юге вновь оживили враждебные силы. Пошли гулять по белу свету с подновленными идеями новые вожаки. И чем их больше, тем чаще приходится говорить о единстве, дабы не допустить раскола, подобного тому, который возглавил не петлюровец Григорьев, не тайный белогвардеец Кожемяченко, а свой брат рабочий, да еще партиец Полонский. Это — раскол, который бьет по самому чувствительному месту и окрыляет смертельных врагов — Петлюру, Деникина. Нельзя закрывать глаза на правду. На данном этапе махновщина — грозная сила, и не столько боевая, сколько политическая. Как политическая, она становится властителем дум значительной части населения, подымает обманутых на неправое дело».

Якир, теперь уже возглавлявший все войска Южной группы, обстоятельно готовился к выступлению перед коммунистами. Он прекрасно сознавал, что от этого собрания будет зависеть очень многое. Ведь речь на нем пойдет о судьбе нескольких десятков тысяч людей, о судьбе армии, фронта, о судьбе всего юга Украины. Готовясь к выступлению, Иона Эммануилович не писал конспекта, не запасался шпаргалками. Лежа с закрытыми глазами на диване, он видел себя выступающим перед строгой, настороженной массой и в уме многократно повторял то, о чем следовало сказать.

«Что значит «глаголом жечь сердца людей»? Это — думать часы, говорить минуты». Вчера Якир был у товарища Яна. Допоздна толковали о последних событиях на фронте и в тылу. О многом договорились, но многие вопросы требовалось еще обдумать.

«Гамарник прав: глупо утверждать, будто трудовое крестьянство юга Украины отвернулось от революции, давшей ему землю и волю, что оно загрустило о царских временах. Из Таврии и с Херсонщины уже поступают сведения о зверствах помещиков: вместе с землей они отнимают и жизнь у тех, кто ее засеял. Вот почему, обожженные жарким дыханием анархистской демагогии, а теперь, чуя приближение барских кнутов, крестьяне стали метаться из стороны в сторону. Действительно, здесь на юге Махно кое-что значит! Он силен тем, что мы временно потеряли, а он подобрал. На стороне врагов и численное превосходство в войсках. У Петлюры десять, тысяч, у Деникина столько же, у Махно больше сорока, а у нас всего около тридцати

тысяч на очень растянутом фронте.

Да, сейчас антициклон на некоторое время оттеснил от нас крестьянство. Но после антициклона наступает циклон. В Сибири тоже было такое: об этом говорится в письме Ленина к сибирякам. Как украинского селянина сейчас обманывает демагогия махновцев, так в недавнем прошлом сибирского земледельца сбила с толку болтовня эсеров, но потом многому научила тирания Колчака.

Нельзя закрывать глаза и на собственные ошибки. Разве мало говорилось об этом весной на восьмом съезде партии? Недооценка середняка! Тысячу раз прав Ленин: только в прочном союзе с середняком возможна борьба с разрухой, победа над врагом. А мы порой подходим к середняку с той же меркой, как и к кулаку. Тут и эгоизм отдельных ретивых администраторов из коммунистов, и фантазерство многих оторвавшихся от жизни теоретиков, и просто неопытность. Не очень-то богатый опыт оставила после себя Парижская коммуна…»

Якир вспомнил сходку в Попелюхах, состоявшуюся вскоре после ликвидации приднестровского восстания. Один оратор, жалуясь на недостачи, сказал: «Царь был нам чужой, а давал все. Вы — свои, а только и знаете брать. Где ситец, где соль, где керосин, где спички, где гвозди?» На это удачно ответил комиссар Николай Голубенко Он сказал: «Зайдем в хаты к старым хозяевам и к молодоженам. У стариков густо, у молодых пусто. Сколько хозяйничал царь? Триста лет! А мы у власти всего около трехсот дней. И то не столько собираем хозяйство, сколько отбиваемся от врагов». Это убедило селян. Выходит, тысячи пламенных слов ничто в сравнении с одним удачным образом, с одним ярким сопоставлением.

«На собрании надо будет сказать о советчиках и доморощенных стратегах. Много советовали раньше, теперь советчиков куда больше. Значит, люди думают, беспокоятся. Подсказывают, советуют не потому, что хотят выставить себя и досадить другим. Нет, все сознают остроту положения и сложность обстановки. Это не выкрики зевак на пожаре, таких, которых огонь ничуть не обжигает, а они считают своим долгом лезть ко всем со своими советами. Ныне поднимают голос те, кого пожар опалил до самых костей…»

Пулеметчик 397-го полка великан Калораш советовал начдиву плюнуть на Одессу, собрать всех бессарабцев до кучи и ударить на Кишинев. Иона Гайдук предлагал сделать «замирение» с румынами и Петлюрой и навалиться на Махно. Его мучило сознание, что он выпустил из рук дружка Халупу, который, по слухам, стал у батьки какой-то важной шишкой. Котовский

доказывает, что всю тяжесть боев с обнаглевшим Петлюрой несет его бригада, поэтому требует передать ему весь скудный дивизионный запас патронов. Много всяких «прожектов» и у Николая Голубенко. Он настаивает, например, на том, чтобы всех одесситов собрать вместе и создать из них ударный коммунистический полк. Чтобы отговорить его от этой затеи, пришлось вмешаться членам Реввоенсовета Яну Гамарнику и Лаврентию Картвелишвили. Борис Церковный — морзист штаба 45-й дивизии — и тот не преминул предложить свой «стратегический план»: надо, мол, подтянуть все наличные силы к Николаеву и сбросить генерала Шиллинга в Черное море.

Выслушав этот совет телеграфиста, Якир сказал:

— В нашем штабе теперь одни Суворовы и Наполеоны. Скоро некому будет вести переписку и развозить пакеты.

— О лаврах Суворова, товарищ командующий, я не мечтаю, — не растерялся Церковный, — а вот стать взводным очень даже хочу.

— По-моему, лучше быть хорошим морзистом, нежели плохим взводным. Уж раз взялся за одно, держись, Боря.

— Слыхал я, товарищ командующий, что и вы брались за химию, а вот стали военным, — с присущей одесситам независимостью отпарировал морзист.

— Ловко! Сразил меня наповал! — добродушно засмеялся Якир, разглядывая густо усыпанное веснушками задорное лицо красноармейца. — Но ты пойми, Борис: я солдат Ленина — куда партия пошлет, туда и иду. После победы, может, вернусь к химии… — Затем, что-то вспомнив, Якир положил горячую руку на плечо бойцу: — Ну как твой брательник, не обижается на меня?

— А чего ему обижаться? — ответил непринужденно Церковный. — Как все, так и он! Кто он — летчик Уточкин или граф Бобринский?

Разговор о брате Церковного возник не случайно. Принимая в начале июля 45-ю дивизию, Якир откровенно восхищался ее боевыми кадрами. В то же время его потрясли дивизионные тылы. То были не войсковые обозы, а пестрый цыганский табор, тяжелыми гирями висевший на плечах боевых частей. Не только у командиров, вчерашних партизанских батьков, но и у многих рядовых бойцов были свиты в кузовах тачанок, бричек, арб и даже архирейских карет семейные гнездышки. В бою даже самый нерадивый отец семейства думал прежде всего о безопасности своего «куреня на колесах», а не о выполнении боевой задачи.

Приказ нового начдива об отправке семей в тыл вызвал бурю протестов. Нелегко было ломать сложившиеся в партизанских

отрядах устои. Якир первым отослал свою жену в Одессу. И это подействовало на самых строптивых.

Брат теперешнего морзиста дивизии шофер Михаил Церковный возил свою молодую жену в кабине грузовика. Вместе с Борисом молодожен ходил к начдиву, просил для себя поблажки. Жена — это надо понять! — вот-вот принесет наследника Михаилу и племяша Борису. Однако и в этом деликатном случае Якир не пошел на уступки: не для того издаются приказы, чтобы нарушать их! После беседы с братьями начдив сел в штабной «бенц», разыскал жену шофера и вместе со своей запиской в адрес Гамарника направил ее в Одессу. Если уж рожать наследников, так не в кузове грузовика!

— Значит, ты теперь, Борис, дядя? — спросил морзиста Якир.

— И не какой-нибудь, — расплылся в счастливой улыбке Церковный. — Дядя в дуплете. Жена брательника принесла сразу двух крикунов-одесситов.

— Поздравляю, Борис! Тут тебе не то что граф Бобринский, а сам летчик Уточкин может позавидовать! Но знай, быть дядей тоже непростая штука. Вот стать бы тебе таким, как мой дядя Хома, доктор. Золото человек! Это он хотел, чтобы я химиком был.

Продолжая обдумывать выступление, Иона Эммануилович вспомнил о своем друге Илье Гарькавом, ставшем теперь начальником 45-й дивизии. Гарькавый всем уши прожужжал, утверждая, что ему, дескать, не под силу такое дело. Эх, Илья, Илья!.. Жалуешься, что тебе одной дивизией управлять трудно. А мне разве не трудно?! Под моим командованием теперь целых три дивизии и много отдельных частей. Да и фронт — ого какой! Врагов всяких уйма: тут и петлюровцы, и румынские бояре, и деникинцы, и бандиты-махновцы. Поневоле голова кругом пойдет.

Якиру была, конечно, приятна всеобщая страсть к «высокой стратегии». Если бойцы и командиры приходят к командующему с предложениями, значит, всех их крепко волнует общее дело — судьба революции. Но вместе с тем обилие предложений настораживало. Ведь еще недавно вопросы наступления и обороны решались голосованием, полки сами снимали и назначали командиров. Не воскресли ли кое у кого мечты о возврате к этим скользким «свободам»?!

«Да, тяжела ты, шапка Мономаха! — подумал командующий. — Хорошо выслушивать советы. Подчас услышишь и такое, до чего сам не додумаешься. Коллективный мозг — сила! Но все же советчик не ответчик. Главный-то спрос с меня, командующего».

Якир встал с дивана, посмотрел в окно, закурил. Спрос, разумеется, необходим. Он тоже спрашивает и с пулеметчика Калораша, и со своего тезки Ионы Гайдука, и с морзиста Церковного, и с Котовского, и с Голубенко, и с Гарькавого, и с Охотникова, со всех командиров бригад 45-й дивизии, с командиров 47-й и 58-й дивизий. Однако спрашивать надо тоже умело. Недаром старое правило говорит: «В руководстве армией должны совмещаться и твердость и мягкость. Чрезмерная твердость приводит к ломке, при чрезмерной мягкости все разваливается само собой».

…Раздался стук. Повизгивая на роликах, откатилась дверь купе. В ее проеме показалась густая каштановая борода члена Реввоенсовета Южной группы Яна Гамарника:

— Пошли на собрание, Иона!

— Пошли!

С высоких ступенек вагона открывался вид на пристанционный сад. Там, в тени густых яворов и стройных тополей, собрались коммунисты, вызванные в Бирзулу с фронта и из всех тыловых частей 45-й дивизии.

9. Осечка

В этот необычно знойный августовский день с раннего утра дул раскаленный вынтул[8]. Мелким и острым днестровским песком он хлестал по коже, сушил губы, обжигал глаза. Жаркий ветер опалял и кожу и сердца красноармейцев. Напоминая о родных, оставленных за Днестром очагах, знойный молдавский вынтул, напитанный волнующими запахами садов, созревшего винограда, терпкого и ароматного карбунарского вина, приносил дразнящие испарения родной земли.

Всякий раз, когда налетал и бил в лицо несносный, но родной воздушный шквал, бойцы 45-й дивизии ходили как пьяные. Сегодня же вынтул вызывал тревогу. Приказ Якира еще отстукивался на разболтанном «Ундервуде», а дотошный «солдатский вестник» уже широко разнес печальную весть об отходе.

Эта весть дошла каким-то образом и до врагов. Приказ № 1 об отходе советских дивизий на север не был еще подписан Якиром, а деникинский самолет, появившись со стороны Одессы, уже сбрасывал над расположением советских войск провокационные листовки. Подстрекатели знали, что провокации больше всего действуют, когда масса чем-то взволнована, возбуждена. В бою красноармейские полки можно закидать бомбами, завалить свеженькими, привезенными из Англии снарядами, а до сражения можно оглушить их сногсшибательными слухами. И чем нелепее, чем чудовищнее слух, тем разительнее его действие.

Пущенная деникинскими агентами молва, будто Котовский в своем дивном «баране» возит молдавское вино, вызывала у красноармейцев лишь улыбки. Не очень-то подействовала и другая «сенсация». В политотдел попала напечатанная на машинке «шпаргалка». В ней говорилось: «Братки! Ваших несчастных жен, бежавших от румынских палачей, Якир убрал из полков, а сам через день ездит в Одессу к своей любовнице Урусовой, бывшей княжне». Белогвардейский Осваг[9], используя многолетний опыт царской охранки, делал главную ставку на разжигание низменных страстей. Не изменил он своему правилу и теперь, когда советские дивизии готовились к отходу на север. Сброшенные с самолета листовки были заполнены самыми нелепыми измышлениями.

…Эскадрон Гайдука расположился на привал в Липовой роще за сожженной окраиной Бирзулы, неподалеку от выходного семафора. Нынче кавалеристы раздали железнодорожникам и

жителям поселка пять вагонов колотого сахара. До того люди месяцами не видели сладкого, а тут бери сколько хочешь, и, главное — даром.

Сахар пригодился бы и самим. Но впереди — тяжелый поход. Лишний груз обременителен. Вот потому кавалеристы и раздали рафинад жителям, чтобы ценное добро не попало в лапы врагу. Пока кашевар разливал ароматный кондёр, Гайдук, достав из переметной сумы свой презент, под тенистой липой завел музыку. Бойцы, подминая под себя роскошные листья папоротника, уткнув подбородки в ладони, жадно слушали «Кампанеллу». Сегодня, когда все утро бушевал неистовый вынтул, сладостная мелодия Листа особенно волновала людей.

Незадолго до обеда возвратившийся из штаба дивизий посыльный передал Гайдуку несколько вражеских листовок, подобранных им возле Липовой рощи. Боец, доставивший эскадронному деникинские воззвания, был Макар Заноза, тот самый бедняк-старообрядец из села Плоского, которого поначалу сбили с пути истинного демагогические посулы Кожемяченко и Батурина. После неудачной вылазки, предпринятой для спасения Славика Колесникова, раненого Занозу подобрали кавалеристы Няги, оказали первую помощь и отправили в лазарет. Спустя три недели пострадавший, правда с перевязанной шеей, уже сидел на коне. Хотя в эскадроне никто не вспоминал, что Заноза во время кулацкого восстания некоторое время заблуждался, поддерживая бандитов Кожемяченко и Келлера, но сам Макар постоянно думал об этом. Гайдук догадывался, о чем терзается кавалерист, и постоянно подбадривал его:

— Выше голову, Макар! Знаешь, как в народе говорят: за одного битого двух небитых дают! Теперь ты на всю жизнь наученный. Мало, что сам образовался, других научишь. Наша Советская власть умеет казнить, но она способна и миловать. Счастливая твоя планида, братишка. Вовремя ты спохватился, пришел к нам.

Эскадронный пробежал глазами листовку и вдруг возмутился:

— Ну и дела! Послухайте, хлопцы, до чего дотрепалась эта трехсот тридцати трех святителей сволота! — обратился он к бойцам и стал медленно читать:

— «Несчастные красные бойцы, рядовые и командиры! Коммунисты обманывали и обманывают вас. Они зовут вас на север, на соединение с Красной Армией. Послушайте русскую правду — Красной Армии уже нет. Нет Красной Армии, нет больше и Советской власти. Харьков, Киев, Тула, Москва в наших руках. Красная Армия наполовину разбита, наполовину перешла

к нам. Мы говорим правду. Вы сами хорошо знаете, что ваша сорок седьмая дивизия в Одессе сдалась генералу Шиллингу. Вас не только обманывают, вас предают…»

Тут Гайдук сделал паузу. Потом продолжал:

— Слухайте дальше, братцы, до чего додумалась сволочная контра…

— Читай, читай! — зашумели со всех сторон бойцы. «Пусть враг пишет всякий вздор, но знать, чего он домогается, необходимо, — подумал Гайдук. — Тому, кто непоколебим в своей вере, эта писанина не опасна. Напротив, толковая голова способна любой нелепый вздор обратить против врага».

— Читаю, — продолжал он: — «…Вашего командующего Якира румынский король купил за полмиллиона золотом. Он, Якир, согласился плюнуть на вашу родную Бессарабию. Следите хорошенько: не сегодня-завтра явится за ним румынский аэроплан. Он улетит в Бухарест, а вас оставит на произвол судьбы. С кем вы останетесь? С Котовским? Какой из него командир? Он только способен грабить помещиков! С Федько? Так он уже и так половину дивизии отдал батьке Махно. С адмиралом Немитцем? Мы его, изменника, который продался большевикам, как Якир румынам, стукнем, как стукнули советского генерала Чикваная в Одессе. Обманутые братья! Красные бойцы! Вяжите коммунистов-обманщиков, как уральцы-казаки связали вора Емельку Пугачева. Переходите к нам с пулеметами!..»

Гайдук кончил читать. Смял вспотевшей ладонью листовку. Подтянул голенища сапог. Наступила тишина. Лишь гулко шумели верхушки лип, сотрясаемые порывами знойного вынтула.

— Что ж, вяжите, хлопцы, меня! — Гайдук ударил себя в грудь, обтянутую полосатой тельняшкой. — Я — коммунист. Вон на моем седле висят тороки. Берите, вяжите…

— Ей-богу, хлопцы, сдурел наш скадронный, — отозвался Макар Заноза. — Ты что, товарищ Гайдук, охмелел с вынтула или с той деникинской брехни? Мы твои тороки сбережем для анерала Шиллинга.

Подошел кашевар с черпаком в руке, деловито проговорил:

— Помните, братва, что сулил Кожемяченко своим ребятам? А чем все кончилось? Знаем мы эти посулы.

— Не пойму одного, — раздался голос бойца, сидевшего неподалеку от эскадронного. — Что им, этим шиллингам, петлюрам, махнам, надо?

— Что им надо? — скрипнул зубами Гайдук. — Скажу. Хоть знамена у них разные и поют они по-разному, а добиваются одного. Им надо, чтобы мы их, как и наши деды, отцы, кормили,

поили, обшивали, обували, охраняли. Триста лет они сидели на нашей шее. Довольно! Хватит! А как им подмять народ под себя? Надо сначала избавиться от тех, кто нас ведет в бой. Вот они по-разному и марают Якира, Федька и других наших товарищей.

— И выдумали какую-то лярву княжну Урусову, — перебил Гайдука кашевар. — Мало этого, добавили еще румынского короля и полмильёна золота. Самый последний дурак среди нас и тот не поверит.

— А я вам скажу такое, хлопцы, — продолжал Гайдук. — Привычные они, царские генералы, продавать Россию и направо и налево. Продавали они ее японскому императору, кайзеру Вильгельму, сейчас продают Антанте. Вот и кидают нам эти бумажки. Думают, поверим. Да я за Якира свою голову даю на отруб. Рубайте, а не поверю. Значит, какая будет, хлопцы, наша резолюция? Им хочется оплевать нашего Якира, значит, наша задача еще крепче идти за ним. За кем идет Якир? За Лениным!..

— Ясно, за Лениным, — раздались голоса.

— Ну и выдумщики! — хлопнул себя по лбу Заноза. — Пишут, что Красной Армии уже нет, а зовут нас добивать Красную Армию. Сразу видно, кругом брехня. Тогда, в Плоском, они съели гарбуза, и сейчас с этими листовками у них выйдет осечка. Не на тех напали. Давай лучше, скадранный, заводи музыку. Как зазвенят те колокольчики, так и душа начинает звенеть.

10. Даешь Киев!

Под развесистым явором за длинным столом президиума сидели Якир, Гамарник, Затонский, Картвелишвили, Филипп Анулов, Николай Голубенко, Иона Гайдук, Борис Церковный. У самого края стола пристроился старик-бородач в очках — регистратор политотдела 45-й дивизии Теслер. За глаза его все звали «дедушкой».

Сегодня выступал и он. Речь дедушки была немногословной, но в свои пять минут он не менее двадцати пяти раз повторил: «Товарищи, больше бодрости!»

Расположившиеся на траве коммунисты, угрюмые и сосредоточенные, ловили каждое слово ораторов. Ведь решение этого собрания они понесут во все полки.

Председательствующий Голубенко предоставил слово Якиру. С воспаленными от бессонницы глазами, со спекшимися от нестерпимого вынтула губами Иона Эммануилович встал сбоку от стола.

— Товарищи! — начал он. — Члены Реввоенсовета товарищ Гамарник и товарищ Затонский обрисовали нам текущий момент. Разумеется, то, о чем пишут деникинцы в своих листовках, — брехня. Да, мы отрезаны. Но Советская Россия держится. Стоит Москва, существует Красная Армия, не только существует, но и бьет врага. На Восточном фронте освобождены от белогвардейцев Кустанай, Кунгур. Красная Армия гонит Колчака за Тобол. На Южном фронте мощный контрудар по врагу нанесен под Валуйками. Наши войска сдерживают деникинские дивизии у Белгорода, не сдают Киев. Здесь у нас обстановка сложнее. Петлюра взял Винницу, генерал Шиллинг захватил Николаев и Одессу. Помогли ему шкурники и предатели — некоторые военспецы из сорок седьмой дивизии. Вместо того чтобы бить по деникинскому десанту, они открыли огонь из пушек по своим. Конечно, факт печальный. Но из этого вовсе не следует, что мы не должны доверять военспецам. Многие бывшие офицеры честно и самоотверженно сражаются за Советскую власть. Мы не вправе не доверять им. Но вместе с тем наш долг — решительно усилить бдительность. Мы отрезаны, мы в мешке. Кто в этом виноват? Отвечаю: анархо-бандит Махно! Весной он открыл фронт Деникину под Волновахой. Сейчас ставший под черное знамя махновцев Полонский сделал то же самое под Новым Бугом. С фронта прут на нас петлюровцы, деникинцы, в тылу бесчинствует сорокатысячная армия Махно. Мы должны все трезво оценить. Где выход из создавшегося положения? Выход один — выводить наши

полки из мешка. Надо сохранить их и от разгрома и от разрушающей силы махновской демагогии. Теперь для нас самое главное не территория, а дороги. На наших совещаниях горячо обсуждались разные варианты. Кое-кто доказывал, что бойцы, мол, не пойдут за нами на риск, в неизвестность. Вносились даже предложения распустить людей по домам…

Это сообщение командующего насторожило коммунистов. Казалось, что листва и та притихла. Доносились лишь протяжные гудки маневровых паровозов.

— Что бы это дало? Пополнение батьке Махно! Гибель многих наших прекрасных воинов. Потерю Красной Армией нескольких тысяч замечательных бойцов. Мы на это не пошли и не пойдем. Мы учли волю большинства наших людей и решили пробиваться к своим, на север. Это единодушное решение Реввоенсовета. За это решение голосовал я, голосовали товарищи Затонский и Гамарник. Вы знаете их. Гамарник — старый коммунист, любимец киевских большевиков. Затонский полтора года назад вместе с Лениным подписал декрет о создании Красной Армии. Уверен, что и вы все поддержите решение Реввоенсовета. Оно единственно правильное. Наша задача нелегкая. Надо помнить, что пробивается не тот, кто отбивается, а тот, кто сам бьет. Это не будет нашим отступлением. С лозунгом «Всегда вперед» мы будем колотить Петлюру, Деникина, будем громить бандитские шайки Махно. Помните, товарищи коммунисты! Наш путь лежит не назад, а вперед — на север, к своим, к Киеву! Наша Южная группа похожа теперь на резиновый шар, из которого выпущен воздух. Но в нем проколов нет. Он еще взовьется ввысь. Хотя мы и отдаем на некоторое время врагу территорию, у нас остается главное — дороги. Они — наша жизнь. Потеряв их, мы потеряем все. А чтобы их сохранить, надо строго помнить одно: не терять контакта с народом даже там, где люди недавно шли против нас. Не терять присутствия духа.

После небольшой паузы оратор продолжал:

— Путь наш тяжел, но не мы первые, не мы последние избираем тяжелый путь, Ровно год назад белогвардейцы на Южном Урале взяли в тиски большую группу рабочих полков. Товарищи Каширин и Блюхер провели их по тылам врага от Белорецка до Кунгура. Там они соединились с Красной Армией. Тогда же отрезанная врагом от основных сил сорокатысячная Таманская армия под командованием Ковтюха и Матвеева прошла с боями от Новороссийска к станице Дулофиевской и тоже соединилась с Красной Армией. А разве у нас меньше мужества, чем у уральских рабочих или у таманцев Ковтюха? Блюхер вел уральцев по вражеским тылам тысячу пятьсот верст.

Нам надо пройти примерно четыреста верст. Но у нас есть трудность, которой не было у Блюхера и у Ковтюха. Это — влияние махновской заразы. Мы, коммунисты, обязаны сделать все возможное, чтобы уберечь от нее бойцов.

— Убережем, товарищ командующий! — послышались голоса.

— Выведем контру Махно на чистую воду!

— Раскол и несогласие — бич всякой армии и дважды бич той армии, которая окружена со всех сторон, — продолжал Якир. — Будем надеяться, что среди нас не найдется больше отступников полонских…

— Правильно! Не найдется! Позор и смерть изменникам! — отвечали коммунисты.

— Хочу только добавить. — Якир поднял руку. — Вот так же, как теперь предстоит нам, ровно сто двадцать лет назад выходил из окружения Суворов. В швейцарских горах его полкам преградили дорогу силы наполеоновского генерала Массены. Русские солдаты отбросили французов. Суворов писал тогда в Петербург царю: «Ночь и день мы били противника с фронта и тыла… и он понес потери в четыре раза большие, чем мы. Мы прорвались повсюду как победители…»

— Прорвемся и мы! Прорвемся как победители!.. — послышалось в ответ.

— Итак, товарищи, у вас, я вижу, нет разногласий с Реввоенсоветом. Надеюсь, что высоким духом единства вы, коммунисты, окрылите и всех бойцов. Все зависит от вас, товарищи партийцы, от вашей стойкости, вашего такта. Взгляните на стену станционного здания. Цемент скрепляет кирпичи. Кирпич виден, а цемент — это лишь тонкие шнурки. Скрепляйте массу и вы, но не заслоняйте ее. Главенствующая роль принадлежит народу. Помните, вы первые в атаке, последние — к черпаку. Ночью выступаем! Так давайте, друзья, крикнем все вместе: «Даешь Киев!» — Якир вытянул руку вперед по направлению к северу.

— Даешь Киев! — ответили сотни голосов.

Ночью комендант штаба Южной группы принес Якиру письмо, сброшенное белогвардейским летчиком. Оно было подписано псевдонимом «Скорпион». Деникинский контрразведчик благодарил командующего за гуманное к нему отношение. «Сообщая сущие пустяки, — писал он, — я обещал следователям Чека раскрыть все одесское подполье. Морочил им голову три недели, дожидаясь своего. И дождался: наш десант выручил меня…»

Деникинский эмиссар передавал привет Якиру от

Кожемяченко — теперь верного белогвардейского служаки. От имени генерала Шиллинга «Скорпион» предлагал прекратить сопротивление. Шиллинг-де обещает Якиру чин полковника и пост коменданта Одессы.

— Вот к чему ведет наша мягкотелость! — прочтя письмо, сказал Гамарник.

— Такого гада я бы шлепнул собственными руками! — гневно воскликнул Затонский.

— Да! Надо было шлепнуть подлеца! — согласился Якир. — Этот «Скорпион» не только жалит сам. Провокациями, ложью, хитростью, лукавством он и ему подобные стремятся перессорить нас, натравить друг на друга, превратить во взаимопожирающих скорпионов. В прошлом году этот тип вел меня на расстрел как австро-венгерского шпиона, сегодня я у них румынский разведчик, которому сулят золотые погоны деникинского полковника. Интересно, до чего еще додумаются эти сукины сыны?

11. Диспут у карты

Войска Южной группы, приступив к выполнению намеченного плана, вели упорные арьергардные бои. Началась отчаянная, ожесточенная битва за дороги. Чтобы выиграть ее, приходилось отражать непрестанные атаки врагов, хлынувших буйным шквалом с запада, юга, востока. На севере части Южной группы то и дело отражали натиск самостийников.

Якир вызвал в Бирзулу командира второй бригады Котовского и комиссара первой — Левензона. Они прибыли в штаб, когда там шло заседание Реввоенсовета. У развешанной на стене десятиверстки, возбужденные, с раскрасневшимися лицами, стояли Якир, Гамарник, Затонский.

Начальник штаба Южной группы бывший царский адмирал Александр Васильевич Немитц, единственный из всех присутствовавших имевший высшее военное образование, пользуясь в качестве указки шомполом, докладывал диспозицию войск. Здесь же был Василий Бутырский, стройный, красивый молодой человек из бывших офицеров. Примостившись возле окна, он записывал в блокнот основные выводы, которые делал Немитц в ходе доклада.

Александр Васильевич Немитц, небольшого роста крепыш с пронзительными серыми глазами и необычно высокой переносицей, как военный специалист пользовался в штабе группы непререкаемым авторитетом. И не случайно: высокообразованный командир, он вместе с тем имел за плечами богатый боевой опыт. В годы первой мировой войны, командуя дивизионом миноносцев, Немитц пять раз ходил к турецким берегам. Там он ставил мины против танкеров, подвозивших румынскую нефть вражескому флоту. За беспримерную отвагу и умелое командование дивизионом его тогда наградили золотым оружием. В 1917 году, возглавив после Колчака Черноморский флот, Немитц продолжительное время носился с химерной идеей похода на Босфор: стремился осуществить мечту Милюкова — «овладеть древним Царьградом и водрузить крест на святой Софии». Но моряки не пошли за воинственным адмиралом. Тогда он самочинно сложил с себя командование, за что был объявлен вне закона.

Его звал к себе Колчак. Но Немитц не пошел к нему, считая белогвардейцев изменниками, продавшими Россию иностранцам. Правда, он уважал своего бывшего флагмана, но, после того как Колчак обрядился в тогу «спасителя России», Александр Васильевич посчитал, что тот спятил…

Когда советские органы объявили регистрацию бывших офицеров, Немитц выразил желание служить новой власти. Его назначили военруком штаба Одесского военного округа. Однажды к бывшему адмиралу явился Якир, предложил Александру Васильевичу возглавить штаб группы. Тот дал согласие.

Якир позвал адмирала на балкон и, кивнув в сторону курсировавших вдали вражеских кораблей, спросил:

— Чего можно от них ждать?

— Десанта! — твердо ответил Немитц. На другой день началась усиленная эвакуация города. В первую очередь отправили к Бирзуле состав с золотым запасом и ценностями, хранившимися в банках Одессы.

…И вот теперь, излагая обстановку, бывший адмирал допускал некоторые отклонения от установившихся в царской армии канонов. В России для боевых приказов применялось настоящее время, он же пользовался будущим.

— Авангард расположится в Бершади, правый боковой отряд — в Торговице, левый — в Крыжополе, главные силы и штаб группы перейдут в Балту, арьергард — на станцию Чубовка, — докладывал он.

Будущее время, более императивное, как бы исключало возможность отклонения от строгих предначертаний приказа. Этот «футурум», обычно применявшийся во французской армии, был наиболее близким по духу пунктуальному и педантичному во всех штабных делах бывшему адмиралу.

Нет, не зря Ленин призывал коммунистов, отбросив зазнайство и комчванство, учиться у буржуазных специалистов! Не зря восьмой съезд партии разбил в пух и прах военную оппозицию, возражавшую против использования в армии бывших царских офицеров! Конечно, многие из них пошли на службу в Красную Армию не по своей воле, а по принуждению. Что касается Александра Васильевича Немитца, то он принадлежал к тем крупным военным специалистам, которые служили Советской власти не за страх, а за совесть.

Якир, несмотря на молодость, умел разбираться в людях. За два революционных года ему не раз приходилось иметь дело и с настоящими и с фальшивыми героями. Немитц с первого же дня завоевал симпатии Ионы Эммануиловича своей работоспособностью, трезвыми суждениями. Непродолжительный по времени, но солидный по значению опыт, которым располагал Якир, подсказывал: принять правильное решение — это еще не все. Нужна кропотливая, четкая работа штаба, чтобы воля командира, дойдя вовремя до исполнителей, была безукоснительно проведена в жизнь.

— Извините, я вас перебью, Александр Васильевич. — Якир вплотную приблизился к карте. В это самое время открылась дверь, в комнату вошли щупленький Левензон и грузный Котовский. Следом за комбригом-2 появился его адъютант Майорчик с глиняным «бараном» под мышкой. Усач Гарькавый встретил Котовского вопросом:

— Что, Гриша, со своим угощением пожаловал?

— Д-д-да, Илюша, ты угадал, — тяжело ступая, ответил комбриг. — Зачем вызывают нашего брата в штаб? Не на шашлык, не на мамалыгу, а на очередную взбучку. Жду бани, а после бани уважаю квасок…

— Вы правы, товарищ Котовский, баня вам обеспечена, — обратился к комбригу Якир. — Только не от нас, а от Петлюры. Прежде была простая баня, а теперь будет с горячими вениками. И вы ее должны выдержать. Это касается и вас, товарищ Левензон.

— Будем надеяться, что бойцы сорок пятой не осрамятся! — поправляя очки с толстыми стеклами, вставил Затонский.

— Я тоже так думаю, — ответил Котовский и, забрав у Майорчика «баран» с квасом, велел адъютанту погулять пока по перрону. — В чем дело, товарищи? — обратился он к членам Реввоенсовета. — Зачем срочно вызвали?

— Дело вот в чем, — ответил Якир и взял из рук Немитца почерневший шомпол. — Войска Южной группы уходят на север. Вы это уже знаете?

— Знаю, — нетерпеливо перебил командующего Котовский. — Ночами не сплю, все думаю. Товарищи Реввоенсовет! А не лучше ли собрать всю группу у Рыбницы, стукнуть по румынам и двинуть на Бухарест, потом на Будапешт? Ручаюсь — наша возьмет.

— Давайте не увлекаться, товарищ Котовский! — резко сказал Якир. — Приказ вами получен, а приказы не обсуждают.

— Я не обсуждаю приказ, я его выполняю. Только знаете, что говорят бойцы?..

— А что они говорят? — опросил Затонский.

— Они говорят: «Идем защищать чужое, бросаем свое».

— Мне кажется, — заметил Гамарник, — что так думает и сам комбриг.

— П-п-пусть вам не кажется, товарищ Гамарник! — взволнованно возразил Котовский. — Лучше смотрите, что я делаю, а не гадайте, что я думаю. Что бы я ни думал, мои люди не сменят Красное знамя на черное.

Все поняли довольно откровенный намек Котовского. Кое-кто ставил в вину уполномоченному Киева Гамарнику, что он не

уделял достаточного внимания настроениям бойцов 58-й дивизии, давшей пополнение махновцам.

— Не считаю выпад товарища Котовского по отношению к члену Реввоенсовета дружелюбным! — заметил Затонский.

Немитц, несколько смущенный начавшейся перепалкой, пожав плечами, отошел в сторону.

— Согласен с вами, товарищ Затонский, но у меня характер испорченный, привык давать сдачи, даже родному отцу, — продолжал Котовский. Потом подошел к столу, нацедил в кружку квасу. Наклоняя «барана», пробормотал под нос: — Видать, не зря я тебя тащил с собой.

— Подойдите ближе к карте, товарищ Левензон, — сказал Якир. — И вы, Гриша, тоже. Не нравитесь вы мне, когда горячитесь.

— Ладно, товарищ командующий. Котовский уже не горячится. Квасок остудил.

— Слушайте внимательно, товарищи! — продолжал Якир, водя шомполом по карте. — Положение наше тяжелое, почти безвыходное. Правда, совсем безвыходных положений не бывает. Обстановка вынудила нас оставить всю линию Днестра от Маяков до Рыбницы. Полки пятьдесят восьмой дивизии двигаются с боями от Новой Одессы к Вознесенску и дальше к Балте. Почти две недели после измены Полонского силы товарища Федько сдерживали деникинцев на реке Ингул. К Федько присоединяются отдельные группы сорок седьмой дивизии, избежавшие плена в районе Николаева и Одессы. Сейчас Федько прикрывается с востока Южным Бугом, но ему очень тяжело. Он отбивается от генерала Шиллинга и все еще опасается махновцев. Сорок пятая дивизия помотает Федько: день и ночь отражает атаки белых по Черному Ташлыку со стороны Ново-Украинки и Ломотной. Отсюда это не менее полутораста верст. Главная же опасность не в этом. На западном участке петлюровцы нависли над нашей головой. Чего хочет Петлюра, вы знаете не хуже меня. Захватить Рудницу, пустить свои бронепоезда на Гайворон — Балту, окончательно отрезать нам путь на север. Вы, то есть первая и вторая бригады, помешаете им. — Якир, как и начальник штаба, пользовался будущим временем. — Будете до последнего патрона, до последнего штыка удерживать участок Крыжополь — Жабокрич. Тридцать первого августа Южный Буг и линия Рудница — Балта останутся за нашей спиной. Тогда сниметесь и вы. Образуете левый боковой отряд группы и будете двигаться на Ладыжин. Понятно? Помните, от вас зависит судьба всей Южной группы. А землякам передайте, товарищ Котовский, что для нас нигде нет чужого, все свое. И Бессарабия наша, и Украина наша, и

вся Советская республика наша. Завтра утром к вам поедут Затонский и Гамарник. Они потолкуют с людьми.

Котовский и Левензон, тепло попрощавшись с членами Реввоенсовета, покинули штаб. Заседание у карты продолжалось. Немитц, снова завладев шомполом, докладывал:

— Предстоит многодневный марш, очевидно, без частых дневок на протяжении четырехсот верст. Все наши колонны — их будет около десяти — захватят фронт до ста двадцати верст.

— Думаю, что это зря, — поглаживая бороду, заметил Гамарник. — Давайте лучше сузим фронт, ну хотя бы до пятидесяти верст. И это не мало. Получится монолитный кулак. А так раскидаем силы и не успеем собрать в случае серьезного дела.

— Ни к чему создавать толчею на пятачке, — спокойно поправил его Якир. — Правда, мы недостаточно сильны, чтобы удерживать двумя дивизиями фронт в шестьсот верст, но еще крепки для того, чтобы пробиваться на север широкой стеной. Ваше мнение, Александр Васильевич?

— Что я вам скажу, товарищи члены Реввоенсовета? — едва заметно улыбнувшись, ответил Немитц. — Есть такой закон: успехи войск приписываются их командиру, неудачи — начальнику штаба. От судьбы не уйдешь… Я готов ко всему. В данном случае я согласен с командующим. Из законов морского боя знаю: скученность линейных единиц — помеха бою. Корабль должен иметь возможность вести огонь с обоих бортов.

— И я согласен с Якиром, — подал реплику Затонский. — Надо помнить и о трудностях снабжения. Сколько мы сможем захватить с собой продовольствия? Не так уж много. Если принять план Гамарника, то съедим все подчистую на своем пути, как саранча. При движении же широким фронтом, особенно при нынешнем урожае, этого не случится. Конечно, мы гоним на север огромные гурты помещичьего скота, но и нас немало: войско, эвакуированные, беженцы…

— Ты, Владимир Петрович, настоящий стратег, — воскликнул Якир. — То, о чем говоришь ты, еще раньше доказывал мне Александр Васильевич. Спасибо за поддержку.

— Погоди радоваться, Иона Эммануилович, — предупредил Затонский. — У меня есть свой план. — Владимир Петрович взял из рук начальника штаба указку. — Мы переходим железнодорожную линию Рыбница — Голта, отрываемся у Крыжополя от Петлюры, собираем все силы в кулак к правому флангу, к колонне Федько, наносим удар по Махно и после этого продолжаем путь на север. Выполняем задачу армии и попутно кончаем с махновской заразой.

— Это соблазнительно! — отозвался Якир. — Ты, Владимир

Петрович, стремишься к тому же, к чему стремится Гриша Котовский. Только тому подавай Бухарест, а тебе — батьку Махно. Я же считаю так, только уговор — не обижаться: оратор должен быть горячим, стратег холодным.

Гамарник поддержал Якира:

— Махно от нас не уйдет. Мы еще успеем с ним разделаться. А теперь нам надо обходить его за сто верст. Чем дальше от него, тем лучше.

Гамарник надолго запомнил суматоху в Новом Буге, когда разъяренные бойцы кочергинокой бригады, подогретые махновскими демагогами, разгромили штаб и политотдел 58-й дивизии.

— Пойдем на Махно — угодим в новые клещи, — заметил Гарькавый. — Армейское радио сообщает: деникинцы двинулись на помощь генералу Шиллингу со стороны Елисаветграда[10].

— Вот именно! — сделал вывод Якир. — Воевать мы будем, но пока только за дороги. В настоящую войну вступим, когда за спиной будет наш, советский тыл, а не колонны Петлюры, Деникина, Махно.

— Пусть будет по-твоему, товарищ Иона, — согласился Затонский. — Вижу, вся военная «фракция» заодно. Убедили меня, сугубо штатского человека. И к тому же закон — подчиняюсь большинству.

Горячие дебаты у штабной карты возникали не раз. В яростном столкновении мнений побеждало наиболее трезвое и наиболее правильное. Оно-то и получало большинство голосов. Во время таких диспутов обсуждались многие варианты, отметались напрочь одни планы, принимались другие. И это не вредило делу, напротив, только помогало. После же, когда командующий оставался один на один с начальником штаба, когда готовый приказ поступал в дивизии, бригады и полки, властвовали лишь одно мнение, одна воля.

Несмотря на свою молодость и не столь уж богатый опыт командования крупными силами, Якир, отвечавший за судьбы нескольких десятков полков, вошедших в состав Южной группы, чувствовал себя уверенно Он сам не однажды убеждался в том, как высок революционный дух вверенных ему войск. Иногда Иона Эммануилович задумывался: почему это бородатые бессарабские крестьяне, своевольные днестровские рыболовы, кремневые чабаны Таврии, задиристые портовые грузчики Одессы, напористые клепальщики с завода Наваля не колеблясь идут в бой, самоотверженно выполняют любой его приказ? И сам же себе отвечал: потому, что их ведет по дорогам побед ленинская правда, что их связывают не только обязательства присяги, но и

узы единой судьбы, единой цели, единых устремлений. Помнили бойцы и то, что их ведет на врагов дружный, испытанный коллектив большевиков — Реввоенсовет Южной группы. Они понимали, что иного пути нет. В случае поражения их всех — и бойцов и командующего — ждет одна участь: пули и виселицы Деникина, Петлюры, румын. Правда, и Якира, и Немитца, и Гарькавого, и членов Реввоенсовета, и всех бойцов с распростертыми объятиями принял бы к себе под свои черные знамена Махно. Но этому не бывать! Никогда и ни за что не свернут войска Южной группы своих красных знамен!

В тот же день в приказе, обращенном к войскам, Реввоенсовет Южной группы писал: «Вперед, бойцы! Нам не страшны жертвы, не страшен враг! Наше дело, дело рабоче-крестьянской Украины, должно победить! Вперед, герои! К победе, орлы!»

…Первая и вторая бригады 45-й дивизии, отбивая атаки галичан, истекали кровью. Им не удалось удержаться у Крыжополя. Под натиском превосходящих сил петлюровцев обе бригады с большими потерями отошли к Руднице и Попелюхам. Но задача, поставленная Реввоенсоветом, все же была выполнена. Пока бригады сдерживали натиск врага, 58-я и 45-я дивизии вместе с разрозненными частями, действовавшими на юге, с огромными обозами беженцев из Одессы, Ананьева, Николаева, Вознесенска пересекли линию железной дороги Рыбница — Голта и вышли в указанные им районы.

В Попелюхах, выполняя директиву Реввоенсовета, выходившим из окружения войскам пришлось взорвать бронепоезда. По-разному прощались люди с ними. Командир башни бронепоезда «Спартак» Тулюк ночью бежал к сечевикам. Чубенко, тоже командир башни, взорвав орудие и не в силах пережить трагедии, на обломках стального гиганта пустил себе пулю в лоб. Команды бронепоездов, в большинстве своем балтийские и черноморские моряки, в Руднице присоединились к колонне бригады Котовского.

И жизнь снова брала свое. На марше матросы, облизывая пересохшие губы, просили Котовского:

— Григорий Иванович! Все лето мы тебе дружно пособляли своим огоньком, потешь нас из своего «баранчика»…

12. В окружении

«Гладко писаны бумаги, да забыли про овраги», — так поется в старой солдатской песне. Нет, не забыли про овраги, помнили и о противнике. Но самый гениальный полководец не может ничего решать за врага.

Замкнулись два кольца: одно большое — вокруг всех войск Южной группы, другое малое — вокруг частей 45-й дивизии. Деникинцы, наступавшие с востока и юга, со стороны Нового Буга и Николаева, оказались менее активными, нежели петлюровцы, нажимавшие с запада. Пятьдесят восьмой дивизии Федько удалось оторваться от преследовавших ее белогвардейцев и к 1 сентября выйти в район Голты. Прикрывшись справа болотистой поймой реки Синюхи, полки дивизии переправились через Южный Буг и продолжали движение на север.

Махно, суливший разбить Деникина в «три доски», оставив район Помошной, выжидал чего-то со своей армией.

В Голте, в Синюхином броде и в Долгой Пристани красноармейцы дивизии не раз находили махновские листовки. Но те, кто могли клюнуть на дешевую демагогию, уже откололись раньше. Теперь пятьдесят восьмая, впитавшая в себя некоторые боевые части сорок седьмой дивизии, была сплочена как никогда. Все ее бойцы и командиры шли за коммунистами, верили своему начдиву Федько и комиссару Михалевичу.

Сорок пятая дивизия тоже относительно легко оторвалась от румын на Днестре. Однако по-иному сложилась для нее обстановка на петлюровском фронте. 2 сентября в Бершадь должен был прийти авангард Южной группы, но накануне туда ворвались три полка жовтоблакитников. Галицийские сечевики, бросившись в атаку на передовые части авангарда дивизии, кричали: «Киев наш!»

Да, в Киеве уже хозяйничал враг. 30 августа петлюровцам удалось занять столицу Украины, а на другой день, выбив самостийников, в город вошли полки белогвардейского генерала Бредова. Это печальное известие потрясло всю 45-ю дивизию.

Чем жили ее бойцы и командиры? Что давало им силы отражать бешеные наскоки сечевиков, гайдамаков? Что помогало переносить все трудности? Крепкая вера в то, что стоит только дойти до Киева и там — спасение! А куда пробиваться теперь? Не до самой ли Москвы? Кто мог сказать, сколько дней придется выходить из большого кольца окружения и удастся ли вообще из него выбраться?! Даже из малого кольца, замкнутого петлюровцами в районе Крыжополь — Бершадь — Рудница, трем

бригадам 45-й дивизии пришлось пробиваться почти целую неделю.

Штаб Южной группы перебрался из Бирзулы на станцию Балта. Раздавались голоса, настаивавшие на немедленном уходе в Хощеватую, на левый берег Южного Буга. Якир отвел эти предложения. Он считал, что торопливый отход штаба поколеблет стойкость войск. К тому же через Балту шли и шли обозы с беженцами. Из Балты Якиру удалось связаться со штабом Федько в Голте.

Во время кровопролитных боев в малом кольце, от исхода которых зависела судьба всей Южной группы и судьба множества беженцев, члены Реввоенсовета Якир, Затонский, Гамарник, Картвелишвили, комиссар дивизии Голубенко постоянно находились в сражающихся частях. В боях, которые длились с 28 августа по 5 сентября, принимали участие не только девять стрелковых полков 45-й дивизии, Особый полк Анулова, кавалерийский полк Михая Няги, кавалерийский дивизион Макаренко, мадьярский эскадрон Рокуша, но и несколько местных войсковых частей, охотно присоединившихся к колоннам Южной группы. В боевых порядках были отряды Степаненко, Черненко, Горева, Гуляницкого, Мацилецкого, рота запасного полка, матросы с бронепоездов под командой Куценко, отряд латышских стрелков, Ананьевский отряд, 48-й Балтский полк Дьячишина и другие.

Пока с переменным успехом продолжалось решающее сражение, в Балте день и ночь кипела работа. Курсанты дивизионной школы Ивана Базарного грузили на селянские подводы и на машины дивизионной автороты снаряды, патроны, взрывчатку, муку, крупу, сахар, махорку. Все запасы погрузить не удалось — не хватало транспорта. Остатки продовольствия роздали населению. А по широкому шляху из Балты на Хощеватую, поднимая пыль, двигались огромные гурты скота.

Всю ночь на 3 сентября на железнодорожных путях горели вагоны. Оглушительно рвались цистерны с горючим. 4 сентября части дивизии вырвались из малого кольца окружения. Разбив три полка галичан, они заняли Гайворон. Авангард Южной группы — 3-я бригада 45-й дивизии, отряды Степаненко, Гуляницкого, рота запасного полка, матросский отряд Куценко, комендантская рота Попы — двинулся на север и 5 сентября достиг Терновки.

В тот же день вторая бригада под командованием Котовского и остатки первой бригады во главе с Левензоном пробились на Хощеватую. Обе бригады вместе с конной частью Макаренко образовали левый заслон Южной группы. Ночью они вышли из

Хощеватой, держа курс на Теплик.

Из Хощеватой же по маршруту авангарда тронулись главные силы. Их вел Гарькавый. Внушительная колонна состояла из Балтского полка Дьячишина, Особого полка Анулова, школы младших командиров Базарного, отряда Черненко, латышских стрелков, кавалерийского дивизиона Макаренко, штабов Южной группы и 45-й дивизии, а также огромного обоза беженцев.

5 сентября полки 58-й дивизии вышли к Ново-Архангельску. Фронт войск Южной группы на линии Голта — Рудница занимал теперь сто пятьдесят верст. На рубеже Ново-Архангельск — Теплик он сократился до ста верст и, как предвидел Якир, имел тенденцию еще больше сжиматься.

6 сентября кавалерийский полк Няги, получивший приказ охранять штаб группы от возможных налетов петлюровских банд, расположился на хуторах к югу от Терновки.

Командиры эскадронов Иона Гайдук и Николай Криворучко спешили людей, велели ослабить подпруги лошадям, задать им корм. Отощали саквы. Много овса осталось на железнодорожных путях в Балте. В Терновке и окружающих селах на гумнах стояли высокие скирды овса, но никто из крестьян не торопился с обмолотом. Бойцы вынуждены были подкармливать коней рафинадом.

Повесил торбу с сахаром своему коню и командир эскадрона Криворучко. Бывший драгун усмехнулся, обращаясь к Гайдуку:

— Знаешь, товарищ Гайдук, обуржуазился мой вороной, от сена морду воротит. Подавай ему сахарок.

— Мой дончак на каждую свежую травку кидается. А где ее возьмешь? Смотри, кругом все потравлено. До нас тут, видать, прошла сила. Не иначе как обоз беженцев.

— Такие привередливые кони стали, просто беда, — продолжал полушутя, полусерьезно Криворучко. — Чем только я своего вороного не баловал: весной в Тирасполе худо было с кормами, давал ему шоколад, клал в торбу мацу, а после, когда пришла православная пасха, куличами даже угощал. Жрет, подлец, и облизывается. Чуешь, как расхрупался…

Сахар нравился не только вороному эскадронного Криворучко. Со всех концов дубовой рощи доносился дружный хруст. Лошади с аппетитом поедали этот необычный корм.

Командир полка Няга собрал вокруг себя людей. В ожидании доспевавшего в походной кухне кондёра они тоже посасывали сахарок.

— Хлопцы! — обратился Няга к бойцам. — Хочу я вам кое-что сказать. На днях вызывал меня до себя в штаб комиссар товарищ Голубенко. Спрашивает: «Почему это, товарищ Няга, вся дивизия

дала клятву, а твои бойцы чего-то мудруют?» Отвечаю ему: «Разве вся наша сила в словах? Для бойцов и для меня что вода, что огонь, лишь бы защищать нашу Советскую власть. А что не дали той самой клятвы, то просто гонка была крепкая. Всю неделю не то что собраться вместе, даже поспать не было времени». Правду я ему сказал, хлопцы? Правду! Сейчас у нас приспела возможность. Клятва так клятва. Ну это вроде той самой присяги.

Вспомним, товарищи! Немцев мы рубали? Рубали! Крошили гайдамаков, Петлюру, румынцев? Крошили. Если и зараз попадется всякая контра, так разве мы будем цацкаться с нею? Ясно, не будем! Вот и присягнемся или поклянемся идти напролом до самого Киева, а ежели что, то и дальше, пока не встренемся с нашими. Вот мы первые — я, Криворучко, Гайдук — ваши командиры, клянемся. — Няга поднял правую руку, на запястье которой висела тяжелая казачья плеть, торжественно произнес:

— Клянусь!

— Клянусь! — поднял руку Гайдук.

— Клянусь! — сказал Криворучко.

— Клянемся! — поднялся вверх лес рук.

На опушке дубняка показалась, визжа давно не смазанными колесами, высокая двуколка. На ее облучке, нахлестывая кнутом рябую тощую лошадку, сидел сгорбленный человек в роговых очках. Кавалеристы Няги встретили его дружно.

— Здорово, дед!

— Давно тебя не было, папаша!

— Дедушка Теслер привез нам божье слово.

— Не было дедушки Теслера, не было и «Голоса красноармейца».

Старик натянул вожжи. Остановил лошадь, улыбнулся. Достал из-за пазухи несколько напечатанных на машинке листков, протянул их кавалеристам:

— Вот вам, товарищи, вместо газеты «Голос красноармейца». Ничего не попишешь — типография наша осталась в Балте, нехай Петлюра ею подавится. Пока получим другую в Киеве, придется шлепать газетку на машинке. Читайте ее, товарищи, и слушайте меня, старика. Больше бодрости!

Теслер занимал раньше три должности: регистратора политотдела, экспедитора, кучера двуколки, а сейчас в походе занял и четвертую — машинистки редакции.

Дивизионный листок сообщал о героях боев у Крыжополя, о движении колонн начдива Федько, о столкновениях деникинцев и петлюровцев в районе Киева. В них также говорилось о том, что войска Южной группы уже вступили на территорию Киевщины,

что авангард находится в двадцати верстах от Христиновки, главные силы — в тридцати верстах от Умани, а оттуда до Киева — рукой подать, всего верст триста.

— За прокламацию спасибо, дед. Только печатайте ее на хорошей бумаге. Эта под махру не пойдет, жидковата, — сказал Гайдук.

— Ладно, товарищ, — ответил Теслер, — пробивайтесь до Киева, а там я вам привезу «Голос красноармейца» на царской бумаге. Только помните одно: больше бодрости!

В дивизионном листке не сообщалось об одной важной новости. Слух о ней не дошел еще ни до штаба Южной группы, ни до редакции. В тот день правую колонну 58-й дивизии у Тального атаковали деникинцы. Они появились со стороны Звенигородки. Весть эта крепко взволновала начдива Федько. Он подумал: уж не махновская ли черная рать ринулась наперерез его дивизии? Но это были не махновцы. У Тального пятьдесят восьмую атаковали полки деникинского генерала Бредова. После некоторого замешательства, вызванного внезапностью нападения, Федько поднял части дивизии в контратаку. Они отбросили деникинцев от линии железной дороги Черкассы — Христиновка и от поймы реки Синюхи.

Под впечатлением только что данной клятвы и добрых вестей, привезенных Теслером, кавалеристы Гайдука и Криворучко с аппетитом пообедали. По всем правилам следовало бы покурить. Но табаку не оказалось. Тогда предприимчивый Гайдук отправился к хозяину хутора и за сахар выменял у него полную бескозырку самосада. Как раз хватило всем по одной завертке. Насладившись смачным куревом, многие тут же прилегли отдохнуть. А эскадронные Николай Криворучко и Иона Гайдук, положив листок бумаги на высокий пень, решили сыграть в «чубики». Вокруг них собрались болельщики, стали давать советы игрокам.

Никто не заметил, как у опушки леса появился «бенц» командующего. Приехал сотрудник штаба группы Василий Бутырский. Он нагрянул как раз в тот момент, когда разыскиваемый им командир морщился от чувствительных манипуляций над его шевелюрой. Штабник вручил Гайдуку пакет за пятью сургучными печатями для немедленной доставки начдиву пятьдесят восьмой Федько.

— Якир приказал ехать с пакетом лично вам, товарищ Гайдук, а для охраны взять десять лучших бойцов, — передал на словах Бутырский. — И чтобы по пути нигде не торчать. Пакет беречь как зеницу ока.

— Не беспокойтесь, товарищ. Все будет сделано в

аккурате, — ответил Гайдук.

Спрятав пакет под тельняшку, он направился к своему дончаку. Вслед за командиром поднялась группа бойцов, которым он приказал седлать коней.

Не прошло и нескольких минут, как небольшой отряд был уже готов в путь.

— До скорой встречи, Микола, — попрощался Гайдук со своим дружком Криворучко. — До свидания, товарищ Бутырский. Передайте там в штабе, что Иона Гайдук выполнит приказ точно и в срок:

— До побачиння, Иона, — ответил Криворучко. — Завидки меня берут. Видать, нам повек возле штаба околачиваться, а ты, брат, вырвался на простор. Там и овсеца коням раздобудешь, и сметанки молодицы поднесут… Обридла сухомятина. Соскучилась душа по преженыце, чтобы сковородка шипела и на ней пузырились десять желтков и чтобы все были целые. Прежде я часто имел это удовольствие. И когда кучером у попа был, и когда работал пекарем, крючником на пристани, землекопом на жализнице[11], и когда уголь в шахтах колупал, и когда в Проскурове в уланах служил. Зараз я эскадронный, по-старому выходит вроде штабс-капитан, а преженыцы, хоть лопни, не получаю. Придется, видно, до конца войны ждать. Пешка, та хоть держится травками, купырем. Ей что: свернул к обочине и сделал свое дело. А с коня пока слезешь, то и штаны будут мокрые… Купырь-трава шибко гонит… А ты, Иона, попользуйся там и сметанкой и преженыцей, раз такая удача вышла тебе.

— И не только сметанкой, — засмеялся Няга. — Сам взялся бы за поштальона.

— Если насчет бабьего курдюка, то тут наш Гайдук пас. Ему бы в «чубики» играть, — поддел друга Криворучко.

— Ну вас, трехсот тридцати трех святителей трепачи, — взмахнул плетью Гайдук. — Хлопцы! — скомандовал он. — Ложимся на курс…

Отряд Гайдука сорвался с места резвым аллюром и подался пыльным проселком на восток.

В пакете, который Гайдук спрятал под тельняшкой, был приказ Якира от 6 сентября. Начдиву пятьдесят восьмой ставилась задача двигаться на Умань — Христиновку. С выходом на этот рубеж фронт войск Южной группы сжимался до семидесяти верст.

13. «Ни в чистом поле, ни в дубраве…»

Прошло десять дней с момента подписания приказа об отходе Южной группы на север. Из них восемь войска группы вели тяжелые бои с петлюровцами на левом фланге. 45-я дивизия в эти решающие дни показала не только свою революционную и боевую закалку, но и бесспорное превосходство над противником в искусстве сложного маневра. Без этого ее полки, оказавшиеся в плотном кольце окружения, не вырвались бы на оперативный простор, не помогли бы им ни боевая закалка красноармейцев, ни революционный порыв командиров.

Якир, Котовский, Федько, Няга и многие другие пришли в Красную Армию без военных знаний и почти без боевого опыта. Искусству маневра они учились в огне боев. Партия, упорно ковавшая свои командные кадры, немало положила труда, чтобы научить их более или менее грамотно распоряжаться. Это была сложная задача. Ее решение потребовало огромных усилий. Еще труднее было научить людей выполнять распоряжения командиров. В первые месяцы гражданской войны даже самые лучшие усваивали эту мудрую науку с трудом, не самые лучшие воспринимали ее под нажимом, а самые худшие, отвергая ее, долго еще страдали хворобой своеволия, анархии. Именно эта больная своеволием, а чаще всего враждебная Советской власти среда дала Муравьева, Григорьева, Сорокина и их жалкую разновидность — Кожемяченко.

Девятый день ничем особенно не ознаменовался. 5 сентября не было столкновений с врагом. Все десять колонн Южной группы продолжали стремительно продвигаться на север. Зато на одиннадцатый день жарко пришлось частям 58-й дивизии. Увлеченные успехом у Тального, они гнали белогвардейцев до Звенигородки. И кто бы после этого осмелился сказать, что советские войска окружены деникинцами? Но окружение все же существовало и давало о себе знать.

…Проскакав с небольшим привалом у Ятромовки сорок пять верст, Иона Гайдук к вечеру прибыл в Бабанку. Там он застал только обозы 58-й дивизии: штаб находился где-то впереди. Эскадронный и сопровождавшие его конники после короткого отдыха в Бабанке поскакали дальше, нарочно выбирая глухие тропки. Приткнувшиеся к проселкам небольшие хутора встречали и провожали конный отряд злобным лаем огромных собак. Конники не раз ловили на себе недружелюбные взгляды жителей. Хуторские верховоды радушно встретили бы любого петлюровского гайдамака, а тут бескозырка и тельняшка

командира отряда говорили сами за себя.

Правда, примерно так же, как Иона Гайдук, внешне выглядели многие махновские командиры. Но Уманьщина тогда еще не знала Махно и его банд. Они появились в районе Тального много позже, спустя шестнадцать месяцев, когда другие контрреволюционные силы — Деникина, Врангеля, Петлюры, — разбитые советскими войсками, прекратили свое существование.

Как бы ни смотрели исподлобья богатые хуторяне, все же в любом дворе нашлись бы для отряда Гайдука и овес, и сметана, и все прочее. Но зря Николай Криворучко завидовал матросу. Гайдук свято выполнял свой долг, не задерживался: Иона был из тех, кому легче было три дня догонять, нежели три часа ждать.

Он летел все вперед и вперед. И подобно пушкинскому казаку, не отдыхал ни в чистом поле, ни в дубраве, ни при опасной переправе.

Из Бабанки он повел свой отряд в Тальное, где, по сведениям обозников, начдив Федько вел бой с белогвардейцами. Еще тридцать верст остались позади. Только перед рассветом эскадронный разыскал Федько, вручил ему пакет Якира.

Ознакомившись с приказом командующего, начдив предложил Гайдуку отдохнуть в Тальном, а утром присоединиться к тем частям 58-й дивизии, которые пойдут на Умань — Христиновку. Эскадронный поблагодарил начдива, но отказался от этого предложения, заявив, что часа через три «ляжет на обратный курс» — поедет догонять штаб группы. Потом, сдвинув бескозырку на затылок, спросил:

— Товарищ начдив, не слыхали, где оно, то батьковское трехсот тридцати трех святителей нахальное войско?

Федько насторожился, посмотрел исподлобья на якировского гонца. Всякое напоминание о Махно вызывало в нем чувство озлобления, а тут еще это неуместное любопытство.

— А на кой черт оно тебе сдалось? — в свою очередь спросил Федько.

— Само махновское войско мне не в интересе, — ответил моряк. — А вот с ним действует мой старый дружок, одноглазый Халупа. Хотелось потолковать с ним по душам. Припереть его до мозга костей.

— Что, тоже из моряков? Там вашего брата — и двуглазых, и одноглазых — пруд пруди. Были красой и гордостью революции, теперь стали прихвостнями батьки Махно.

— Это вы зря, товарищ начдив, — возразил Гайдук. — Ежели доведется вам встретиться с нашей дивизией, увидите своими глазами. Там есть матросский отряд товарища Куценко. Свои бронепоезда пустили под откос, а сами сошли на берег. Что на

колесах, что без колес — орлы!

— Значит, повезло Якиру, — неопределенно ответил Федько. — Ступай, орел, в штаб. Захвати там наши донесения и передай командующему на словах — его приказ будет выполнен.

Да, Якиру повезло: для Южной группы обстановка пока складывалась благоприятно. Как мощный таран, движимый неиссякаемой энергией людей, она неудержимой стальной лавиной уходила все дальше на север. На одиннадцатый день похода Федько оторвался от деникинцев у Звенигородки, а потом у Тального. Но в тот же день, 7 сентября, у станции Свинарка, а 8-го у Роскошевки бронепоезда Петлюры обстреляли левый заслон Южной группы. Стало очевидно: вокруг советских дивизий сжималось уже основное — большое кольцо окружения.

С получением первых донесений о новых атаках петлюровцев члены Реввоенсовета Гамарник, Затонский и военком Голубенко ускакали в войска. А Якир вместе с Немитцем не отлучались от полевых телефонов.

Командующий воспаленными от недосыпания глазами рассматривал топографическую карту. Вокруг простирался на редкость холмистый, на редкость зеленый район. От села до села не более трех — пяти верст. Путь колоннам группы преграждала железная дорога Христиновка — Шпола, а дальше каверзная пойма Горного Тикича. Вся эта пестрая география на руку тому, кто обороняется. И в то же время (вот где диалектика!) наступающий, как правильно утверждает начальник штаба, тоже имеет существенную выгоду: он силен там, где наметил свой удар. Оборона же должна быть сильной везде. Наступающий не может бить врага растопыренными пальцами: он должен наносить удар кулаком. Эту науку хорошо усвоил Якир из «лекций» своего подчиненного Василия Бутырского.

Анализируя обстановку, командующий все больше убеждался в необходимости подтянуть правые колонны Южной группы — дивизию Федько — к Христиновке. Именно здесь, у железной дороги Казатин — Христиновка, можно было ожидать наибольшего напора со стороны петлюровских войск. Враг вернулся к тактике восемнадцатого года — к эшелонной войне. Впереди огромные пространства, но у Петлюры заполнить их нечем. Возможности не поспевают за потребностями. Создать сплошной фронт ему не удалось. В то же время Киев — эта ускользнувшая из рук жар-птица — манил жовтоблакитников. Эшелоны с гайдамаками растянулись по линии Казатин — Попельня, отвлекая на себя около десяти тысяч деникинцев генерала Бредова. Это не могло не играть на руку войскам Южной группы.

Предположения командующего оправдались. 9 сентября Запорожская дивизия петлюровцев, поддержанная огнем двух бронепоездов, заняв фронт от Монастырища до села Княжики, преградила путь советским войскам. Маневр врага не остановил колонн Якира, неудержимо стремившихся вперед. Еще накануне 3-я бригада и коммунистический отряд вели бои с бронепоездами Петлюры у Роскошевки. Потом, с ходу перемахнув через полотно железной дороги у Христиновки, они форсировали Кублич. 9 сентября после тридцативерстного перехода, усталые и голодные, но полные ненависти к врагу, советские войска дружно навалились на Запорожскую дивизию и, обратив гайдамаков в бегство, овладели Монастырищем и Княжиками. Это был тринадцатый день похода.

Для настоящего бойца хорошая весть дороже хорошего приварка. Весть об удаче 3-й бригады и коммунистического отряда приободрила красноармейцев, боевое настроение которых при подходе к Христиновке заметно снизилось. На то были основательные причины. Длинные переходы без дневок, лишь с короткими привалами, измотали пехоту. Поистрепалась обувь, испрели ноги. Иссякли и запасы продовольствия. Крупный конный отряд, посланный Махно, чтобы отбить золотой запас, вывезенный из Одессы, налетел на гурт скота, отставший на марше. Бандиты захватили сотни коров и овец.

Быстро истощился запас сахара и соли — самой ценной валюты, за которую можно было достать у населения все необходимое. Склады сахарных заводов, которыми был богат этот район, были пустыми: сахар еще весной вывезли в Киев. О движении войск Южной группы знала вся округа. Под нажимом петлюровской агентуры жители угоняли в леса скот и лошадей.

Во время привалов бойцы ели черемшу — медвежий лук, щавель и другие съедобные травы. Слышались шутки: «Дома и солома съедома», «Пахнет чесноком, а холодца не видно!» Но этого подножного корма не хватало даже для авангардов. Главным же силам оставались пустыри. Отощали и кони. Особенно тяжело пришлось артиллерийским битюгам, привыкшим к большим дачам овса. Песчаный грунт, холмистая местность, необычная для сентября жара день ото дня все больше изнуряли и людей и лошадей.

Раздражал бойцов, бил по нервам непрестанный тягучий скрип немазаных осей. Не хватало колесной мази. Своеобразный скрипучий вопль орудий, тачанок, фургонов, двуколок утихал лишь ночью и на привалах.

Помимо всего прочего мучили личный состав неизвестность, досужие толки, недобрые вести. Тревожные слухи не

прекращались и после того, как были отбиты наскоки бронепоездов. С каждым днем все заметнее сказывались тяготы пройденного пути. Что ожидает впереди? Если пал Киев, то где искать своих?

После боев под Монастырищем, когда и четвертый петлюровский вал откатился под натиском советских полков, люди вновь воспрянули духом, поверили, что любой враг не устоит перед их грозным напором. И пусть впереди еще десятки трудных дней, но где-то там на севере они протянут обожженные порохом руки своим дорогим братьям…

…На обратном пути Иона Гайдук тоже не прохлаждался. Эскадронный уже не искал глухих проселков, шел напрямик. На пути в Тальное он боялся не за себя, а за пакет Якира. Теперь ему нечего было опасаться — пакет сдан по назначению, в собственные руки начдива Федько.

В одном из сел отряд остановился на привал. Кони вдоволь поели овса, а бойцов жители угостили наваристым борщом, яичницей и салом. В этом селе, как говорили крестьяне, с самой весны не было ни красных, ни белых, ни «зеленых».

Двигаясь после привала дальше, Гайдук не оставлял надежды где-нибудь встретиться со своим земляком Халупой, но на всем пути не было никаких признаков махновцев. Зато в Ладыжине отряд якировского гонца ожидал сюрприз. При подъезде к местечку он был встречен залпом из дробовиков. Вскоре, однако, выяснилось, что стреляли бойцы самообороны, принявшие советских конников за жовтоблакитников. У самооборонцев имелись веские причины опасаться налета бандитов. Дело в том, что несколько дней назад учитель села Семидуб, считая, что с Советской властью покончено, сколотил отряд головорезов и, подняв флаг самостийников, объявил себя хозяином волости. Предвидя недоброе, волревкомовцы создали отряды самообороны из батраков и местечковых ремесленников. За неделю они отбили три бандитских наскока.

Самооборонцы обрадовались появлению отряда Гайдука, угостили конников хорошим обедом. А когда Иона скомандовал своим людям «По коням!», все бойцы самообороны и добрая сотня беженцев, усевшись на появившиеся вдруг подводы, двинулись вслед за красноармейцами.

Это было не единственное подкрепление, пришедшее в те дни в Южную группу. На длинном пути полки впитали в себя тысячи и тысячи добровольцев, не желавших оставаться под властью белых и жовтоблакитников.

К вечеру 9 сентября, сдав в Сычевке, возле Христиновки, новое пополнение полку Анулова, Гайдук явился в штаб Южной

группы, чтобы доложить о результатах рейда к надчиву Федько.

— Спасибо, тезка, за выполнение задания, — поблагодарил его Якир. После непродолжительной паузы спросил: — А не пришлось тебе, товарищ Гайдук, побеседовать с людьми пятьдесят восьмой? Каково у них настроение?

Гайдук улыбнулся:

— Пока кормили лошадей, встревал я с ними в разговор, товарищ командующий. Что можно сказать? Орлы, одним словом!

Якир приблизился к Гайдуку:

— А ну-ка дыхни, веселый житель земли! Что-то язык у тебя, как морская волна!..

— Так я же, товарищ командующий, не сам. Самооборонцы угостили. А потом, я не забываю завет батьки своего. Он меня учил — умей пить больше всех, но пей меньше всех.

— А приказ, подписанный мною, Затонским, Гамарником, Голубенко, знаешь? За пьянство — расстрел!

— Я ж не пьяный, товарищ командующий, чуть выпивший. На радостях пополненцы поднесли за то, что привел их в дивизию.

— Так вот, товарищ Гайдук, бывший эскадронный, а отныне взводный. Случись это до выполнения задания, шлепнули бы вас как пить дать. Идите! И чтоб до утра никто вас не видел, не слышал, — уже официально, строгим голосом объявил Якир.

— Спасибо, товарищ начдив, виноват… товарищ командующий, — негромко пробормотал Гайдук, пятясь спиной к выходу.

14. Триумф Южной группы

После изнурительных переходов и тяжелых боев у Монастырища войска нуждались в длительном отдыхе. Однако дневка, восстановив силы бойцов, могла бы ослабить их боевой порыв, вызванный победой над галицийскими сечевиками. Поэтому Реввоенсовет решил не устраивать дневки.

Якир, прибыв в расположение авангарда, обратился к бойцам:

— Ну что, Бессарабия, здесь будем зализывать раны или повезем раненых в киевские лазареты?

— А сколько еще до Киева? — послышалось из задних рядов.

— Смотря для кого. Для иных вся тысяча верст, для вас, орлы, двести.

— Даешь Киев! — грянул дружный ответ.

Полки авангарда выступили на рассвете после короткого сна, а к вечеру 10 сентября заняли Пятигоры, где разгромили штаб повстанческого полка. Голодные, босые, изможденные, люди за день сделали переход в сорок верст.

Переночевав в Пятигорах, авангард снова устремился на север. К вечеру 11 сентября конники вошли в притихшую, находившуюся во власти безвластия Сквиру. Местные коммунисты сообщили командованию авангарда, что в тридцати верстах к востоку от Сквиры, в Белой Церкви, хозяйничают деникинцы, а в тридцати верстах к северу, в Попельне, орудуют петлюровцы. Ежедневно доносится со стороны железной дороги гул артиллерийской канонады: на перегоне Кожанка — Попельня идет поединок между бронепоездами Петлюры и Деникина. О том, где Красная Армия, с кем она ведет бои, никто в Сквире не знал.

Вскоре к Морозовке и Молчановке подтянулись главные силы 45-й дивизии. Вышли на линию Сквиры, в двадцати верстах к востоку от нее, и колонны 58-й дивизии. Штаб группы остановился в небольшой деревушке Рубченки, в стороне от шляха Володарка — Сквира. Реввоенсовет обсуждал только что полученные сведения о противнике. Якир с Немитцем наносили новую обстановку на карту, а Затонский с Гамарником решали, как лучше сообщить людям не очень-то веселую весть о том, что впереди мощные заслоны врага.

В штабную хату, широко раскрыв дверь, влетел рыжий морзист Борис Церковный. Лицо его сияло, глаза сверкали радостью. Тяжело дыша, он выпалил:

— Товарищ командующий, сорок четвертая… Наши радисты намацали… Скорее, скорее… Пока в лампах есть накал. Вас ждет

начдив Дубовой.

Якир, Затонский, Гамарник выскочили, из хаты, устремились к развесистой яблоне, в тени которой, прильнув к походной рации, сидел дежурный радист. На панели детектора зажигались и тухли красные лампочки. В наушниках что-то глухо потрескивало.

На всех стоянках радисты, лишая себя сна и отдыха, посылали в эфир позывные. И все зря. Не раз в их головы закрадывалось сомнение: не напрасны ли эти старания? Может, и отвечать-то вовсе некому? И вот в этой глухой деревушке Рубченки, когда были потеряны все надежды, радистам повезло — найден контакт. Но Якир думал и другое: может, это враг, готовясь потуже сомкнуть кольцо, подделывается под своих? Может, войска группы ждет какой-то новый подвох?

Словно угадывая сомнения друга, Иван Дубовой, начдив 44-й, с затерянной где-то в глухом Полесье стоянки спрашивал:

— Хорошо. Ты — Якир. А скажи, Иона, как зовут жену «деда»?

И Дубовой и Якир хорошо знали, кого в прошлом году под Воронежем звали «дедом». Начдив 45-й дал правильный ответ.

Переговорив с Дубовым, Якир обнял и поцеловал Бориса Церковного за радостную весть. Расцеловали его и члены Реввоенсовета — Затонский и Гамарник. Теперь есть что сказать бойцам. Якир подошел к старшему связисту:

— От лица службы объявляю вам благодарность. Вам и всем связистам! Родина этого никогда не забудет! То, что вы сделали, равно по значению монастырищенскому бою, быть может и больше, намного больше.

Тут же, собрав всех штабных командиров, Якир велел им немедленно скакать в бригады. Бутырский, Попа, дед Теслер и другие, кто на чем мог, выехали в войска, чтобы сообщить бойцам радостную весть об установлении связи с дивизией Дубового.

Никогда еще так не ликовали красноармейцы. Никто уже не вспоминал о голоде, лишениях, усталости. В эту ночь до самого рассвета трещали веселые костры, заливались гармошки, гремели на всех биваках русские, украинские, молдавские, венгерские, латышские песни.

Значит, не были напрасными тяжелые муки, не зря проливалась кровь под Кожанкой, Попелюхами, Монастырищем, Тальным, Звенигородкой. Красная Армия рядом! Ее 44-я дивизия идет на выручку Южной группе!

Пусть богунцы и таращанцы еще далеко, в двухстах верстах, где-то на линии реки Ирши, возле Ушомира — Чеповичей. Но они выполняют свой долг — идут к Житомиру, навстречу сорок пятой! Теперь не страшны бронепоезда белых и петлюровцев на линии

Попельня — Фастов, не страшен окопавшийся на фронте Бровка — Попельня 3-й галицийский корпус. Не так уж опасны и деникинцы, засевшие у Фастова — Белой Церкви!

Так думали бойцы. Но не так думал командующий. Цель ясна — разорвать большое кольцо окружения и вывести из него войска Южной группы, установить локтевую связь с 44-й дивизией и дать заслуженный отдых бойцам, накормить, одеть, обуть их, залечить раны, восстановить потери и готовить людей к новых боям. Вот только как решить эту задачу, когда Дубовой где-то под Житомиром, а деникинцы и петлюровцы с бронепоездами под боком? Как достигнуть цели, если бойцы измучены, истощены, а кони едва волокут пушки, и неизвестно, каким чудом держат на своих спинах всадников? Ясно, что судьба боевой операции во многом зависит от способностей полководца и отваги воинов. Полководец, выслушав советы помощников, сам принимает решение. Он один назначает время, место, определяет задачу и силы для ее выполнения. Неправильная оценка одного из этих факторов срывает план операции, ведет к катастрофе.

Бойцы, выслушав радостную весть, потрясая винтовками, кричали: «Даешь Киев!» Но как раз на Киев-то Реввоенсовет Южной группы решил не идти.

— До столицы Украины столько же верст, сколько до той линии, где возможна встреча с 44-й дивизией, — говорил на срочно созванном заседании Якир. — Приближение к Киеву — это удаление от своих, от Дубового. Кроме того, добровольческие полки Деникина, опьяненные успехами на других фронтах, значительно сильнее галицийских частей Петлюры. Они захватили Курск, рвутся к Орлу. А дух петлюровцев подкошен потерей Киева. Когда имеешь дело с разношерстными дивизиями, надо бить по их стыкам. На севере кольцо нашего окружения замкнуто враждебными друг другу силами. Их стык находится где-то между Подельней и Кожанкой. Я полагаю так. Пусть начдив Федько со своей пятьдесят восьмой дивизией блокирует деникинцев, а сорок пятая навалится на гайдамаков и сечевиков у Попельни. Влево, в сторону Казатина, на линию Вчерайше — Ружин надо выдвинуть заслон. У Петлюры, как известно, кроме галицийского партнера имеется еще Волынский корпус, Запорожская, Синяя, Сечевая, Черноморская дивизии, железнодорожная бригада. Часть этих сил, прикрывая Житомир с севера, ведет бои с сорок четвертой дивизией Дубового на линии реки Ирша.

И снова на привалах и стоянках проводятся митинги. Члены Реввоенсовета, штабные командиры доводят до каждого бойца решение командующего: «Путь на Киев лежит через Житомир!»

За два следующих дня 45-я дивизия продвинулась на тридцать верст и вышла на линию Паволочь — Андрушки, перегруппировалась, заняла исходное положение для атаки. Подрывники взорвали железнодорожные мосты на подходах со стороны Казатина и Фастова. 15 сентября вторая и третья бригады, Особый полк Анулова и отряд Гуляницкого повели наступление на Попельню — Бровки. Как ни яростно отбивались галицийские сечевики и гайдамаки, но не сумели сдержать натиска советских бойцов. Два петлюровских полка — Полтавский и Кубанский — сдались в плен.

Настала радостная минута, которой бойцы Южной группы ожидали много дней. Разжались тиски большого кольца окружения. С криками «Ура!», «Даешь Житомир!» войска перевалили через линию железной дороги Казатин — Фастов, вышли на просторы Житомирщины.

Двигаясь им навстречу, 44-я дивизия Дубового потеснила петлюровцев с линии реки Ирши, форсировала Тетерев, заняла Радомышль. Расстояние между обеими группами советских войск сразу сократилось до пятидесяти верст.

15 сентября героический поход войск Южной группы на север был успешно завершен.

Якир и Немитц не ошиблись, изменив маршрут движения войск Южной группы к столице Украины. Конечно, по прямой, через Белую Церковь, от Сквиры до Киева почти вдвое ближе, нежели через Житомир. Но известно: на войне прямая дорога не всегда самая короткая.

Прежде всего двигаться к Киеву ближайшим путем значило оставаться в пределах большого кольца окружения. Сознание того, что с шеи еще не полностью сброшен аркан, угнетало бы бойцов, снижало их боевой дух. Но самое главное, рассудил командующий, войско не может быть сильным там, где противник ждет нападения. А деникинское и петлюровское командование было уверено, что Якир поведет свои дивизии из Сквиры через Белую Церковь и Фастов. Там оно готовило мощный удар по войскам группы.

Блестяще решив задачу прорыва деникинско-петлюровского кольца, Якир приказал начальнику 45-й дивизии Гарькавому выдвинуться на линию Коростышев — Ивница, в Радомышле установить контакт с 44-й дивизией, 17 сентября выбить петлюровцев из Житомира. Одновременно начдиву 58-й Федько было приказано занять оборону по линии Ставище — Ходорков для отражения атак деникинцев с востока. Так было образовано своего рода каре — тридцать верст на тридцать. Причем восточному фасу каре вменялось в обязанность стоять на месте,

обороняться, западному — стремительно продвигаться вперед, наступать. Это был смелый и дерзкий маневр.

Еще недавно разделенные огромным пространством в четыреста верст, 44-я и 45-я дивизии 17 сентября 1919 года сошлись в Житомире. Войска точно в намеченный срок выполнили приказ. Символичной и красочной была встреча на мосту через реку Гуйву двух боевых начдивов, двух замечательных сынов украинского народа: рыжебородого геркулеса Ивана Дубового и пышноусого коротыша Ильи Гарькавого.

Из Житомира дивизия Дубового погнала 3-й галицийский корпус генерала Микитки на юг, к Бердичеву. Дивизия Гарькавого, выполняя приказ командующего, двинулась на восток против деникинских войск — в район Ходорков — Корнин.

Петлюра с его гайдамацкими куренями и галицийскими бригадами занимал тогда всю Подолию и половину Волыни. Тем не менее значительно большую опасность для молодой Советской республики представляли деникинцы: ударная армия генерала Май-Маевского подходила уже к Орлу, угрожая главному арсеналу Красной Армии — Туле. Поэтому по плану Ленина у Воронежа усиливался 1-й конный корпус.

В. И. Ленин, трезво оценив угрозу со стороны деникинцев, еще в июне призвал все советские республики сплотить в единой Красной Армии их вооруженные силы. Это позволило создать на наиболее угрожаемом орловском направлении ударную группу войск из латышской дивизии, бригады кубанцев и украинской дивизии червонных казаков Виталия Примакова.

15. Трагедия у деревни Копылов

После выхода из окружения войска Южной группы были включены в состав 12-й армии, штаб которой находился в Новозыбкове. В оперативном же отношении 45-я и 58-я дивизии, а также многие части и отряды бывшей Южной группы продолжали оставаться в подчинении Якира. По настоятельной просьбе штаба группы Главком приказал командарму-12 силами подчиненных Якиру частей атаковать позиции деникинцев на фронте Фастов — Бородянка и этим отвлекающим ударом помочь советским войскам в районе Орла наиболее успешно осуществить контрудар по группировке генерала Май-Маевского.

Правый сектор фронта Фастов — Бородянка Якир занял 58-й дивизией Федько, левый — 45-й дивизией Гарькавого. Самый болотистый участок у Берестянки удерживал, не давая деникинцам хода на запад, Интернациональный полк Голого.

Три недели, с 20 сентября по 12 октября, отвлекая на себя значительные силы белых, опасавшихся потерять Киев, обе дивизии Якира не выходили из боя.

Теперь уже все знали, что, борясь за столицу Украины, они выручают не только Орел и Тулу, но и свою родную Таврию, Херсонщину, Бессарабию.

Офицерские полки генерала Бредова, имея в тылу Киев с его заводами и богатые хлебом губернии Украины, получая боевое снаряжение из Англии и Франции через порты Черного моря, надежно укрепились по руслам болотистых рек Здвиж, Ирпень, Унава.

Дивизии 12-й армии — 44-я и 58-я — с лесистой зоной в своем тылу, с растянутой коммуникацией через Коростень — Мозырь, которой ежечасно угрожали легионы Пилсудского, терпели нужду в питании и в боеприпасах. С наступлением холодов появился еще более грозный враг — тиф. Не было бань, не было мыла, не хватало белья.

Но, как и всегда, недобрые дни чередовались с хорошими, успехи с неудачами. Особенно тяжелое испытание 45-й дивизии пришлось выдержать 27 сентября. Этот день, как и черный четверг 13 августа, командир Особого полка Филипп Анулов запомнил на всю жизнь.

Якир приказал Княгницкому с частями Гуляницкого и Анулова прикрывать левый фланг 58-й дивизии, наступавшей на Ирпень. Княгницкий двинул отряд Гуляницкого на Мотыжин, а полк Анулова — на Копылов, большое село, примыкавшее к шоссе Киев — Житомир.

На рассвете 27 сентября Анулов направил головной батальон полка из района кладбища села Колонщина атаковать войска противника, засевшие в Копылове. Закаленные в боях одесские пролетарии-коммунары беглым шагом приближались к селу. Не сомневаясь в успехе головного батальона, Анулов вдогонку ему послал своего адъютанта Настю Рубан с приказом после Копылова ударить на Мотыжин, помочь отряду Гуляницкого.

Настя, подняв коня в галоп, поскакала в головной батальон. Она уже почти догнала наступавших. Но в этот момент из балки наперерез продвигавшимся к окраине Копылова цепям выскочила с шашками наголо густая лава белогвардейцев-осетин. Неожиданный шквальный удар вражеских конников с тыла ошеломил пехотинцев. Помня девиз сорок пятой: «Всегда вперед!», батальон, не перестроившись в плотное каре, разомкнутыми цепями во главе с военкомом полка Недашковским двинулся навстречу врагу. Белогвардейские конники буквально захлестнули их разомкнутый строй.

Началась зверская, кровавая рубка. Первым, истекая кровью, пал военком полка Недашковский. Белогвардейские конники обследовали все межевые канавы, ярки, густо заросшие можжевельником. Они даже не спрашивали, как обычно: «Кто коммунист? Кто матрос? Кто китаец? Кто еврей?» Секли всех, у кого была кожаная фуражка на голове, красная звездочка на околыше. Уцелел, притворившись убитым, лишь тяжелораненый командир батальона Орловский.

Настя могла бы спастись. Однако, заметив деникинцев, она не повернула назад, к Колонщине, а полетела вперед — в Копылов. Не было еще ни разу в ее жизни, чтобы она не выполнила приказа. Под Лисками год назад, когда ее ранило в лицо, она видела и не такое. Настя рассчитывала, что, доскакав до батальона, очутится под надежной защитой. Этого не случилось. Батальон не защитил ни себя, ни Настю.

Так, под Копыловом, на подступах к столице Украины, легло костьми одно из лучших боевых подразделений 45-й дивизии. То самое, которое отличилось в боях под Свинаркой, Монастырищем, Попелюхами.

Новые части деникинской конницы, прикрывая тех, кто еще чинил зверскую расправу у шоссе Киев — Житомир, понеслись к Колонщине. Анулов, совершенно деморализованный катастрофой, все же успел расположить на подступах к селу тяжелые пулеметы.

Вечером в Колонщину приехал Якир. О катастрофе под Копыловом он узнал от Княгницкого. Командующий прекрасно понимал состояние Анулова, потерявшего лучший батальон полка

и своего адъютанта. Тем не менее, затягиваясь самокруткой, он гневно говорил:

— Видно, уроки Помошной ничему не научили вас. Ведь я и другие товарищи предупреждали неоднократно: конница Деникина — это не шлопаки Петлюры… Вот батальон потеряли. Погиб Недашковский, боевой комиссар. И Настя…

Анулов при упоминании имени Насти вздрогнул, отвернулся.

— Да, плохо, товарищ Филипп, очень плохо, — уже несколько спокойнее добавил командующий. — Когда имеем, не храним, потерявши, плачем.

Усач Княгницкий стоял рядом. Нахмурив густые брови, молча слушал справедливые укоры Якира. Он принимал их и на свой счет. Ведь командующий поручил ему наблюдать за Особым полком, помогать Анулову. А что получилось? Выходит, не сумел он по-настоящему выполнить задание. Значит, гибель батальона в какой-то мере лежит и на его совести.

Уроки тех дней даром не прошли. Он понял значение водных рубежей Здвижа, Ирпени, Унавы, прикрываясь которыми, беляки отражали атаки советских дивизий. Пройдет пятнадцать лет, и комендант Киевского укрепрайона Княгницкий возведет на подступах к Ирпени мощную гряду бетонированных дотов. Они позволят защитникам Киева долго сдерживать натиск фашистов.

Памятным также остался для, Якира и его боевых товарищей день 7 октября 1919 года. Рано утром полки дивизии Ивана Федько начали наступление. Впереди был Киев. К тому времени Южная группа как оперативное соединение уже перестала существовать. Однако, стремясь помочь соседу — 58-й дивизии, Якир, вновь вступивший в командование 45-й дивизией, приказал бригаде Котовского ударить по переправам противника через Ирпень и захватить Новые Петровцы.

В штабной хате бригады собрались командир 400-го полка Колесников и его комиссар Жилкин, командир и комиссар 401-го полка Дьячишин и Булатов, 402-го — Криворучко и Чабаненко, кавалерийского полка — Няга и Радов, отряда моряков — Куценко и Захарченко, артдивизиона — Швец и Морозов.

— Б-б-беляков две тысячи, — начал Котовский, — а нас полторы. Но когда мы считали врага? Винтовок у нас тридцать сотен, из них много австрийских, французских, немецких, японских. К ним маловато патронов, а у беляков всего этого добра завались. Но нам приказано взять Новые Петровцы, и мы их возьмем. Правильно я говорю?

— Возьмем, Григорий Иванович, — дружно ответили командиры.

Жаркий бой на переправах кипел с утра до поздней ночи. К

концу боя стрелковая бригада Котовского стала, по существу, штыковой. Красноармейцы, израсходовав патроны, много раз поднимались в атаки. У кого не было штыков, лупили деникинцев прикладами. Тщательно укрепленный белогвардейцами опорный пункт на Ирпени перешел в руки 45-й дивизии.

А 12 октября бронепоезда спешно перевозили части дивизии в Малин. Там шла погрузка в эшелоны. Сорок пятая, сдав свой участок фронта полкам Дубового, по распоряжению Главкома отправлялась на север. Там нависла угроза над Петроградом. Армия Юденича приближалась к окраинам колыбели революции. Якир объявил подписанное Лениным Постановление Совета Труда и Обороны о награждении почетными Революционными знаменами 45-й и 58-й дивизий, а их бойцов и командиров двухмесячным окладом жалованья.

Стойкость и героизм этих дивизий обеспечили успешный выход всех войск Южной группы из кольца вражеского окружения. И успех, вопреки предположениям бывшего адмирала, был приписан не только командующему, но и начальнику штаба. За образцовое осуществление Южного похода Реввоенсовет Республики наградил боевыми орденами Красного Знамени Якира, Затонского, Гамарника, Картвелишвили, Гарькавого, Немитца и многих других.

В Малине происходило трогательное прощание бойцов и командиров 45-й дивизии с моряками — командами взорванных в Попелюхах бронепоездов. Они оставались на юге. Растроганный прощанием, Григорий Иванович Котовский вручил командиру моряков Куценко собственноручно написанный документ — образец военной эпистолярики тех знаменательных дней:

«№ 1422 12 октября 1919 г.

Сие удостоверение дано т. Куценко, во-первых, в том, что он, командуя бронепоездом в районе Жмеринки и Вапнярки, в течение всего лета был примерным, смелым командиром и революционером. Во-вторых, после нашего трагического отхода с юга под двойным ударом — Деникина и Петлюры, когда мы были вынуждены бросить железную дорогу Вапнярка — Одесса, со слезами и болью в сердце взрывать наши красавцы бронепоезда, которые нам столько пособляли, выручали во время боев, и особенно рвать черепахи[12] т. Куценко. Но кошмарные минуты остались вместе с огненными столбами взрывов сзади, служа грозным предупреждением для врага, что у нас нет других решений, как пробиться из кольца врагов или быть побитыми и уничтоженными. И вот тут-то команды бронепоездов были

сведены в один отряд под названием «бронерота» и под командой т. Куценко были той же бронесилой, хотя вместо поездов в первый же день проделали поход в 75 верст, и так в течение полумесяца без хлеба, без сна, с окровавленными босыми ногами, безудержной волной, не знавшей преграды, шли на соединение с северной Красной Армией. И мы пробились, теперь все переходят на свое прямое дело. Мы говорим т. Куценко: иди и ты, товарищ, на свое дело, но в наших сердцах все-таки ты будешь и как командир бронепоезда, и как командир бронероты, и как революционер!

Командир бригады Котовский, начальник штаба Каменский, политком Шмидт».

Подписав приказ и поставив дату у слова «Малин», Котовский усмехнулся:

— В м-м-молодости мечтал попасть в Милан, послушать итальянских певцов, а вот попал в Малин. Почти то же самое, только две буквы поменялись местами. А вместо миланских певцов слушаю по вечерам кваканье лягушек да красноармейский баян… Так К-к-котовский попал вместо миланской в малинскую оперу…

Собственноручно написанный комбригом отзыв Куценко положил меж листов своей полевой книжки. Направился к выходу. Котовский, наблюдавший за тем, как огрубевшие от орудийных замков тяжелые руки матроса бережно обходились с полученным документом, призадумался. Григорий Иванович вспомнил слова Якира, сказанные им в Руднице еще в августе: «Как легко человека обидеть и как трудно его обласкать». Моряков он, Котовский, конечно, не обижал, но, право, их героический труд, особенно во время тяжелого выхода из крыжопольского кольца, стоил самой высокой награды. Он вспомнил, как тогда, в невыносимый солнцепек, моряки просили попотчевать их квасом. Окликнул балтийца:

— П-п-послушай, товарищ… Что я тебе скажу, друг, краса и гордость революции! Скажу прямо: ты и твои орлы заслужили настоящие ордена. Но видишь, вот я, Котовский, и то не имею ордена. Дают их, как знаешь, очень, очень скупо. Золотые часы? Так распоряжаюсь ими тоже не я. — Котовский порывисто поднялся, направился к своей койке, опустился на одно колено, вытащил из-под койки своего глазированного походного «барана» и, неся его в обеих руках, передал моряку: — Бери, товарищ! Будет память от Котовского.

— А ты, Григорий Иванович?

— Что я? Ты остаешься здесь, на юге, а нас посылают знаешь

куда? К хладным финским берегам, как сказал Пушкин. Там нет ни жаркого солнца, ни нашего бессарабского знойного вынтула. Так что обойдемся без кваска… Конечно, «барана» сбережешь или не сбережешь, это уж как придется, а вот ту бумажку, что мы тебе с комиссаром выдали, береги. Пройдут года и года, а ей не будет цены. Может, наши внуки расценят ее повыше, чем золотые часы и даже, может, повыше, чем орден Красного Знамени.

…За день до отъезда на новый фронт Якир побывал в Житомире. Там, в лазарете 44-й дивизии, находились на излечении раненые: те, кого подкосили пули деникинцев под Кожанкой, и те, кого долго везли на санитарных бричках из-под Крыжополя и Монастырища.

Иона Эммануилович тепло попрощался со своими боевыми соратниками, сказав каждому несколько задушевных слов. В ответ раненые клялись во что бы то ни стало разыскать свою дивизию не то что под Петроградом, а и на краю света, вернуться в нее, чтобы продолжать громить контру.

В полутемном углу коридора, отгороженная бязевой занавеской от сквозняков, на жестком топчане неподвижно лежала Настя Рубан. Адъютанта командира Особого полка без признаков жизни подобрали санитары в канаве за Колонщиной. Клинок прошелся по ее плечу, вторым ударом деникинец рассек Насте голову.

С топчана на Якира из пропитанной кровью марлевой рамки смотрели наполненные безмолвной грустью голубые глаза. Этот выразительный взгляд говорил лучше всяких слов.

Якир приник губами к плотно забинтованной голове Насти. Затем стал гладить ее тонкую руку. Поднес ее губам. Дрогнули веки раненой, светлая влага затянула ее глаза.

— Держись, Настя! — сказал Иона Эммануилович. — Не только я, вся наша боевая дивизия просит тебя: держись!..

Не в силах вымолвить слова, Настя в знак согласия прикрыла глаза.

На лестнице Якир встретил Анулова. Он с трудом нес раздобытую где-то для своего раненого адъютанта пружинную кровать.

Часть вторая
К рубежам страны

1. Антициклон

Ликвидация вражеской авантюры на подступах к Петрограду завершилась быстро. Сыны далекого юга, внеся свою посильную лепту в дело разгрома генерала Юденича, снова двинулись на деникинский фронт. Декабрь застал дивизию Якира на Украине.

Сумасбродная деникинская затея захватить Москву, пользуясь численным превосходством конницы, к тому времени окончательно провалилась. Теперь Красная Армия, усиленная притоком добровольцев-коммунистов и рабочих, гнала контрреволюционные полчища от Орла и Воронежа на юг. Блестяще оправдал себя призыв партии Ленина «Пролетарий, на коня!». Против белоказачьей кавалерии нерушимой стеной стала молодая Красная конница.

12 декабря, на другой день после освобождения Полтавы, Якир собрал в своем штабе командиров бригад. На длинном пути от Глухова до Ворсклы, когда советские войска дни и ночи преследовали деникинцев, отрывать комбригов от боевых частей не было возможности. Сейчас, с выходом передовых подразделений на линию Днепра, наступила некоторая естественная пауза. Начдив воспользовался ею, чтобы обсудить с командирами неотложные вопросы.

В холодном номере гостиницы «Реноме» за сдвинутыми столами кроме Якира сидели новый комиссар дивизии Иван Клименко — бывший председатель Одесского губисполкома, начальник штаба Гарькавый, недавно назначенные командирами бригад Левензон и Голубенко, командир кавалерийского полка Михай Няга. Не было среди собравшихся лишь Котовского. Во время боев с Юденичем под Петроградом он заболел и остался в гатчинском госпитале. Вместо него теперь командовал второй бригадой начальник штаба, бывший царский капитан Каменский, о котором Григорий Иванович не раз говорил: кремень-человек.

Вглядываясь в лица командиров воспаленными от постоянного недосыпания глазами, Якир вынул из-за пояса карту, развернул ее на столе.

— У нас, товарищи, главная задача — разгром полчищ Деникина, — сказал он. — Но на данном этапе перед нами еще один враг, пожалуй, даже страшнее конницы Деникина. Я имею в виду горы трупов на железнодорожных платформах — жертвы сыпняка. Зараза косит население, косит наших бойцов…

— В Новых Сенжарах, где стоит моя бригада, в каждой хате тифозный беляк, — вставил Голубенко.

— Мы в Абазовке и Супруновке по той же причине живем в

холодных клунях. И все равно нас косит сыпняк, — добавил Каменский.

— Что там больные беляки? — сказал Левензон. — Наша бригада не менее ста своих бойцов потеряла от тифа.

— Если бы не добровольцы, — проговорил хриплым голосом командир кавалерийского полка Няга, — некого было бы сажать на коней.

— Не прибедняйся, Михай, — перебил его Гарькавый. — В Глухове к тебе многие вернулись, те, кого в Вязьме свалил тиф, выздоровели.

— Вот об этом мы с комиссаром Клименко и толковали, — продолжал Якир. — А теперь хотим и вам кое-что сказать. О тифе и, кстати, о добровольцах. Задача будет такая: живые деникинские полки добивать, а мертвых беляков — хоронить.

— На сегодня главное: людям — баня, вшам — война. Вечером получите на всех новое белье, — добави Клименко. — Деникинцы не успели его вывезти из полтавских цейхгаузов. На складах остались тысячи пар белья с английским клеймом.

— Клеймо английское, а полотно тонкое, голландское, — усмехнулся адъютант начдива Охотников.

— Бойцы и от голландского нос не воротят, — заметил Голубенко.

Призывая командиров к вниманию, Якир хлопнул рукой по карте, продолжал:

— Теперь о добровольцах. Прошедший год кое-чему научил нас. Запомните: никакого партизанства! Все местные отряды независимо от их боевых заслуг выбирают одно из двух: вступают в ряды Красной Армии или же сдают оружие. Это решение партии, решение Главного командования. Третьего пути нет.

— Мы уже убедились, что есть разные партизанские отряды, — дополнил Клименко. — Теперь и петлюровцы иногда действуют под советских партизан.

— Так вот, третьего пути нет, — продолжал начдив. — С полтавскими вожаками Огием, Лесовиком, Матяшом договорились. Они беспрекословно подчинились нашему командованию. Из партизанских частей начнем формировать новый триста девяносто девятый полк, поскольку один из наших полков остался в сорок четвертой дивизии еще под Житомиром. Разумеется, медлить нельзя, но мы обязаны тщательно проверять каждого добровольца. Только при этом условии можно уберечься от вражеских агентов. Сейчас им легче всего проникнуть в наши ряды. За счет партизан и добровольцев придется пополнять и другие наши части, поредевшие из-за тифа. Теперь Деникину надеяться не на кого, поэтому он обязательно попытается, как и

раньше, подтачивать нас изнутри. Но вы, надеюсь, все помните уроки прошлого.

— Помним, товарищ начдив. Не забыли «Скорпиона». Есть слух, он командует у Деникина офицерским полком. Пошел в гору, гад, — ответил за всех Голубенко.

— Да, Плоское не должно повториться, — продолжал начдив. — Сегодня латышами, червонными казаками Примакова, дивизиями Саблина и Эйдемана освобожден Харьков. Никакая Антанта, никакие немецкие колонисты, никакие «скорпионы» и кожемяченки уже не помогут Деникину. Четыре месяца, с июня по сентябрь, бушевал шальной и жестокий деникинский циклон. В октябре у него еще хватило сил захватить на неделю Орел. Но вот с середины октября, с тех пор как червонные казаки, латыши и кубанцы ударной группы четырнадцатой армии на полях Орловщины опрокинули белогвардейские полки генерала Кутепова, а затем конный корпус Буденного разбил Мамонтова и Шкуро под Воронежем, задул наш, советский, буйный антициклон, накрывший и сковавший циклон Деникина. Впрочем, вы все это знаете не хуже меня.

— Нет, Иона Эммануилович, кое-чего, пожалуй, наши командиры еще не знают, — негромко произнес Клименко.

— Это верно, — отозвался Якир. — Прежде всего они не знают своих ближайших боевых задач. — Якир придвинул к себе карту-трехверстку. — Смотрите сюда, товарищи. Мы будем двигаться вслед за передовыми частями к Днепру, на линию Каменское — Екатеринослав. Дивизия пойдет тремя колоннами и захватит фронт в полсотню верст. Сегодня товарищ Гарькавый даст вам на этот счет приказ.

— А как настроение людей? — спросил военком дивизии, обращаясь одновременно ко всем командирам частей.

Первым ответил Левензон:

— В нашей первой бригаде настроение боевое. Помните, что было шесть недель назад в теплушках на станции Вязьма? Мы говорили бойцам: «Красный Питер ждет нашей помощи!» А они отвечали: «Питер, конечно, тоже надо защищать. Но почему идем на Питер, а не в Бессарабию?» Да и на Днестре, помните, в августе шли разговорчики: «Бросаем свое, идем защищать чужое».

— Так говорили не только рядовые красноармейцы, но и некоторые командиры, — подтвердил Охотников.

— Ну, а когда стояли в Гатчине и пришла телеграмма о переброске на юг, — продолжал Левензон, — ликованию не было конца. Бойцы поздравляли друг друга. Поздравляли и своих новых товарищей пополненцев Словом, сейчас в бригаде настроение самое боевое, неожиданно закончил комбриг-один.

— У нас в бригаде то же самое, — сказал Каменский. — Правда, тоскуют люди, ждут Котовского, а настроение революционное. С энтузиазмом лущат пайковую воблу и шумят: «Хоть жрать нечего, зато жить весело!..»

— Что я могу сказать о настроении? — вставая, проговорил Голубенко. — Люди рвутся вперед, и перед глазами у них Приднестровье, Бессарабия, Лиманы. Спрашивают: почему идем на юг, а не на юго-запад? Если бы не этот проклятый сыпняк…

— Ну что ж, настроение, видать, на должном уровне, — подвел итог Клименко. — А теперь послушайте, что вам скажет еще начдив.

Якир окинул взглядом присутствующих:

— То, о чем я вам скажу под строгим секретом, имеет прямое отношение к настроению людей. Помните август? Почему мы оставили юг Украины? В основном из-за Махно. Такая тогда сложилась ситуация, что мы его боялись пуще огня. Не оружия его боялись, а демагогии. Есть товарищи, которые считают любое отступление позором. Но вы сами знаете, это не так. Наше отступление к Житомиру превратилось в наступление, в нашу победу. Мы сберегли от махновской заразы несколько десятков тысяч бойцов. Сейчас ситуация изменилась. Красные войска сами будут искать встречи с Махно. Мы с товарищем Клименко просили командарма Уборевича и члена Реввоенсовета Орджоникидзе так наметить нашу линию движения, чтобы сорок пятая на пути к Днестру и Черному морю обязательно захлестнула «махновское царство».

— А где сейчас войско Махно? — спросил Каменский.

Гарькавый повел карандашом по карте:

— Недалеко от Александровска[13], вот тут, дислоцирован его второй корпус. Первый и третий корпуса занимают район Томаковка — Марганец. Четвертый корпус находится в районе Евтеево — Никополь. Всего под черными знаменами трижды проклятого батьки насчитывается сейчас до сорока — пятидесяти тысяч человек. Из них две тысячи — старая махновская гвардия.

— Вот именно гвардия, — продолжал Якир. — Две тысячи! Остальной контингент — это не сторонники Махно, а его попутчики. По мере нашего приближения они будут все больше и больше рвать с анархией. Это знает наше командование, знает и Махно. Теперь гуляйпольская лиса начнет юлить. Затеет переговоры. Начнет выставлять свои заслуги: «Отвлекал, мол, на себя десять деникинских дивизий». Будет добиваться встречи с командармом Уборевичем, а то и с командующим фронтом Егоровым. Но мы не повторим прошлых ошибок Антонова-Овсеенко, затеявшего переговоры с атаманом Григорьевым. С

Махно не разрешено встречаться ни мне, начальнику дивизии, ни вам, командирам бригад. Как только мы раскидаем деникинские полки, что стоят между нами и махновцами, командарм Уборевич пошлет ультиматум Махно. Передаст этот приказ-ультиматум батьке кто-либо из наших комбатов. Если Махно подчинится, мы тронемся дальше, но уже прямо на юго-запад, к Днестру. Не подчинится приказу, пустим в ход оружие. А что у него против нашего впятеро штыков больше, не столь важно. Суворов учил бить врага умением, а не числом. Вот, товарищи, и все. Я уверен, что по пути к родной Бессарабии наши бойцы не то что Махно, а самого дьявола опрокинут.

После этого совещания минуло десять дней. Красная Армия продолжала гнать деникинцев к югу. Воспользовавшись ударами советских дивизий с фронта, Махно в тылу у белых захватил Екатеринослав.

В районе Ново-Московска 1-я бригада 45-й дивизии встретилась с «войском» одного из махновских атаманов. На предложение командования расформировать «войско», влить его в состав бригады, немолодой уже атаман, щеголявший в генеральской шинели, ответил категорическим отказом. Козыряя своим рабочим происхождением, справкой политкаторжанина, он стал доказывать комбригу, что в Советской республике, дескать, нет свободы, что большевики куют новые цепи рабочему классу. Тогда Левензон обратился с речью к «войску» атамана. Седовласый главарь вольницы посмеивался, убеждая комбрига, что его-де и слушать никто не станет. Однако атаман ошибся. Двести человек сразу изъявили желание вступить в Красную Армию. Остальные постановили разойтись по домам. Лишь небольшая кучка закоренелых махновских командиров под предводительством вожака ускакала в сторону Екатери-нослава.

2. «Я опущусь на дно морское…»

24 декабря 1919 года Деникин приказал генералу Шиллингу занять район Екатеринослава. Отсюда по замыслу «верховного правителя» Юга России должно было начаться наступление трех пехотных дивизий — 13-й, 34-й, 5-й, группы генерала Склярова и 3-го танкового отряда, чтобы нанести сокрушительный удар по правому флангу 14-й армии Уборевича.

С точки зрения классического оперативного искусства замысел Деникина был безупречным. Многие приближенные незадачливого кандидата в диктаторы России считали его план нового наступления на большевиков даже гениальным. Но на исходе 1919 года уже не та была обстановка на фронте, чтобы деникинские планы и замыслы пунктуально выполнялись войсками. Теперь диктовала не «Ставка Вооруженных сил Юга России», как высокопарно именовал Деникин свой штаб, а Ставка Красной Армии.

Пока деникинские генералы и полковники уточняли детали «плана верховного», на линию Днепра фронтом в шестьдесят верст вышли три бригады 45-й дивизии, прикрыв правый фланг 14-й армии. Так «герою Одессы» генералу Шиллингу и не довелось стать героем Екатеринослава. Отступавшие с киевского направления его полки, пораженные сыпняком, все еще барахтались в снежных сугробах вокруг Пятихатки.

А 14-я армия продолжала гнать белогвардейские войска генерала Слащева на юг. 41-я дивизия Осадчего наступала из Павлограда на Синельниково, 46-я под командованием Эйдемана — из Лозовой на Чаплино.

Колоссальная по тем временам армия Махно, занимавшая территорию от Апостолова до Кичкаса, шумно отмечала рождественские праздники. Шитая белыми нитками пресловутая хитрость Махно заключалась в том, чтобы, уклоняясь под разными предлогами от активной борьбы с белогвардейцами, очищать театр военных действий для столкновения своих противников. Махно полагал так: чем больше измотают друг друга на последнем, решающем этапе деникинцы и большевики, тем в большем выигрыше останется его анархическая вольница. Махно считал себя искусным дипломатом. Но со своей кулацкой политикой и куцым кругозором хуторянина он так же напоминал Талейрана, как кобчик орла.

Части 46-й дивизии, прикрывая правый фланг 14-й армии, двигаясь от Екатеринослава по обоим берегам Днепра, 4 января 1920 года вышли на линию Ново-Покровка — Александровск. К

вечеру того же дня силами бригады Левензона Александровск был освобожден от деникинцев. Левензон двинул авангард бригады дальше на юг, к реке Колке. Он точно выполнил приказ начдива: выставил у Кичкасской переправы крепкую охрану, обязав ее оставаться там до подхода частей бригады Каменского. В это время в освобожденный бригадой город ворвались орды шумных всадников. Назвав себя махновцами, они сообщили, что вскоре сам батько придет в Александровск с двумя полками конницы.

Пока махновские квартирьеры подыскивали для батьки хоромы, Левензон слетал на станцию, связался по железнодорожному телеграфу с Якиром. Начдив приказал комбригу немедленно вернуть авангард бригады в Александровск, кроме того, разместить в городе конный полк Няги, назначить своего начальника гарнизона и своего коменданта.

— Конфликтов с Махно избегайте, — предупредил Якир, — но переправу берегите пуще глаз.

Левензон расположил полки бригады в рабочих окраинах города. Махновцы разместились на центральных улицах, а под штаб заняли гостиницу. Ночью по сонным улицам города, мирно беседуя, расхаживали советские и махновские патрули.

5 января к комбригу Левензону явился Белаш — начальник штаба махновской «армии». Он просил передать Якиру, что «командарм» Махно хотел бы видеть его у себя в штабе в Александровске. Вечером Якир сообщил ответ. Смысл его был таким: повстанческая армия обязана неукоснительно выполнять приказы советского командования, боевой приказ для Махно готовится в штабе Уборевича, а он, начдив 45-й, занят срочным делом и в Александровск приехать не может.

В расположении советских полков появились махновские агитаторы. Они затевали горячие дебаты. В дебатах принимали участие и местные рабочие. Махновские демагоги терпели явный провал. Красноармейцы лишь посмеивались над их речами в защиту анархии. Многие агитаторы действовали напрямик — доставали из переметных сум фляги с самогоном, щедро угощали красноармейцев, потом начинали трезвонить о «золотой свободе» в армии Махно и о «старорежимной неволе» в Красной Армии. Убедившись, что их потуги напрасны, они стали выкрикивать свой анархо-босяцкий лозунг: «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют!»

6 января вышедшие из подполья члены большевистского партийного комитета Александровска вместе с большевиками бригады организовали в городе манифестацию. На центральные

улицы города вышли тысячи рабочих и членов их семей с красными знаменами и плакатами.

Махновцы попытались было отобрать у демонстрантов плакаты, но им помешали красноармейские патрули. Тогда Махно прибег к одному из своих излюбленных маневров. По городу пронесся слух: «В порту обнаружены склады с деникинским добром!» Вопреки ожиданиям Махно, колонны манифестантов не только не рассыпались, а стали еще более внушительными, собранными. Все же советский комендант послал своего помощника на пристань узнать, в чем дело.

Как оказалось, в одном из пакгаузов махновцы действительно обнаружили кипы английского обмундирования и уже успели подраться из-за добычи.

Помощник советского коменданта, расталкивая пьяных махновцев, подошел к их начальнику, стоявшему к нему спиной, положил ему на плечо руку. Тот круто повернулся, полный возмущения, поправил на глазу черную повязку и вдруг в недоумении широко раскрыл рот.

— Трехсот тридцати трех святителей барбос! — закричал Гайдук. — Жив, Свирид! Видно, ты крепко пришвартовался до причала Махно! Уже в начальниках ходишь. Ну здорово, друг!

— Здорово, Ионул. Как видишь, пока ни пуля меня не свалила, ни вошь не взяла. А ты как? — пытливо рассматривая земляка единственным глазом, спросил Халупа.

— Да так… — неопределенно ответил Гайдук. — Жалко, не встретил тебя в бою. А зараз, понимаю, руки коротки. Промеж нас не то союз, не то перемирие.

Из-за галдежа в пакгаузе Халупа не расслышал ответа Гайдука. Выхватив клинок и грозно размахивая им, он стал выгонять махновцев на улицу. Не без труда справившись с этим делом, усталый, опустился на тюк. Гайдук сел рядом. Халупа достал из кармана коробку трофейного кэпстена, протянул ее земляку. Закурили.

— Вот тут хапали робу наши хлопцы, — начал Халупа. — Думаешь, нужда? Нет. Что схватили — в торбу и в тачанку, а сами в обносках ходят. А тебе, Иона, не нужно? Возьми шинелку, хоч две, хоч три, хоч всю кипу…

— Мне очень нужно, — ответил Гайдук. — Я возьму не одну кипу, а все.

— Ну, это шалишь, — махнул рукой Халупа. — Помнишь, как ты делил сало на хуторе возле Цебрикова? «Шмот мне, шмот тебе». Так и я поступлю: кипа нам, кипа вам. И не обижайся, земляк. Такая установка батьки! Он коммунистов не очень милует, а до красноармейцев всей душой. Тебе, Иона, я вижу,

шинелка не нужна. Твоя, как и моя, первый сорт, охвицерская. Сейчас все обозники в английских шинелях ходют. А в таких, как наши, только боевики.

— Да, Свирид, боевики крошили головы белякам, а вы, видать, за их шинельками только и шастали. Мы вон уж где побывали, аж за Москвой. И теперь опять же гоним Деникина, а вы все на одном месте мурыжитесь. Прилипли, что ли? А как ты сам, Свирид, думаешь добираться до нашей Бессарабии? На Махно надеешься? Плохая надежда.

Не отвечая на вопросы Гайдука, Халупа ударил себя по коленкам:

— Забыл совсем… Встрелись как в великий пост. — Он отвернул полу шинели, достал бутылку, содрал с нее станиолевый колпачок, ловким ударом вышиб пробку. — За встречу хлебнем господского. Коньячок первый сорт! Хапанули мы его в обозе самого генерала Слащева. Это, брешут, ему подарок от наивысших французских буржуев. Теперь слащевский коньячок пользуют наши вожди анархии да вот мы с тобой, Ионул, — катлабухская батрачня. Давай за нашу Бессарабию!

— Не буду! — покачал головой Гайдук. — А скажи, Свирид, у вас за пьянку не расстреливают? Вот, я знаю, у нас одного командира чуть не шлепнули за полстакана бражки, за то только, что пахло у него изо рта. Вот какая она строгость в Красной Армии! А не будь ее, вряд ли встретились бы мы с тобой, Свирид.

— У нас за пьянку не стреляют. За другой любой пустяк — пожалуйста! А теперь ответь мне ты, Иона: может ваш командир по своему усмотрению, без суда, убить бойца?

— Только в бою, за трусость! — ответил Гайдук. — А так без трибунала никто не смеет, даже начдив или там командарм.

— То-то, — скрипнул зубами Халупа. — А у нас, по секрету тебе скажу, не то что батько или душегуб, что при нем, Задов, а каждый командир полка сам судья, сам и палач. Любого бойца может хлопнуть, и спрос с него как с гуся вода. Вот этой «свободы» я не понимаю. Даже поделиться не с кем. Тебе, как старому другу, говорю первому. — Халупа осторожно оглянулся. — С полмесяца назад сколько людей пропало! И не в бою, Иона. Батько сам расстрелял. Помнишь Абрама Полонского? От вас пришел с огромным войском. У нас командовал стальной дивизией. Как, бывало, обложат нас кругом беляки, Каретник все наблюдает фланги, а в лоб, в самое пекло, посылает Полонского. Через то от стальной дивизии остался один только полк. Так вот, хлопнул батько Полонского. Боялся, что переметнется до вас, как летом переметнулся до нас. Видать, не пришлась Абраму по вкусу махновская каша, соскучился по красноармейскому кондёру.

— Да, дорого заплатил он за измену. И поделом, — Гайдук свернул самокрутку, достал из кармана махорку, — А скажи, Свирид, по совести: не набридла ли тебе самому махновская каша? Не пора ли сменить паруса?

— Если даже и набридла, что я могу поделать? Я уже весь с потрохами в этой каше. Пожалуй, теперь я только батьке и нужен. Попадись я в руки вашему Якиру, он меня шлепнет по первой статье. Особенно за Помошную. Напакостил я тогда крепко. Раза два двинул по скулам того командира с бородкой… Того, ну как его, забыл по фамилии, у него еще адъютант девка?

— Не пощастило, Свирид, той девчонке. Кадюки шибко порубали ее под Киевом.

— Жаль, шустрая была. — Халупа тяжко вздохнул. — Видать, так уже оно планидой расписано: которые идейные пропадают, сволота живет.

— Ты о чем? — спросил Гайдук.

— Возьмем нашего Каретника, — опустив голову, продолжал Халупа. — Батьки правая рука. Слыхал, верно, деникинцы горазды золотишко вышибать у населения. Вот и этот наш тоже повадился шуровать. В Никополе созвал громаду. Наган уткнул дулом в стол, пальцем поддержал рукоятку, сказал: «Даю два часа сроку. Упадет наган, шлепну десятого». Смекнули никопольцы — пришли с мешочком золота. Сыпанули. Его хватило до полбарабана. И что думаешь? Устоял наган! Вот тебе, друг, и царство свободы… Нет, Иона, при теперешней качке я только «опущусь на дно морское», но уже, видать, не «подымусь под облака».

— Не поздно, Свирид! Плюнь на батька. Не буду я колупаться в твоей душе, а скажу прямо: давай гудок к отвалу и руби концы. Поясню для примера. Служит у нас один хлопец Макар Заноза. Тоже качнулся не в ту сторону. Только опомнился он в пору. Зараз не то что простили ему, а взвод доверили. Боевик… Явись только, Свирид, с повинной. Повинную голову меч не сечет. И чем раньше придешь, тем лучше.

— А как там мои земляки? — спросил Халупа. — Те, которых я привел из-за Днестра?

— Орлы! — ответил Гайдук. — И ты, брат, орел. Помню тебя! Только забился ты в стаю воронов.

— Задал ты мне, Иона, задачку. Буду думать над ней день и ночь, и еще ночь, и еще день.

— Смотри, чтоб не ошалел от думы. Думы думами, а дело делом.

— Ладно! — махнул рукой Халупа. — Пока нет этих наших «борцов за свободу», вызывай сани, грузи все тюки до себя. Была

не была. Семь бед, один ответ.

3. Гордиев узел

Уж три дня стояли бок о бок советские и махновские полки.

Люди рвались вперед, к югу, нервничали. Нервничал и Якир. То он выслушивал сообщение начальника штаба Гарькавого, которому беспрестанно звонили из бригад, то отлучался к прямому проводу для разговора с командармом.

Командарм Уборевич и член Реввоенсовета Орджоникидзе давно уже обещали выслать боевое распоряжение для армии Махно, но приказа, который должен рассечь этот гордиев узел и во все внести ясность, все еще не было. В штабе армии, вероятно, ожидали, что Махно сам приедет в Полтаву за получением директив.

Между тем главарь анархо-кулацкого движения рассчитывал установить отношения с командованием Красной Армии не на началах субординации, безоговорочного подчинения, а на равных правах. Он ждал приезда Уборевича.

Озадаченный продолжавшимся молчанием красных, Махно, что называется, зондировал почву и в низах и в верхах. Хорошо зная гуманизм большевиков, он предъявил советскому командованию внушительную заявку на медицинский персонал, медикаменты, походные госпитали, лазареты, банно-прачечное оборудование, «вошебойки». Как и деникинскую армию, махновское войско одолевала тифозная вошь.

Якир, через штаб которого шли эти заявки, ознакомившись с ними, сказал:

— Хитер, бестия! Пускает пробные шары. Раз дадут шприцы и камфару, значит, признают!

— А если признают, — продолжал Гарькавый, — давай подсуну требование на пулеметы и патроны, на орудия и снаряды. Потом нашим же ножом да нам в спину.

Якир свернул толстую самокрутку. После освобождения Кременчуга с его знаменитыми табачными фабриками махорки было вдоволь. Пустив к потолку густой клуб дыма, начдив сказал:

— Это верно, Илья Иванович. Давно уже читал я книжку путешественника Ливингстона. Он описывает любопытную африканскую рыбку коно-коно, что в переводе значит «локоть». Рыбка эта имеет плавники-ножи, которые напоминают расставленные локти. Коно-коно не прячется, не убегает даже от самого страшного хищника. Проглоченная более крупной рыбой, она изнутри рассекает ей бока своими плавниками-ножами и выходит на волю. Вот и батько Махно стремится сыграть ту же роль.

— Мы можем предоставить ему такую возможность, — сказал, дописывая политдонесение в армию, комиссар Клименко. — Пусть идет под нашим знаменем и рассекает брюхо Деникину.

— Такой вариант исключается. У него другое на уме, — заметил по этому поводу Якир. — Ссылаясь на тиф, Махно пытается остаться в нашем брюхе, в нашем тылу. А отсюда следует — надо обломать ему плавники-ножи.

— Чего с ним цацкаться, — развел руками Охотников. — Я один берусь покончить с Махно. Поеду в Александровск, прихлопну гада. Конечно, и меня там пристукнут, но раз это нужно для дела, я…

— Я, я, я… — возразил Якир. — Один герой вызвал махновскую бучу, а другой герой ее прихлопнуть собирается. Забыл, что мы не террористы.

— Не хватало еще сделать из Махно великомученика, — сердито добавил Клименко. — Мало того, сразу же вооружить против себя часть селянства Херсонщины, Екатеринославщины, Таврии. Что ни говори, а многие недовольные Деникиным шли не только в наши партизанские отряды, но и к Махно. Это тоже надо учитывать. И ляпнул же ты, товарищ Охотников! Тут ситуация тонкая. Для ее разрешения надо не одного, а десять Чичериных. Махно надо перехитрить. И хитрость эта должна заключаться в нашей большевистской прямоте. Надо сорвать с головы авантюриста венок героя, тогда не так трудно будет сорвать ему и голову.

— Ты пойми, Яков, такую вещь, — продолжал Якир. — В настоящее время махновское воинство — это пирамида из спичек. Махно только хорохорится. Знает, что, кроме его старых головорезов, никто не подымет руку против Красной Армии. Вот это самое и толкнуло его на расправу с Полонским. Махно не доверяет даже «стальному полку», лучшему в его так называемой повстанческой армии.

— Из всей махновской армии только эта бывшая федьковская пехота и воевала до сих пор по-настоящему против Деникина, — вставил Гарькавый. — Махновские полки горазды лишь грабежом заниматься.

— Может, на сегодня хватит? Уже полночь, — поднялся Клименко. — Иди, молодожен, домой. Небось заждались тебя…

Клименко имел в виду жену Якира, недавно возвратившуюся в дивизию. Из Одессы она выехала три месяца назад, побывала в Киеве и других городах Украины. Встретилась же с мужем после восьмимесячной разлуки лишь здесь, в Екатеринославе.

«Махновская проблема» волновала в те дни не только

командование 45-й дивизии. Она задевала в какой-то мере и всех красноармейцев. Махно, подтянув к Александровску два вернейших полка атамана Фомы, решил захлестнуть ими «забитых советской муштрой красноармейцев». На всех площадях и улицах Александровска, как в семнадцатом году, вспыхивали митинги, происходили горячие дебаты. Махновцы хвалились своими боевыми успехами, богатыми трофеями. Красноармейцы же корили их за летнюю измену, за все муки тяжелого Южного похода. Махновцы щедро угощали бойцов 45-й английским табаком, пытались спаивать самогоном. Красноармейцы отвергали угощение, резонно заявляя, что для них Советская власть, за которую они пролили немало крови, дороже самогона и английского табака. Даже и тогда, когда боец дивизии сталкивался один на один с махновцем, он не раскисал от сладких посулов, не отбивался, а сам переходил в наступление. Каждый красноармеец, как умел, выполнял роль агитатора.

6 января в городе появились тысячи листовок, прямо противоположных по своему содержанию. Советские и махновские воззвания печатались в одной и той же типографии, на одной и той же машине, одними и теми же печатниками. Идеологическая война между красными и махновскими силами не прекращалась ни на один день. Однако никаких видимых результатов она пока не приносила ни той, ни другой стороне.

По-иному обстояло дело в районе Ново-Покровка — Чумаки. Там бригада Голубенко вошла в контакт с Черноморско-Азовским корпусом махновцев. На шумных митингах многие рядовые бойцы заявили: если батько не подчинится Советской власти, они сами перейдут в Красную Армию. А тут еще пошло гулять по рукам воззвание, написанное коммунистами, входившими в состав «черного реввоенсовета» повстанческой армии. Воззвание убедительно разоблачало авантюристический, антисоветский характер махновщины и заканчивалось призывом:

«Все в ряды Красной Армии! На последний решительный бой за Советскую власть — власть рабочих и крестьян!»

Раздосадованный недавней манифестацией в Александровске, Махно приказал Каретнику, своему начальнику гарнизона, провести в городе 7 января военный парад. Узнав об этом, Якир дал Левензону распоряжение вывести в тот день все наличные советские силы, находившиеся в Александровске и его окрестностях.

Сам Махно на парад не явился. То ли потому, что прихворнул, то ли по какой другой причине. Ходили, между прочим, слухи, что, лично расправившись с атаманом Григорьевым, он в последнее время опасался, что кто-нибудь

может учинить такой же самосуд и над ним. От внезапной пули не могли его обезопасить ни контрразведчик Воробьев, ни кровавый телохранитель Левка Задов.

На трибуне рядом с Левензоном стоял Попов, член «черного реввоенсовета», организатор левоэсеровского восстания в Москве. Каретник провел через площадь колонну махновской конницы. Вид у кавалеристов был бравый. На тачанках, проследовавших за конницей, блестели сталью новенькие станковые пулеметы, в большинстве своем английские. Махновцы заметно отличались от красноармейцев и добротностью зимней экипировки: не один деникинский обоз попал в их руки!

Однако, как ни внушительно выглядела конница Махно, она не производила впечатления грозной организованной силы. Зато красноармейцы в своих шапках-богатырках и одинаковых шинелях, пройдя мимо трибуны четким строевым шагом, поразили зрителей хорошей выправкой, дисциплинированностью. Сразу чувствовалась настоящая регулярная армия.

После парада состоялся митинг. Махновцы окружили трибуну. Попов, горячий оратор, показывая рукой на застланные дорогими коврами тачанки с пулеметами, принялся расписывать достоинства анархии. Он призывал красноармейцев «порвать путы большевистско-комиссарской дисциплины и переходить под черные знамена великого махновского движения». Закончил он свою речь так: «Наша мечта — абсолютная всеобщая свобода! Наша сила — пулеметы! Видали, сколько их у нас?!»

Тут Гайдук, находившийся недалеко от трибуны, громко крикнул:

— Не могу я что-то определить, чего на ваших тачанках больше — пулеметов или самоваров?

Несколько мгновений Попов смотрел на Гайдука выпученными глазами. Затем схватился обеими руками за портупеи своего офицерского снаряжения, презрительно бросил:

— Чего ждать от наемника Кремля?!

— Пе драку! — Гайдук выхватил наган, хотя справа и слева от трибуны выстроились махновские головорезы. — А ну, повтори!.. Какой я наемник! И наш Кремль я тебе не позволю марать. Знаешь, гадина, бог дал тебе пять дыр, я добавлю еще десять!..

Однако Попов больше ничего не смог сказать. Макар Заноза, а за ним все бойцы его взвода, спешившись с коней, стащили демагога с трибуны. На помощь махновскому лидеру поспешил Каретник во главе шумной банды головорезов. Но начавшаяся было потасовка быстро прекратилась.

Тут на трибуну поднялся одноглазый Халупа.

— Товарищи, — начал он свою нескладную речь. — Я, понятно, не такой оратор, как товарищ Попов. Только вот считаю — он шибко загнул. Доказывай свою правоту по-своему, как можешь, а зачем марать человека? Какой Гайдук наемник? Я знаю товарища Гайдука. Это наш коренной труженик. Правда, он всю жизнь, аж до самой военной службы, нанимался в батраки к нашим бессарабским кулакам. Но если есть на свете настоящий борец за свободу, то вот это он — товарищ Гайдук.

Парад закончился. Ожидания Махно не оправдались: на красноармейцев не произвели никакого впечатления ни броские слова, ни пулеметные тачанки черных атаманов.

Утром 8 января командир батальона Покровский из полка Ивана Колесникова вручил Махно доставленный из Полтавы, из штаба Уборевича, пакет. В нем было распоряжение Главного командования Красной Армии о переброске махновских полков и дивизий в район Мозыря и Гомеля для боевых действий против легионов Пилсудского. Тем самым махновскому войску предоставлялась возможность оправдать себя перед народом и органически слиться с Красной Армией.

Главное командование не случайно решило перебросить силы махновцев на запад. Пока шла ожесточенная борьба между Красной Армией и Деникиным, белополяки почти не проявляли активности. Они ненавидели большевиков, но в то же время боялись победы Деникина с его монархическим лозунгом «За единую, неделимую Россию!». Но когда деникинцы оказались на краю пропасти, армия пана Пилсудского закопошилась, нацеливаясь на Советское Заднепровье.

Ставя боевую задачу махновцам, Главное командование Красной Армии одновременно потребовало заявки на подвижной состав, на боепитание, на пайки. Махно не послал в Москву заявок ни на пайки, ни на вагоны. Политотдел 45-й дивизии немедленно оповестил об этом местное население, рядовых махновцев и красноармейцев. В листовках, изданных политотделом, говорилось, что настоящий боец Красной Армии защищает не только свою хату, свои волость и уезд, но и всю республику, что неисполнением приказа Главного командования Красной Армии Махно сам отбрасывает себя в стан врагов Советской власти, чего, разумеется, не сделают его бойцы.

Якира все больше беспокоило положение на фронте. В то время когда части дивизии, так неожиданно завязшие в махновском болоте, оказались, по сути дела, обреченными на бездействие, группы Шиллинга и Бредова, сбитые с киевского направления, продолжали беспрепятственно отходить на юг. Вот кому сослужили добрую службу махновские «борцы за свободу»!

Однако срок ультиматума, предъявленного главарю черной армии, кончался лишь 10 января. Поэтому 45-я дивизия пока должна была оставаться на месте. Нет, не лютые морозы сказывались на темпах наступления. Много времени и сил отбирала борьба с махновщиной. Да и сыпняк по-прежнему косил бойцов.

В ночь перед решающим днем черный стан зашевелился. На площадях группировались боевые тачанки. Всадники закрепляли вьюки. К окраинам города двинулись обозы. По встревоженным улицам носились голосистые ординарцы.

В лучшем номере гостиницы «Люкс» рядом со штабной канцелярией пировал Каретник. Его адъютант вызвал помощника коменданта города.

— Садись! — тряхнув чубом, пригласил атаман Халупу.

— Ничего, я постою! — ответил одноглазый помощник коменданта, снимая с головы кудлатую папаху.

Свириду было не до пьянки. Встреча с земляком, другом детства, выбила его из колеи. Находясь в самой гуще черной армии, при ее штабе, он уже многое понял, убедился, что ему вовсе не по пути с разгульной кулацко-махновской вольницей. Взбудоражил также его да и многих других неожиданный переход к красным видных членов махновского «реввоенсовета». Здравый крестьянский инстинкт подсказывал Халупе верное решение. Но каждый раз в ту самую минуту, когда он собирался сделать разумный шаг, всплывала в памяти станция Помошиая, встреча с молодым бородатым командиром. И не то пугало Халупу, что он несколько раз ударил Анулова, а то, что решительно сказал ему: «Не дождешься!» Выходит, бородатый тогда будто в воду смотрел.

— Пей, Свирид! — Каретник наполнил самогоном стакан, подал его Халупе.

— За ваше здоровье, товарищ корпусной! — Свирид выпил, понюхал обшлаг шинели.

— Так что же это выходит? — атаман пронизал помощника коменданта подозрительным взглядом. — Старая гвардия батька и та стала хитаться? Перед всем народом ты, Халупа, смарал нашего боевика товарища Попова.

— Что думаю, то говорю, — ответил Свирид. — Я не раз слышал от самого батька: свободно то общество, где свободен человек.

— Ты как попка-дурак! — вскипел махновский комкор. — У людей ум в башке, а у тебя он в черной твоей бороде. Забил тебе мозги патлатый апостол Семка Барон. А того не понимаешь, что зараз решается вопрос — жить нам или не жить.

— Мой друг Гайдук хоть и красный, а честный человек, не

чей-то там наймит. Я сказал голую правду. А нам, если жить, товарищ Каретник, то надо жить с правдой. За это подставлял я башку под пули.

— Что? Обратно захотелось тебе чрезвычайки, реквизиций, продразверстки, большевистских комиссаров? За что боролись два года? За что кровь проливали?

— За свободу! — ответил Свирид. — Царь — это я!

— Дерьмо ты, а не царь, хоть и моряцкого племени. Каретник зло плеснул в лицо Халупе полный стакан самогона.

Свирид от неожиданности прикусил язык. Потом, сжав кулаки, сделал шаг вперед. Однако вовремя одумался, окинув затуманенным взглядом свирепые лица атамановских собутыльников. Стиснул в руке папаху, вытер ею лицо, бороду. Нахлобучил шапку до самых ушей. При этом сдвинулась черная повязка, обнажив пустую глазницу. Гневно посмотрев единственным глазом на атамана, помощник коменданта с укором процедил сквозь зубы:

— Пьяные боцмана и мичмана не жалели для нашего брата кулаков. Но чтобы плюхать в морду самогон, этого не было. Вот оно твое, Каретник, царство свободы. Собачья свобода.

Дружки атамана ринулись с пьяным ревом на вольнодумца. Халупа сорвал со своей головы папаху, швырнул ее в лампу. Свет погас. В темноте загремели выстрелы. Свирид могучим плечом высадил оконную раму и прыгнул вниз со второго этажа…

10 января Махно со всей своей «гвардией» покинул Александровск. Кичкасская переправа, которую охраняли красноармейцы, ему не понадобилась. Он ушел из города на восток, в сторону Гуляй-Поля. 11 января. 45-я дивизия приступила к операции против махновцев. Третья бригада Голубенко разоружила первый махновский корпус в районе Варваровка — Чумаки. Двести пятьдесят махновских кавалеристов при этом вступили в бригаду.

В районе Шолохова бригада Каменского 13 января разоружила четвертый корпус Махно. Добровольно перешли на сторону Красной Армии тринадцатый стрелковый махновский полк, Екатеринославский, Верхне-Днепровский, Весело-Терновский отряды и полк сечевых стрельцов.

В тот же день в Никополе в полном составе, с оружием и конями, но без черного махновского знамени, влился в состав 45-й дивизии «стальной полк» имени батьки Махно. Его командиру Берковскому Якир доверил конную разведку 403-го полка. За счет перехода махновцев пополнились все полки дивизии. Кроме того, в Александровск и Никополь было эвакуировано несколько тысяч тифозных чернознаменников.

Махно в течение нескольких дней потерял большую часть своих вооруженных сил. Одна треть ее влилась в состав 45-й дивизии. Многие махновцы разбрелись по домам. Гордиев узел был разрублен. Эта победа досталась большевикам без крови, чему особенно радовался Якир. Приехав в Александровск, он отдал бригадам приказ двигаться на запад. Иона Эммануилович понимал, что теперь Махно вряд ли осмелится открыто выступить против Красной Армии.

И в самом деле, ряды махновцев здорово поредели. Однако их главарь и его приближенные — Каретник, Петренко, Федорченко и Чирва, ускользнувшие с небольшими отрядами своих приверженцев от удара еще до истечения срока ультиматума, вскоре снова бросили вызов Советам.

Для борьбы с махновскими бандами на юге Украины была оставлена дивизия латышских стрелков.

4. Снова Днестр

Сорок пятой дивизии, вновь устремившейся к Днестру, предстоял нелегкий путь. Особенно много забот легло на плечи ее «стариков». Тут и перевоспитание новых, пришедших в дивизию от Деникина и Махно людей, и политическая работа среди населения, в значительной своей части зараженного демагогией махновских агитаторов.

От Александровска до Тирасполя, раскинувшегося на левом берегу Днестра, в общем-то не так уж далеко — по прямой верст пятьсот. Но это для птичьих крыльев, а для солдатских ног и в шестьсот не уложиться! Словом, в полтора раза больше пути, пройденного в сентябре войсками Южной группы. Но разве сравнить обстановку тех черных дней с нынешней?! Ведь тогда бессарабцы, одесситы, подоляне с горьким чувством прощались с родными местами, как говорили некоторые из них, «бросали свое и шли защищать чужое». Теперь же с каждым днем, с каждым часом они приближались к Одессе, к Днестру, к Подолии.

Среди бойцов велись разговоры, будто теперь румынская армия для них трын-трава и Днестр, тем более замерзший, препоной не будет. В действительности все оказалось гораздо сложнее. Если «махновская проблема» на берегах Днепра стала предметом высокой политики, то румынская на берегах Днестра — объектом высшей дипломатии.

Но это позже. А пока в полусотне верст от Никополя второй бригаде пришлось три дня, с 15 по 18 января, вести ожесточенные бои с 34-й пехотной дивизией генерала Склярова. Дивизия эта входила в состав киевской группы войск генерала Бредова, отступавшей под напором 44-й дивизии Дубового и 60-й — Крапивянского. Выход 14-й армии Уборевича в район Александровска вбил клин в деникинский фронт и разорвал его на две части — крымскую и одесскую.

Стал вновь советским Кривой Рог. Первая и третья бригады из дивизии Якира вышли на линию реки Ингулец. В эти дни вернулся из гатчинского госпиталя Котовский. Прежде чем ехать в Николаевку, где находился штаб второй бригады, он явился к начдиву.

— Крепко измотал вас сыпняк, Григорий Иванович, — тепло поздоровавшись, сказал Якир, глядя на исхудавшего комбрига.

— К-к-как-никак п-пуд в лазарете сбросил. Я теперь, товарищ начдив, слабосильная команда, — улыбнулся Котовский. — Зато мой к-конь скажет спасибо.

— Вот о конных делах у меня и будет разговор с вами.

Садитесь и слушайте, «слабосильная команда»! Небось подковы и сейчас гнете? В свою бригаду вам возвращаться не за чем. Пусть ею командует Каменский. Вы прошли хороший курс пехотного командира, а теперь будете кавалерийским начальником, командиром конной бригады.

— А где она, та б-б-бригада? — насторожился Котовский.

— В том-то и дело, что ее пока нет, — ответил Якир. — Бригаду вы создадите сами. Поезжайте в Лозоватку. Это в десяти верстах от Кривого Рога. Там стоит полк Няги. Он и составит ядро будущей бригады. Штаб дивизии приказал всем командирам пехотных бригад откомандировать в Лозоватку кавалерийские дивизионы. Из них создадите второй полк. Вот вам и кавбригада.

— И это все? Два полка? — разочарованно развел руками Григорий Иванович.

— Дорогой товарищ Котовский! — улыбнулся начдив. — Ведь дело вовсе не в количестве полков. Вон у Махно неделю назад было их с полсотни. А где они теперь, сами знаете. Главное — качество! Кто наш главный судья? Противник! И не столько генералы, сколько солдаты. Создадите вы конную бригаду, ее непременно прежде всего похвалят наши бойцы. Они очень любят, когда во время боя на флангах дерется, а иногда даже лишь маячит наша кавалерия. Конники Котовского! Уверен, что это будет звучать солидно. Но это не все. Надо, чтобы вас знали все деникинские солдаты и петлюровские гайдамаки. Вы, к примеру, еще далеко, а им уже мерещатся всадники Котовского. Вот тогда можно будет сказать, что вашей бригаде нет цены.

— Ну что ж, — согласился будущий командир кавбригады. — Многие царские тюремщики знали арестанта Гришку Котовского, а теперь все контрики узнают кавалерийского комбрига Григория Котовского. Вспомнил, Иона Эммануилович: «Если прорвется одна сабля, она потянет за собой сотни других». Быть по сему!

— Надеюсь, что вы носа не задерете, Григорий Иванович, и о дружбе со своей старой сорок пятой дивизией не забудете? — лукаво прищурившись, спросил Якир и положил руку на крепкое плечо земляка.

— Сорок пятая — это наша боевая семья! — ответил Котовский.

Якир извлек из-за пояса карту, развернул ее на столе:

— Смотрите сюда, Григорий Иванович. Вот в этом пространстве между Днепром и Збручем — беляки. Идут они из-под Киева и Житомира. Тут изрядно потрепанные войска генералов Павловского, Склярова, Мартынова, Стесселя. До сих пор их гнали с севера на юг дивизии Княгницкого, Дубового, Крапивянского. Но опять зашевелились наши старые противники

— пан Пилсудский и добродий[14] Петлюра. Пятьдесят восьмой, сорок четвертой и шестидесятой дивизиям пришлось круто развернуться на запад. К югу они выставили лишь заслоны. Беляки очутились теперь как в шприце. Сначала поршень их выжимал с севера, сейчас с востока. Теперь роль поршня будут играть наша сорок пятая и соседняя слева сорок первая дивизия Осадчего. Снова, как и летом, нам придется раскинуть части очень широко. Театр войны обширный, а сил — раз, два и обчелся. Там, где в мировую войну разворачивались целые армии, сейчас мы обходимся бригадами, а то и полками. Ничего удивительного в этом нет: царь поставил под ружье восемнадцать миллионов, а в Красной Армии только пять миллионов бойцов. Ну теперь о наших силах. Пока они еще в кулаке. А дальше третья бригада выходит на Черный Ташлык к Ново-Украинке и Помошной, первая и вторая — на Южный Буг к Вознесенску и Веселинову. Вот на каком фронте раскинется наша дивизия! Все сто верст! Теперь учтите, каково придется вашей новой кавалерийской бригаде.

— Учту, товарищ начдив! Не забуду девиз сорок пятой: «Всегда вперед!».

— И еще запомните, товарищ Котовский, с кем придется иметь дело. Все мобилизованное, насильно поставленное Деникиным под ружье уже отсеялось, дезертировало. Остались те, кого объединяет классовая ненависть к Красной Армии или же боязнь расплаты. Тут и ветераны первых походов, и те, кто летом свергал в Одессе, Киеве, Житомире Советскую власть. Одним словом, оголтелые! Потому-то они с таким остервенением и дрались четыре дня у Апостолова.

— Там, я слышал, бывшая моя бригада отличилась. Хорошо дрались земляки, набили морду оголтелым! — восторженно проговорил Котовский.

— Все показали себя хорошо, — поправил его начдив и продолжал: — Так вот, Григорий Иванович, поезжайте в Лозоватку. Действуйте. Надеюсь не позднее двадцать второго января получить от вас донесение о том, что бригада сформирована и готова к боям. Срок короткий. Но, сами знаете, время такое. Страна уже знает вожаков конницы Буденного, Примакова, Каширина, Думенко, Жлобу, Блинова, Гая. Уверен, теперь она узнает и Котовского. Буду гордиться, что нового славного конника дала боевая сорок пятая!

В тот же день Котовский вместе с эскадроном Ионы Гайдука отправился к месту формирования новой бригады. По дороге Григорий Иванович, знавший почти всех командиров сорок пятой, особенно конников, обратил внимание на одноглазого взводного.

Поравнялся с ним, спросил:

— Новичок? Как запахло мамалыгой, так пристал, к сорок пятой. Небось перебежал из сорок первой, покинул батьку Осадчего!

— Да, товарищ Котовский, покинул батька, только не Осадчего, а Махно, — ответил Халупа. — И не через то, что запахло мамалыгой, а через то, что запахло дерьмом. Вот ушел, хотя и знался с ним не день и не два. Один ваш говорил, что так оно и будет. Я ему ответил: «Не дождешься!» А вышло, что ваш товарищ дождался.

— Ты, борода, левый эсер, анархист или еще там какой-нибудь партии?

— Нет, я кругом беспартийный.

— Вот и я беспартийный. Только не кругом, а так, наполовину. Одно скажу — запомни это крепко, потому что теперь ты уже служишь в бригаде Котовского, — я пока не коммунист, но всякий, кто идет против коммунистов, идет и против меня. А дальше вот что: за свою службу у Махно не сомневайся, воюй честно за Советскую власть, будет тебе почет и уважение. Я и сам когда-то грешил — это было еще при царе, — признавал Кропоткина, а теперь понял: есть одна народная правда, ленинская. Вот ты и докажи, что верен этой ленинской правде не на словах, а на деле. Доказать еще можно. Не сегодня — завтра пойдем в бой на оголтелых.

— А что это? — изумился бывший махновец. — Новая партия объявилась — голотелые?

Подъехал Гайдук.

— Эх, Свирид, Свирид! До чего же ты необразованный, — с укором глядя на друга, проговорил он. — Ну ничего, у нас тебя в два счета образуют. Оголтелые — это не те, кого в бане или летом на Днестре можно встренуть. Это, которым все нипочем. Такая особая, трехсот тридцати трех святителей порода бешеных контриков.

С такой «особой породой» бешеных контриков и пришлось вскоре встретиться дивизии Якира.

Части второго добровольческого корпуса генерала Павловского через Долинскую пробивались к югу. Деникинская офицерня, невзирая на стужу и морозы лезла напролом. Каждому из них мерещился Крым, где по указанию Деникина генерал Слащев собирал остатки разбитых белогвардейских корпусов и дивизий.

Пока полки Каменского продолжали движение на Вознесенск, первая и третья бригады 45-й дивизии, а вместе с ними вновь сформированная кавалерийская Котовского, 22 и 23 января

отбивали яростные атаки белогвардейцев в районе Долинская — Казанки. Не дав четырем дивизиям генерала Павловского прорваться в Крым, Якир, не меняя маршрута для бригады Каменского, продвигавшейся к станции Помошная, остальными силами гнал беляков на Вознесенск. Левее, с осью движения на Николаев, наступала 41-я дивизия Осадчего.

Пять дней части дивизии Якира вели тяжелые бои с войсками генерала Павловского на Южном Буге у Вознесенска и три дня уже за этим рубежом у Веселинова. И здесь сорок пятая дивизия снова сорвала отчаянную попытку деникинцев пробиться через Николаев и Херсон в Крым. Белые повернули на Березовку, но и там не удержались. 3 февраля Березовка стала советской. В тот же день бригада Голубенко вошла в Голту, в ста верстах севернее Березовки. До Одессы осталось семьдесят верст.

Командующий 14-й армией Уборевич приказал 41-й дивизии освободить Одессу, а 45-й — выйти на линию Рыбница — Маяки и занять на Днестре все переправы.

Таким образом, сорок пятой предстояло вернуться к тому же рубежу, который она занимала летом минувшего года. Однако теперь вправо от Рудницы, где действовали, как и в прошлом году, петлюровцы, наступали левофланговые части 12-й армии. В тот же день командарм обязал Якира направить в помощь Осадчему — к Одессе — бригаду Левензона и кавалеристов Котовского.

4 и 5 февраля бригада Каменского сдерживала на линии Николаевка — Демидовка рвавшуюся к Тирасполю сильную группу генерала Бредова. В этом бою дивизия потеряла лучшего командира полка Федора Криворучко (однофамильца кавалериста), создателя Ямпольского партизанского отряда, из которого и вырос боевой 402-й полк. Со своей «золотой братвой» — так Федор Криворучко звал бойцов — он колотил австро-венгерских оккупантов, петлюровцев, деникинцев, совершил поход от Балты к Житомиру, от Глухова к Александровску, от Александровска к Днестру. Всего несколько дней оставалось до исполнения его заветной мечты — до возвращения в родную Ямпольщину. Но не дождался Федор этого светлого дня. У Николаевки Якир не мог создать перевеса в силах, потому что бригада Голубенко находилась в ста двадцати верстах у Бирзулы, а бригады Левензона и Котовского, выполняя приказ командарма, приближались к Одессе. Бригаде Каменского пришлось поэтому выдержать очень трудное, тяжелое сражение.

7 февраля 1920 года была очищена от белых Одесса, и дивизия Якира уже в полном составе продолжала движение на запад, отбрасывая группы генералов Бредова и Павловского к

Днестру. Поршень шприца все больше и больше сжимал три плотных сгустка белогвардейцев в районе Маяков и Овидиополя, Тирасполя и Слободзеи, Рыбницы и Выхватинцев.

Для ветеранов сорок пятой наступили волнующие дни. Многие из них надеялись, что румыны пропустят деникинцев в Бессарабию и тогда, преследуя беляков, на законном основании можно будет хлынуть вслед за ними на родную землю. Но румыны, понимая, чем грозит им такое «гостеприимство», выставили против беляков стену пулеметов. За крупные суммы денег румынские офицеры, правда, пропускали к себе некоторых белогвардейских офицеров, да и то только ночью, остальные же борцы «за единую, неделимую», укрывшись в днестровских камышах, решили биться до последнего патрона.

Ликвидация остатков белогвардейских сил на этом участке была завершена частями дивизии Якира 18 февраля 1920 года: весь левый берег Днестра, от Ямполя до Днестровского лимана, стал советским.

Красноармейцы и командиры, вняв доводам командования, дали слово не переходить линию Днестра. Это была трудная клятва: ведь там, за замерзшей рекой была их родная земля, томились в помещичьей неволе их семьи. Но такой клятвы требовали интересы революции, интересы Советской республики.

5. Питомцы Ватикана

Слава о крупных победах Красной Армии разнеслась по всей Советской республике и шагнула далеко за ее пределы. 16 января 1920 года Антанта возвестила о снятии блокады с Советской России и в то же время продолжала гнать транспорты с боевым имуществом Врангелю, окопавшемуся в Крыму за Перекопским валом.

Весть о взятии красными Одессы дошла и до Жмеринки, где отсиживался со своими воинственными галичанами генерал Микитка.

На станцию Вапнярка, только что освобожденную от белых передовыми частями сорок пятой дивизии, 8 февраля явились представители генерала Микитки с весьма заманчивым предложением: галицийский генералитет, возвестив о полном разрыве с Деникиным, изъявил готовность вступить в контакт с Красной Армией.

Когда Якиру сообщили об этом, он сказал:

— Не ахти какой, но все же союзник. И раз галичане просятся к нам, значит, мы сила! Летом стал брать верх Петлюра — они пошли с ним. Осенью повезло поборникам «единой, неделимой» — галичане переметнулись к Деникину. Школа Ватикана: раз ты не наиболее сильный, ты должен быть наиболее ловким.

— Контакт так контакт, — сказал в свою очередь Гарькавый. — Кстати и проверим их. Всю зиму они прикрывали левый фланг генерала Шиллинга, обороняли линию Вапнярка — Одесса от советских партизан и своих вчерашних друзей петлюровцев. Пошлем их к Рыбнице добивать группу Шиллинга.

— Пока Микитка соберется добивать деникинцев, тифозная вошь добьет его сечевиков. Без нашей помощи — им всем амба. Район Жмеринка — Бердичев надо взять под строгий карантин, — распорядился Якир.

Переговоры длились недолго. Обе стороны с санкции Главного командования сошлись на том, что штаб генерала Микитки ликвидируется, Красная Армия берет галицийские вооруженные силы под свое командование, а в части направляет военных комиссаров из коммунистов-галичан. Было договорено, что из полков удаляются паны-отцы, фельдкураты[15], а на солдатских кепи трезуб[16] заменяется красноармейской звездой.

Две бригады сечевых стрельцов были переданы 45-й дивизии, по одной бригаде получили 22-я и 60-я дивизии. Кавалерийский полк Шепаровича также вошел в подчинение Якиру. Это были те самые сечевики-кавалеристы, которые в конце августа, выполняя

приказ Петлюры, окружили две бригады 45-й дивизии под Крыжополем и Бершадью.

После ликвидации деникинских группировок на подступах к Днестру и в его пойме 45-я дивизия совсем недолго оставалась в районе Одессы, Тирасполя, Брацлава. Вместе с молодой, но уже хорошо показавшей себя кавалерийской бригадой Котовского она вскоре двинулась на север.

Затосковали Иона Гайдук, новый взводный Халупа и те бойцы, которых одноглазый матрос привел из-за Днестра. До озера Катлабух, что примыкает к Килийскому гирлу Дуная, не так уж далеко — пустяки в сравнении с пройденными верстами. Озеро и возле него родное село Богатое не выходили из головы. И все же Гайдуку было легче, нежели тем товарищам, перед глазами которых далеко видимая с восточного берега, запорошенная снегом простиралась родная бессарабская земля с раскинувшимися на ней дорогими сердцу селами и деревнями Булаешты, Суслены, Пугачены, Шерпены, Яниканы, Олонешты… Главная препона, конечно, не румынские патрули, не замерзший Днестр, а солдатское слово, данное начдиву. Ведь и Якиру хотелось бы побывать в родном Кишиневе. Сколько до него от Дубоссарской излучины? Каких-нибудь десять верст. Если они, рядовые бессарабцы, дали слово не переступать Днестра, то и он, начдив, очевидно, дал такое же слово кому-нибудь там повыше — в штабе армии, фронта, а может, в самой Москве.

А между тем многие бойцы и командиры получили долгожданные, хотя и очень кратковременные, отпуска, разъехались в Тилигуло-Березанку, Тридубы, Голту, Ананьев, Ямполь, Кучурган, Плоское… Плосковцам повезло больше других. Якир так наметил маршруты колонн, что 400-й полк Колесникова не только попал в родное село, но и имел там двухдневную стоянку. Хлебом-солью, красными флагами, колокольным звоном встречало Плоское своих земляков. Не то, что в июле прошлого года, когда село, взбудораженное изменниками Батуриным и Кожемяченко, схватилось за дрюки.

В первый же день, как только полк вступил в Плоское, Иван Колесников побывал на кладбище. Положил на могилу сына пучок пушистых, рано расцветших веток вербы.

…Галицийских сечевиков отвели в тыл. Их место на фронте заняли части Красной Армии. Дивизия Якира из-под Одессы, Тирасполя, Брацлава двинулась к Жмеринке.

Антанта, объявив о снятии блокады с Республики Советов, все еще не теряла надежды на разгром Красной Армии. Просчитавшись на Деникине, империалисты, пустили в ход Врангеля, а особое внимание оказали Пилсудскому, Петлюре.

Если раньше, боясь деникинского лозунга «единая, неделимая», эти наемники выжидали, чем кончится советско-деникинское единоборство, то теперь они сами готовились к нападению. Вашингтон, Лондон и Париж не скупились: варшавские и львовские цейхгаузы трещали от заморского добра — оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия.

Всю весну 1920 года 45-я дивизия на фронте Летичев — Комаровцы — Бар, а 60-я — на линии Бар — Могилев-Подольский отбивали яростные атаки легионов Пилсудского и гайдамаков Петлюры. Сказывался численный перевес врага. Боевой порыв, которым еще недавно были охвачены советские дивизии, гоня врагов от Орла к берегам Черного моря, несколько поостыл. Неоднократные попытки коротким ударом опрокинуть белополяков и жовтоблакитников, отбросить их к Збручу не увенчались успехом. Да и Главное командование Красной Армии, озадаченное возросшим сопротивлением белогвардейцев на Кавказе и в Крыму, не уделяло должного внимания белопольскому фронту, хотя Ленин неоднократно предупреждал Главкома о возросшей опасности с запада.

Число активных бойцов в дивизии Якира сократилось до двух тысяч: сказались и тиф, и тяжелые потери в боях. Рота в десять — двенадцать штыков занимала участок в один километр. Против 45-й дивизии действовали не менее семи тысяч легионеров.

Якир со дня на день ждал пополнения. В Литине, Жмеринке, Виннице в теплых казармах, в светлых госпиталях, избавившись от страшнейшей «египетской казни» — вшей, долечивались отвоеванные у смерти тысячи галицийских стрелков. Иона Эммануилович в сопровождении начальника снабжения и дивизионного врача посетил гарнизоны, где лечились галичане, потребовал, чтобы получаемые на армейских складах обмундирование, белье, пайки, медикаменты в первую очередь направлялись в новые бригады. Все, кроме боеприпасов, которые были необходимы на фронте.

В Микулинцах, вблизи Литина, Якир поднял по тревоге бригаду Головинского и провел с ней полевое учение. Начдив остался доволен строевой выправкой, дисциплиной, тактической выучкой командного состава. Спросил бойцов, читают ли они «Голос красноармейца». Многие ответили, что больше читают газету «Червоний стрілець», которую редактировал в то время писатель Мирослав Ирчан.

Комиссар бригады Ткалун обстоятельно доложил Якиру, что бойцы рвутся в Галицию, старшины[17] сторонятся комиссаров, скучают по панам-отцам. Кое-кто из них и трезуб не снимает.

Тогда все в дивизии полагали, что отдохнувшие и окрепшие

галицийские бригады, получив задание прорваться в Галицию, станут крепкой опорой старым полкам. Ради этого, думал начдив, стоило отказать во многом самом необходимом даже ветеранам.

В Виннице Якир побывал в кавалерийском полку. После смотра Шепарович спешил кавалеристов. К казармам, свернув с шоссе, приближалась двуколка. Бойцы оживились:

— Хлопці, червоный дід везе нам «Червоного стрільця»!

— Пан Теслер, то вельмі файна людина!

— А вы знаете товарища Теслера? — спросил начдив.

— О, ми Всі дуже його поважаемо, — сверкая белыми зубами, ответил подтянутый, лощеный Шепарович. — Як же його не поважати, пан товарищ дивизійий генерал? Він же нам постачае не аби яку, а духовну їжу.

Пока Якир проверял боевую готовность нового пополнения, в Варшаве встретились и примирились «непримиримые» враги Пилсудский и Петлюра. Бывали в истории случаи, когда державы теряли свои армии. А вот в 1919 году случилось так, что две армии потеряли свою родину. Гайдамацкая лишилась ее в борьбе против своего народа, галицийская — под натиском легионов Пилсудского. Потеряв отечество, Петлюра продал свой меч польской шляхте. За это она обязалась отвоевать для него Украину, а он признал право Польши на галицийские земли. Петлюра, не задумываясь, подписывал договоры. Год назад он с такой же легкостью признал право англичан и французов на шахты Донбасса и на железные дороги Украины.

15 апреля, когда галицийские бригады достаточно окрепли, Якир подтянул их ближе к фронту. Бригаде Головинского приказал занять оборону на участке Комаровцы — Клопотовцы.

Сорок пятая дивизия готовилась к наступлению, которое обещало быть успешным. Но тут случилось неожиданное. В ночь на 23 апреля в Волковинцы прибежал запыхавшийся военком хозчасти 6-го галицийского полка Ростыкус. Немного успокоившись, он рассказал, что старшины арестовали всех комиссаров в полку и повели их на расстрел. Бежать удалось лишь ему одному. Из разговоров панов старшин, которые довелось слышать Ростыкусу, было ясно, что 6-й галицийский полк изменил Красной Армии, переметнулся к врагу.

Днем 23 апреля мятеж охватил все галицийские бригады, за исключением первого полка, оставшегося верным советскому знамени. Галичане заняли в тылу советских войск Бердичев, Казатин, Винницу. В очень тяжелом положении оказались войска 12-й армии. Им пришлось отбиваться с фронта от наседавших легионеров и гайдамаков, а с тыла от вероломного партнера — сечевиков.

Да, Ватикан не спал! Не спали и удаленные из галицийских полков паны-отцы. Одни связались с Петлюрой, другие — с его атаманом Шепелем в литинских лесах, третьи — с белополяками. Вскоре все командиры изменивших галицийских бригад получили приказ Петлюры: «Идите в Галицию на помощь вашим братьям и сестрам». И это писала та же рука, которая поставила свою подпись под документом, навечно отдававшим Галицию польской шляхте!

Вечером 23 апреля Теслер на своей двуколке привез в полк Шепаровича кипу свежих газет. Старик еще не знал о мятеже. Правда, он удивился, что никто не поспешил, как обычно, ему навстречу за новостями. Прихватив перевязанную шворкой пачку газет, Теслер направился в штаб. Подойдя к комнате, которую занимал Шепарович, старик носком сапога толкнул дверь. Но что это? Теслер машинально заслонил глаза пачкой газет. И тут же сквозь шум других голосов услышал голос Шепаровича:

— Пан товарищ комиссар! Я — сын цісарского полковника, сам полковник. Я — європеец и не стану забруднювати о вас руки. Досить попрацювали наші старшини. До стінки, пан товарищ комиссар! — истерично крикнул Шепарович, потом забормотал негромко, будто читая молитву. — Слава пану Езусу. Кінець більшовицькому ярму, кінець азіатщині. Ми знову — авангард цивілізованої Європи.

Комиссар Дидуник, в изодранном френче, едва шевеля окровавленным ртом, презрительно произнес:

— Панскими холуями вы народились, панскими холуями и сдохнете. Хай живе радяньска Галичина!..

Шепарович выстрелил. В этом не было ничего нового. Все изменники начинали с расстрела комиссаров.

Старый Теслер, чтобы не упасть, прислонился плечом к косяку двери. Затем он поднял обе руки и, держа над собой пачку свежих газет, закричал:

— Так ви, гады, відплачуете за хліб-сіль? — Подойдя ближе к Шепаровичу, бросил на стол сверток с газетами, продолжал: — Ну, чего чекаешь? Стреляй і мене, жовтоблакітна собака…

Шепарович нахмурился. Но кровь тянет за собой кровь. «Європеец» взметнул обнаженным клинком:

— На тебе, сліпий мерін, і кулі жалко…

Теслер замертво свалился рядом с комиссаром Дидуником.

Вот так питомцы Ватикана заплатили за советский хлеб-соль, за тысячи жизней, спасенных от голодной смерти и от тифозной вши.

Тяжело пришлось в этот день «железным ребятам» — курсантам дивизионной школы младших командиров и ее

комиссару Корытному. Школа приняла на себя основной удар мятежников. Атакованный и наполовину разгромленный галичанами штаб Якира отошел в северное предместье Винницы — Ерусалимку. Там за Бугом люди сразу же занялись восстановлением связи с фронтовыми частями. Спустя час все три бригады уже были на проводе. Не отзывался лишь штаб Котовского, находившийся в Калиновке.

На линию послали Бориса Церковного. Рыжий морзист с аппаратом Эриксона под мышкой покинул штабной двор. За Бугом, захлебываясь, трещал тяжелый кольт. Пули назойливым роем жужжали вокруг. Одна из них сразила проходившего по улице курсанта. Церковный бросился на помощь, опустился на колено, приложил ухо к груди бойца. Затем, покачав головой, подобрал ручной пулемет убитого, направился к окраине поселка.

— Правильно сделал, Борька, — крикнул ему появившийся невесть откуда Гарькавый. — Эта штука тебе пригодится.

В поле Церковный нашел оборванные концы провода, связал их, включил Эриксон. Но Калиновка не отвечала. Связист пошел дальше. Устранил еще один порыв. И опять Калиновка молчала. Перевалив через бугор, Церковный увидел группу сечевиков, двигавшихся ему наперерез от Буга. Что делать? Отходить? Но сечевики явно устремляются к Ерусалимке. Неожиданный удар с тыла сорвет только что наладившуюся работу штаба. Как же быть? Есть еще возможность незаметно отойти в кусты, спастись бегством. Но это не выход из положения. Что он тогда ответит начдиву? И Борис решил задержать сечевиков. Залег, выдвинул вперед Эриксон — хорошее укрытие для головы. Прильнул щекой к пулемету, нажал спусковой крючок.

Ошарашенные неожиданной пулеметной очередью, сечевики как по команде свалились на землю и тут же открыли по связисту ответный огонь. Пули щелкали по аппарату. Борис, вобрав голову в плечи, не прекращал стрельбы. Тут его осенило. Он стал вести огонь по азбуке Морзе — точка-тире, точка-тире: «Отбиваю атаку галичан точка Меня окружают точка Держусь точка Борис Церковный точка».

В штабном дворе услышали позывные. Боевая группа во главе с Якиром бросилась бегом по дороге на Калиновку, с ходу отбила атаку галичан, выручила Церковного.

Когда бой закончился, начдив, пожимая Борису руку и улыбаясь, сказал:

— Однако, ты, оказывается, мастер не только отстукивать на морзянке…

— Служу трудовому народу! — ответил Церковный и, вскинув поклеванный пулями аппарат за плечо, двинулся дальше,

в сторону Калиновки.

Поздно вечером морзиста вызвал к себе Якир. Бориса сразу насторожило необычно хмурое лицо начдива.

— Сегодня, товарищ Церковный, ты с честью выдержал экзамен на взводного, — не совсем обычно начал Якир. — Но это не единственное испытание…

Связист после этих слов вовсе переполошился. А начдив продолжал:

— Крепись, Борис. Сечевики посекли шофера штабного грузовика. Твой брат Михаил Церковный, замечательный советский боец, пал смертью героя. Захваченный галичанами, он наотрез отказался служить изменникам.

— Эх, Мишка, Мишка, — тихо, одними губами, произнес морзист и стиснул кулаки. Не стесняясь слабости, смахнул набежавшую слезу: — Припомню я это петлюровской сволочи…

— Осиротели твои племяши, Борис! — мягко сказал Якир. — Ты не забывай их.

— Пока я жив, они не сироты, товарищ начдив, — ответил Церковный. — Я заменю им отца.

— Вот и хорошо. Будет у них отец-краснознаменец. Подписали мы с военкомом бумагу, хлопочем о награждении тебя орденом. Ты честно заслужил его храбростью и смекалкой.

— Спасибо, товарищ начдив, на добром слове. Но если давать орден, то не мне, а Мише посмертно. Он — настоящий герой, а не я.

— Хорошо, подумаем об этом. А теперь вот что, Борис: получай у товарища Гарькавого направление. Принимай взвод в Особом полку. Кончится волынка с сечевиками, отпустим тебя в Одессу навестить малышей. А кого наградить орденом — начальству виднее…

6. Фастовская группа

Слуги Антанты и Ватикана надеялись, что бунт галичан, как и мятеж чехословацкого корпуса в мае 1918 года, послужит сигналом к широкому антисоветскому восстанию в тылу Красной Армии. В первую очередь они рассчитывали на поддержку бунтовщиков стрелецкими запасными частями, размещавшимися в Киеве, в Бендерских казармах на Брест-Литовском шоссе. Но надежды вдохновителей мятежа не оправдались.

Заслушав 27 апреля доклады коммунистов-галичан Порайко, Конара, Нагуляка, стрельцы запасных частей заклеймили позором галичан-изменников. Стрелецкое «вече» постановило создать галицийский полк для пополнения 45-й дивизии, более всего пострадавшей от предательства сечевиков.

Их мятеж нанес ущерб не только этой дивизии. Захватив Казатин, Бердичев, Винницу, сечевики генерала Микитки на трехсотверстном участке фронта открыли дорогу интервентам. Дрогнула, зашаталась оборона советских войск от Припяти до Днестра.

Пилсудский бросил на Киев мощный кулак из шести пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады — всю свою 3-ю ударную армию. Вышибленный из Киева войсками белого генерала Бредова 31 августа 1919 года, Петлюра тоже рвался теперь со своей недобитой армией в столицу Украины. У Пилсудского же были свои расчеты. Он разрешил включить в состав ударной армии лишь одну петлюровскую дивизию. Пропагандисты интервентов изображали дело так: 6-я стрелецкая дивизия генерала Безручко идет, дескать, освобождать от большевиков свою столицу, а поляки любезно согласились помочь в этом украинскому генералу. Головной атаман пан Петлюра в своем манифесте к украинскому народу от 27 апреля 1920 года явную агрессию Пилсудского также расценивал как «братскую помощь многострадальной Украине».

Не один Петлюра возлагал в те дни большие надежды на Пилсудского. Вся контрреволюция — и украинская, и белорусская, и русская — полагалась на помощь с берегов Вислы. Писатели-эмигранты Мережковский, Зинаида Гиппиус, Философов страстно призывали Пилсудского «разрушить царство анархии, спасти Россию от большевиков».

С юга операцию ударных сил Пилсудского обеспечивали три армии. Вторая (три дивизии) наступала на Белую Церковь — Канев, шестая (две дивизии) — на Умань — Черкассы и петлюровская (около пяти дивизий) заслоняла фланги 6-й

польской армии от ударов красных со стороны Одессы.

Командующий 12-й советской армией Меженинов и командующий Юго-Западным фронтом Егоров, стараясь закрыть прорехи, образовавшиеся в результате измены сечевиков, ввели в дело все резервы. Надо было защитить фланги — самые уязвимые места, куда устремились острия вражеских оперативных стрел.

Командующий фронтом Егоров в своем штабе в Александровске решал трудную задачу. Обстановка на юге неимоверно осложнилась. В Крыму за Перекопским валом засел барон Врангель. Его силы день ото дня росли за счет щедрой помощи Антанты. Чем дальше, тем труднее с ним бороться. А тут новая забота — под ударом Киев. Если Пилсудский пробьется к Днепру, зашевелится и барон Врангель. Ведь хозяин у всех у них один — Антанта.

Егорову было известно, что Главком по настоянию Ленина снял с Северного Кавказа Первую Конную армию под командованием Буденного. К концу мая ее головные части подтянутся к Умани и сразу же нависнут над флангами колонн интервентов. Пока же Умань — центр стокилометрового разрыва между 12-й и 14-й армиями — находится под ударом. Где-то в районе Казатина рейдируют уланы генерала Корницкого. Не ринутся ли они в глубокий тыл, чтобы захватить Умань? Тогда Первой Конной армии вместо удара по флангам врага придется вести обычное фронтальное сражение, и не на Киевщине, а значительно южнее, — может, на подступах к Кривому Рогу или Вознесенску.

Знал Егоров и о требовании Ставки, чтобы войска, разгромившие Колчака и двигавшиеся из Сибири к Перекопу, свернули на запад, к Киеву, для усиления 12-й армии Меженинова. Две дивизии этой армии — 58-я Княгницкого и 44-я во главе с Дубовым — находились под угрозой окружения и стремились прорваться из Полесья на линию Киев — Богуслав.

Командующему фронтом до зарезу была нужна дивизия, которая смогла бы не только оторваться от врага, но и, сохранив силы, совершить стремительный бросок из фронтового района к Умани, Тальному, Звенигородке. Нужен начдив, способный твердо держать в руках свои полки в этой трудной обстановке и обеспечить беспрепятственный выход Первой Конной армии в назначенный район. Проблема очень важная, но ни командарм Меженинов, войска которого действовали в районе Киева, ни Уборевич, находившийся со своей 14-й армией в районе Жмеринки, не имели возможности вплотную заняться этой проблемой. На них и без того в последние дни свалилось слишком много забот.

«Кого же направить в район Умани?» — размышлял Егоров. По замыслу командующего фронтом избранный для этого начдив кроме своей дивизии должен получить в подчинение и те силы, которые окажутся на участке Умань — Днепр, создать нечто вроде самостоятельной армии, подчиненной непосредственно штабу фронта. Задача этой особой армии — не только заполнить уманский прорыв и заслонить с востока советскую конницу, удар которой намечен на Сквиру — Житомир, но и самой, упираясь правым флангом в Днепр, ударить на Обухов — Фастов во фланг 3-й армии интервентов.

Реввоенсовет фронта пришел к единодушному мнению, что из всех дивизий Правобережья только сорок пятой под силу сложный фланговый марш. Да и Якир — опытный начдив. Он способен возглавить Особую армию и повести ее в бой, как раньше вел соединения Южной группы.

…Несколько дней подряд сорок пятая дивизия вела тяжелые бои с наседавшей 18-й польской дивизией и с бригадами галичан в районе Межирова. 29 апреля ей удалось оторваться от противника. Якир стянул все части дивизии и конную бригаду Котовского в район Жмеринки. Там он и получил приказ командующего фронтом пробиваться к Умани, а там возглавить Особую армию, получившую впоследствии наименование Фастовская группа.

30 апреля, выполняя приказ командующего фронтом Егорова, дивизия несколькими колоннами двинулась на юго-восток. На привале у Красного бойцы обступили начдива. Все знали, что путь дивизии лежит на Тульчин. Это воскресило у бойцов старые надежды.

— Товарищ начдив, не к Бессарабии ли путь держим? — спрашивали Якира ветераны.

— Я и сам, товарищи, всей душой рвусь в родные края. Да вот выдали нам плацкарту совсем на другое направление, — отшучивался начдив.

— На какое? — интересовались красноармейцы.

— На очень важное, товарищи! — уже серьезно произнес Якир. — Решается судьба революции. Всем нам оказана высокая честь: мы будем сражаться за Киев. Нашей славной дивизии командование фронта доверило прикрыть фланги Конной армии. Сам Ленин шлет ее сюда на подмогу. Нам предстоит длинная дорога. Но это нам не в новинку. Осенью мы с вами отмахали с боями полтысячи верст с юга на север. Сейчас пойдем с запада на восток. Знаю, кое-кто говорит: «Пятки мажем!» Но это не бегство, не отступление, а маневр на гибель врага. Силы Красной Армии атакованы с трех сторон пилсудчиками, сечевиками,

петлюровцами. Чтобы собраться с силами для контрудара, нам надо стать спиной к стене! И эта стена — Днепр, родной брат Днестра. Понятно, товарищи? Жалко, конечно, оставлять города, села, жалко оставлять население под пятой оккупантов, но тяжелее потерять войско. Этот отход сохранит нам боевые силы, а с ними мы снова вернем села и города. Пусть пока радуются пан Пилсудский и пан Петлюра. Деникин тоже радовался, когда наступал, но недолго пришлось ему веселиться. Так же будет с Пилсудским и Петлюрой. Прошу помнить одно, товарищи, и крепко помнить: Деникину, чтобы пройти от Ростова до Орла, да еще летом, понадобилось полгода, а мы с вами всего за два месяца прошли значительно больший путь — от Орла до самого Черного моря, к тому же в стужу и метели. Напомню вам любимые слова покойного старика Теслера, все вы его знали: «Побольше бодрости!» Больше бодрости, веры в победу! Не сомневаюсь, что Пилсудскому и Петлюре придется покруче, чем Деникину. Ходят слухи, что следом за легионами Пилсудского движутся польские помещики, чтобы отобрать у крестьян землю. Польские, русские, украинские и другие тунеядцы ничуть не лучше наших бессарабских дук-кровососов. Вот ты, товарищ тезка, — Якир обратился к Гайдуку, стоявшему в первом ряду, — много имел земли возле озера Катлабух?

— Чих с гаком, товарищ начдив.

— Вот то-то! — начдив повел рукой к горизонту. — И вот эти поля до революции принадлежали какому-нибудь польскому пану. Может, самой графине Браницкой. Знаете, сколько у нее было земли? Хотя и без гака, но все двести тысяч десятин.

…Части сорок пятой дивизии продолжали продвигаться на юго-восток. Люди без ропота отмахивали в день по тридцать — сорок верст. А настроение? Тогда, осенью, во время Южного похода, не все верили, что существует еще Советская власть, что Красная Армия держится. Теперь каждый боец знал, что советские войска, хотя и отдали Киев, крепко уцепились за днепровские берега, и не сегодня-завтра к Умани подойдут передовые части грозной Красной кавалерии. Хотя чуть западнее, отбиваясь от интервентов, с рубежа на рубеж отходили полки 60-й стрелковой дивизии, а по линии железной дороги курсировали бронепоезда «Гроза» и «Смерть паразитам», Петлюре все же удалось выбросить через Вапнярку к Тульчину, наперерез сорок пятой дивизии, группу полковника Тютюнника, в состав которой входил и мятежный полк «европейца» Шепаровича.

5 мая конники Котовского разгромили группу Тютюнника у Кирнасовки и забрали его обозы. В этой жаркой схватке крепко поработал клинок нового взводного Свирида Халупы.

6 мая дивизия Якира, сделав бросок в шестьдесят верст, у Бершади переправилась на левый берег Южного Буга. Отсюда колонны дивизии круто повернули на северо-восток. Опрокидывая на пути многочисленные петлюровские банды, 10 мая они достигли Умани. За десять дней дивизия с боями совершила труднейший фланговый марш в триста верст.

У командования фронта рассеялись опасения за уманскую «пустоту». Сорок пятая, выполняя приказ Егорова, продолжала продвигаться дальше, на северо-восток. Выйдя в район Звенигородки, она 20 мая повернула на северо-запад. В Богуславе, Льнянке, Винграде появились польские уланы — конные авангарды генерала Корницкого, бросившегося вопреки ожиданиям Егорова не к Умани, а к Тараще. В это же время вошедшая в состав Фастовской группы 44-я дивизия Дубового отбивала натиск 7-й и 15-й пехотных дивизий интервентов на фронте Кагарлык — Богуслав. Правее, от Богуслава до Канева, дралась с интервентами бригада внутренних войск. Правый фланг Фастовской группы, состоявшей теперь из 24-х стрелковых и 4-х кавалерийских полков, прикрывала боевая Днепровская флотилия.

25 мая, когда колонны Первой Конной армии выходили на линию Ставище, командующий Фастовской группой Якир подписал приказ о наступлении.

На столе лежала испещренная цветными стрелами карта.

— Выдохся пан Пилсудский, — как бы подводя итог многодневным раздумьям, сказал Якир. — Черная пантера, сделав прыжок к Днепру, успела лишь когтями передних лап уцепиться за Бровары. Голова ее — в Киеве, грудь упирается в Белую Церковь, брюхо лежит в Гайсине, подбрюшье — в Тульчине. В Вапнярке, у хвоста пантеры, вертится петлюровский цуцик.

— Верно, что цуцик. Иного имени Петлюре не придумаешь, — усмехнулся Гарькавый.

— И к тому же шкодливый, — добавил комиссар Клименко.

— Картина получается довольно интересная, — продолжал Якир. — Пока двенадцатая армия держит пантеру за передние лапы и нацеливается на ее холку, наша Фастовская группа ударит по груди, Конная армия — в подгрудье, а четырнадцатая — по брюху. Кому-нибудь следовало бы ударить в подбрюшье, да жаль, червонные казаки Примакова, которые спешат к нам из-под Перекопа, еще где-то на марше. Ну, а с петлюровским цуциком, с его пятью дивизиями пока успешно справляется наша одна сорок первая во главе с Осадчим.

После некоторого раздумья Якир, придвинув к себе

документы, снова достал карандаш и написал на подлиннике боевого приказа и на всех его копиях: «45-я дивизия и на сей раз сделает свое дело».

28 мая войска Фастовской группы, тесня 15-ю, 7-ю пехотные дивизии интервентов и конницу Корницкого, вышли на линию Обухов — Ракитно — Володарка. Днепровская флотилия, прикрывая войска Якира со стороны реки, с боями заняла Триполье.

7. Киевская операция

Надежды пана Пилсудского на то, что появление на Крещатике дивизии гайдамаков будет с энтузиазмом встречено населением Киева, не оправдались. Киевляне не пришли в восторг. И это было закономерно: народ всегда презирал и презирает предателей. А то, что жовтоблакитники предали и продали украинский народ, особенно ярко подчеркивалось церемонией въезда «победителей» в столицу Украины. Вслед за познанскими легионерами по Брест-Литовскому шоссе катила открытая машина. В ней, дружно беседуя, сидели Пилсудский и Петлюра.

Заветная цель пана Петлюры вроде бы осуществилась: он в Киеве, на берегах Днепра. Но какой ценой? Об этом головной атаман старался не думать. 6 мая, в день вступления в Киев, он предписал всем галицийским бригадам собраться в районе Проскуров — Волочиск для отдыха и формирования. Очутившись на берегах Збруча, сечевики уже мечтали о возвращении в Галицию. Значит, по достоинству оценена их добрая услуга, не зря они открыли легионам Пилсудского путь на Киев.

Но по-иному решили Петлюра и Пилсудский: один воспитанник, а другой — поклонник иезуитской школы. Не без оснований полагая, что изменивший трижды изменит и в четвертый раз, они разоружили сечевиков, после чего загнали их в лагерь для военнопленных. Не избежал этой участи и Шепарович — самый активный деятель антисоветского мятежа. Мавр сделал свое дело. Классовая корысть толкнула Петлюру продать Украину польской шляхте. Без особых колебаний и угрызений совести продал он ей и галицийских стрельцов. Жулик обжулил жуликов.

Не только Петлюре, но и всем, кто слушал его «исторические» разглагольствования на площади у Софийского собора, было ясно, что 6-я дивизия генерала Безручко появилась в Киеве лишь по милости пана Пилсудского. Петлюра не мог даже похвастаться боевыми заслугами перед Пилсудским: ведь вся его «армия» в районе Днестра не могла сдвинуть с места одну 41-ю дивизию Осадчего.

Якир трезво оценил обстановку: враг выдохся. Правда, в руках пилсудчиков Киев. Но развить наступления в глубину или хотя бы выйти на широком фронте к Днепру от Киева до Херсона, чтобы оттуда протянуть руку Врангелю, у белополяков уже не было сил. К тому же Пилсудскому пришлось перебросить четыре дивизии с Украины в Белоруссию против Тухачевского. Это

значительно облегчило положение советских войск в районе Киева.

23 мая командующий фронтом Егоров, выполняя директиву Центрального Комитета партии и Главкома, принял решение о переходе войск фронта в решительное наступление, цель которого — уничтожить армию Пилсудского на Украине.

Тщательно разработанный штабом фронта план операции предусматривал: 12-я армия Меженинова форсирует Днепр у Киева, прорывается на Коростень, не дает интервентам уйти на север и запад; Конная армия Буденного прорывает оборону противника в районе Сквира — Казатин и выходит в тылы ударной группы генерала Рыдз-Смиглы; 14-я армия Уборевича сковывает 6-ю польскую армию и силы Петлюры на фронте Гайсин — Днестр. Фастовской группе Якира ставилась задача сковать противника на участке Васильков — Белая Церковь.

Якир хорошо знал: сковывать противника — это вовсе не значит привлекать его внимание вялыми атаками и стрельбой из-за надежных укрытий. Чтобы Конная армия могла прорваться на участке Сквира — Казатин, Фастовская группа должна была не только прикрывать ее правый фланг, но оттянуть на себя все резервы 7-й и 15-й белопольских дивизий. Для этого требовалось непрерывно тревожить противника на всем стокилометровом фронте от Днепра до Сквиры. Только так можно было успешно решить поставленную командованием фронта задачу.

Многовековой опыт войн говорит: мало сил у того, кто должен всюду быть наготове, а много у того, кто вынуждает другого быть наготове. Но времена линейной тактики ушли в прошлое, рассуждал Якир. Нельзя все шестьдесят шесть батальонов 45-й, 44-й дивизий и бригады ВОХРа равномерно распределить по всему фронту от Днепра до Володарки — меньше чем по батальону на версту. Поближе к правому флангу Первой Конной армии необходимо иметь войск больше, чем у Днепра. Якир решил 44-й дивизии отвести участок фронта в семьдесят верст, 45-й — в тридцать. Причем из этих тридцати для наиболее активных действий командующий наметил участок в десять верст от Ракитно до Насташки. На левом фланге этого ударного кулака приготовилась к атаке конная бригада Котовского.

Пробежав глазами отпечатанный на машинке приказ, Гарькавый положил его перед Якиром. Закурил, лукаво усмехнулся в густые усы и, как бы уточняя для себя содержание приказа, сказал:

— Выходит так, Иона Эммануилович: Уборевич своими тридцатью полками будет держать пана Пилсудского за правую

руку, мы своими двадцатью четырьмя и Днепровской флотилией — за левую, а Конная армия двадцатью шестью полками будет лупить ясновельможного пана по сопатке.

— Ну и хорошо! — улыбнулся Якир. — То, что и требовалось доказать…

— И я не говорю, что плохо, — продолжал Гарькавый. — Плохо другое. Наших людей ляжет не меньше, чем конармейцев, но никто не вспомнит их добрым словом. Весь успех будет приписан другим.

— Я не пойму, Илья. Ты что, завидуешь? — посмотрел на начальника штаба Якир.

— Не завидую, а вспомнил священное писание. Там сказано: «Кесарево кесарю, а богово богу…» Спроси сейчас любого бойца: «Кто разбил деникинцев под Касторной?» Он скажет: «Конный корпус Буденного». А ведь мало кто знает, что двадцати конным полкам помогали двадцать два пехотных. С правого фланга конников заслоняла сорок вторая дивизия, с левого — двенадцатая. Без этих заслонов был бы нашей коннице блин.

— Вот ты о чем! — кивнул Якир. — В этом и есть наше преимущество перед старой царской армией, Илья. Во время империалистической войны конницу похоронили, будто она себя изжила. А ведь на самом деле не конница изжила себя, Илья, а феодальные замашки царских генералов. В Восточной Пруссии погибала армия Самсонова, а соседняя армия Ренненкампфа не пришла ей на помощь. А когда попала в ловушку армия Ренненкампфа, умыл руки командовавший конницей хан Нахичеванский. Словом, по принципу «моя хата с краю…». Будь это царская армия, и сейчас бы можно было заранее сказать, что Первую Конную ждет провал. Не поддержали бы ее соседи. Демонстрировали бы видимость наступления и тем отбрехались бы перед начальством. Но это не наша, не советская философия! Она осуждалась в дни партизанщины, а тем более теперь.

— Все это я понимаю, Иона. Я говорю совсем о другом.

— О чем другом? О славе? Нам ее делить не с кем. Главное — стукнуть по голове пана Пилсудского, прогнать его с украинской земли, а славу, надеюсь, запишут всей Красной Армии. История все покажет и рано или поздно каждому воздаст по заслугам.

С 28 мая по 7 июня на всем фронте Фастовской группы не утихали жестокие бои. Непрестанно вели огонь по врагу матросы Днепровской флотилии. У Обухова и Узина командование 15-й пехотной дивизии легионеров вынуждено было ввести в бой все резервы, чтобы отразить атаки богунцев и таращанцев Ивана Дубового, удержаться на занятом рубеже. Днестровцы и бессарабцы, сопровождаемые боевыми тачанками, в недавнем

прошлом махновскими, неоднократно предпринимали штыковые атаки, опрокидывали легионеров, врывались в Насташку и Ольшанку. Однако, не выдержав контратак познанцев, они откатывались к Ракитному. Под Ольшанкой пал в бою командир второго полка бригады Котовского, ветеран 45-й дивизии Макаренко. Во главе полка стал друг Ионы Гайдука Николай Криворучко, тот, который мечтал о преженьце из десяти яиц. Эскадрон Николая Криворучко получил под свое командование взводный Макар Заноза.

Первые попытки Конной армии прорвать белопольский фронт не увенчались успехом. Это заставило Якира усилить нажим на Белую Церковь, чтоб оттянуть на себя силы интервентов.

Конная армия перестроила боевой порядок. Воспользовавшись дождливой погодой, она внезапно атаковала противника на узком участке в двенадцать верст в районе Самгородок — Березно. На каждую версту фронта атаки приходилось по пяти эскадронов, по три орудия, восемнадцати пулеметов и две бронемашины. Прикрытая справа войсками Фастовской группы, Конная армия прорвала фронт и вышла в тылы белополякам, затем, преодолевая сопротивление резервов двинулась на Бердичев и Житомир. Интервенты надолго запомнили роковой для них день — 5 июня 1920 года.

Сорок пятая дивизия, продвигаясь с боями на северо-запад, 8 июня освободила Белую Церковь, 9-го — Фастов, а 12 июня она была уже в Бердичеве. Сорок четвертая дивизия вышла к Василькову.

Войска 12-й армии — 58-я дивизия Княгницкого, 7-я дивизия донского казака Голикова, прибывшая с востока 25-я Чапаевская дивизия под командованием Кутякова, башкирская бригада Мусы Муртазина — форсировали Днепр в районе Киева, 11 июня освободили столицу Украины и погнали 3-ю ударную армию интервентов на Коростень.

Всего лишь неделю шиковали легионеры в Киеве. Почуяв угрозу с тыла, они растеряли на берегах Днепра вместе с вализками и кофрами[18] весь свой шик. 3-я армия Рыдз-Смиглы при поспешном отходе бросала обозы, лазареты, орудия. Угроза над нею нависла и с севера — со стороны Дымера и Бородянки, и с юга — со стороны Бышева и Брусилова. Если бы советские конники из Бердичева двинулись на Радомышль — Малин, а не на Житомир, они могли бы замкнуть кольцо вокруг войск Рыдз-Смиглы с запада. Но этого сделать не удалось. Тем не менее проскочить к Коростеню посчастливилось лишь нескольким частям ударной армии интервентов.

Киевская пощечина сбила спесь с пана Пилсудского, остудила

его воинственный пыл. «Освободители» Украины стремительно бежали по всему фронту от Броваров до Тульчина.

С выходом частей 12-й, Первой Конной армий и Фастовской группы на линию Малин — Житомир — Казатин Киевская операция достигла своей цели. К этому времени отпала необходимость в особой оперативной единице — Фастовской группе: 44-я дивизия вернулась в состав 12-й армии, а 45-я вошла в подчинение командования Первой Конной.

Когда основные силы сорок пятой дивизии входили в Бердичев, ее передовые части и конная бригада Котовского уже форсировали Случь у Нового Мирополя и Любара. В эти дни ростовчанин Копецкий привел в дивизию крепкое пополнение — батальон рабочих. Под Новым Мирополем они приняли первое боевое крещение.

Таким образом, начиная с 12 июня в течение более двух месяцев одни и те же боевые заботы, одни и те же радости и печали связывали Первую Конную армию Буденного и стрелковую дивизию Якира. По образному выражению Гарькавого, 45-я дивизия не раз держала Пилсудского то за правую, то за левую руку, пока Первая Конная лупила его по башке.

8. Цена побед

«Удивить — значит победить!» — говорил Суворов. Первая Конная армия, выйдя на оперативный простор, многократно ошеломляла интервентов неожиданным появлением то в одном, то в другом районе, нанося при этом мощные удары. Победы советской конницы способствовали успехам 12-й и 14-й армий, точно так же как стрелковые дивизии содействовали удачам кавалерии. Это было то новое и значительное в тактике боевых действий, чего добилось к тому времени молодое советское военное искусство.

Сложный фронтовой оркестр управлялся теперь одним дирижером, хотя и не всегда четко, потому что слишком уж огромным был этот оркестр. Противоколчаковский фронт включал в себя шесть армий, противоденикинский — семь, а силы, отражавшие третий поход Антанты с запада (Пилсудский) и с юга (Врангель), состояли из двенадцати армий. Всю эту махину нужно было ежедневно, ежечасно направлять, координировать действия войск. Если быть верным правде, то нельзя не отметить, что далеко не всегда слаженно звучали голоса в боевом оркестре. Были промахи, просчеты. В целом же его музыка была победной.

Получив удар на Украине, Пилсудский, ненадолго затормозив наступление Красной Армии в Белоруссии, начал перебрасывать стратегические резервы на юг — к Львову и Дубно. И тогда пять армий Западного фронта перешли в стремительное наступление. За неделю рухнул весь белопольский фронт от прусской границы до Мозырских болот. 11 июля началось преследование противника. Над Минском, Вильно, Белостоком взвился советский флаг. Красная Армия, пройдя с боями шестьсот верст за тридцать пять дней, приближалась к Висле.

Позже Пилсудский так обрисовал ситуацию тех дней в своей книге «Чудо на Висле»: «Надвинулась грозная туча. Шаталось государство, колебались характеры, мякли сердца солдат. Все трещало…»

Глава Ватикана Бенедикт XIV предписал всем католическим храмам править молебны за спасение польских легионов. В Варшаве Пилсудского всячески поддерживал папский нунций — кардинал Ратти, будущий папа Пий XI.

На юге, на путях к Львову, Первая Конная армия была еще в состоянии наносить врагу чувствительные удары, но ошеломлять его уже не могла. Стремительный рывок от Сквиры до Ровно недешево обошелся советской коннице. То, что раньше называлось бригадой, теперь можно было назвать полком. Да и

противник кое-чему успел научиться.

Якир, заслоняя силами своей дивизии фланг и тыл Первой Конной армии, тщательно изучал особенности тактики и боевых повадок врага. Просиживал часами в окопчиках артиллерийских наблюдателей, лежал в канавах рядом со стрелками, отражая атаки легионеров, не раз ходил с цепями пехоты на укрепления противника. Вместе с тем он старался возможно обстоятельнее допрашивать пленных офицеров и жолнеров[19], скрупулезно изучал захваченные в боях документы. Все это давало богатый материал для анализа и обобщений. А обобщать и анализировать надо было постоянно.

Неоднороден был командирский корпус противника. Офицеры, служившие до революции в русских полках, во многом отличались от воспитанников австро-венгерской армии и особенно от тех, которые прошли прусскую военную муштру. Из солдат наиболее стойкими были легионеры-познанчики[20]. Эти польские солдаты наивно верили в то, что «Россия будто бы снова хочет оказачить Польшу». Ксендзы вдалбливали легионерам, что «Польша воюет за границы 1772 года[21], а каждый из легионеров сражается за пять моргов земли».

Нельзя было сравнивать легионера с рядовым деникинцем, который при успехе еще кое-как воевал, а при неудаче сдавался в плен или убегал домой. По стойкости рядовой легионер равнялся, пожалуй, деникинскому офицеру. Познанчики не сдавались, не убегали. Атаки пехоты отражали с олимпийским спокойствием, наскоки конницы встречали сомкнутым каре и дружными залпами. Для решительного наступления белопольское командование создавало ударные группы с сильным ядром гранатометчиков.

Все это принуждало наших командиров перестраивать и свою тактику. На всем пути от Бердичева до Львова, где каждый водный рубеж, каждый крупный город приходилось брать очень дорогой ценой, чудеса героизма проявляли и конармейцы и воины 45-й дивизии. И если в этих кровопролитных боях Первая Конная армия играла роль тяжелого меча, то 45-я дивизия выполняла функции ее надежного щита.

Прикрывая левый фланг советской конницы, гнавшей дивизии 2-й белопольской армии от Житомира к Новоград-Волынскому, Якир со своей дивизией и бригадой Котовского полмесяца вел тяжелые бои на реке Случь у Нового Мирополя и Любара.

О напряженности боев обычно судят по убыли солдат, но красноречивее всего об этом говорят потери в командном составе. 45-я дивизия, стремясь форсировать реку Случь, понесла тяжелый

урон. У Нового Мирополя, пораженный десятью пулями в ноги, живот и шею, пал смертью героя командир 399-го полка товарищ Попа. Вражеский пулемет срезал его, когда он вел в атаку молодое пополнение — батальон ростовских рабочих. В те же дни на берегах реки Случь дивизия потеряла еще одного своего героя и любимца товарища Михая Нягу, командира 1-го полка бригады Котовского.

Тяжело переживал Якир гибель своих боевых соратников. Ведь вместе с ними при их непосредственном участии и активной помощи создавал он 45-ю дивизию и выковывал ее боевые традиции.

Река Случь осталась позади. Дивизия Якира двинулась вперед, но тяжелые бои задержали ее в районе Шепетовка — Изяславль — Грицев. Командующий 6-й польской армией генерал Ромер, стремясь ударить во фланг советским конникам, наступавшим из Новоград-Волынского на Ровно, выдвинул к Старо-Константинову сильную группу генерала Краевского. Отражая атаки с запада на Горыни, Якир развернул основные силы дивизии лицом к югу и с 1 по 6 июля сдерживал у Грицева — Крапивно бешеный натиск ударной группировки противника. Задача дивизии Якира на этот раз была облегчена действиями конницы Примакова в районе Черный Остров — Красилов.

Червонные казаки, пополненные в пути добровольцами, пройдя 600 верст из-под Перекопа к Хмельнику, неожиданно появившись в районе действий 14-й армии Уборевича, нанесли по белополякам удар исключительно большой силы. Произошло это так.

60-я стрелковая дивизия, поддержанная огнем двух бронепоездов, прорвала белопольский фронт у станции Комаровцы. В прорыв, сея панику в неприятельском тылу, хлынули шесть полков червонных казаков. 5 июля, налетев на Проскуров, они разогнали штаб 6-й вражеской армии, взорвали склады с боеприпасами в Черном Острове.

В районе Ставчинцев летчик сбросил Примакову приказ. Командарм-14 Уборевич направлял конницу к Старо-Константинову. У Красилова после двухдневных боев с колоннами генерала Краевского червонные казаки установили контакт с кавалеристами бригады Котовского. Таким образом, левый фланг Первой Конной, шедшей к Новоград-Волынскому, прикрывался теперь не только силами 45-й дивизии в районе Грицева, но надежно был защищен и в районе Проскуров — Красилов червонными казаками Примакова.

Войска 14-й армии с тяжелыми боями форсировали Збруч и вышли на просторы Галиции. Червонные казаки, преследуя

белополяков, освободили Тернополь и Збараж.

Части дивизии Якира за шесть дней сделали скачок в 150 верст от Грицева к Дубно. Здесь, укрепив район Дубно — Кременец, Пилсудский сдерживал советские силы с 11 по 23 июля. В эти тяжелые для интервентов дни до двадцати советских дивизий под командованием Тухачевского приближались к столице панской Польши Варшаве.

Подступы к невзрачной речушке Икве были укреплены с востока еще во время империалистической войны. Теперь в этих укреплениях — в окопах и волчьих ямах, за проволочными заграждениями — засели легионеры. Пилсудский бросил сюда 18-ю и 13-ю пехотные дивизии, 10-ю кавалерийскую бригаду, группу Ясинского, состоявшую из пограничных и караульных частей.

В свою очередь в помощь поредевшей Первой Конной штаб фронта направил кавалерийскую группу Осадчего, созданную из полков Котовского и сводной бригады казаков, перешедших недавно от Деникина. 20 августа один из полков этой группы во главе с бывшим есаулом Яковлевым ушел к врагу. На следующий день польские самолеты сбрасывали листовки, в которых призывали красноармейцев последовать примеру изменников. Из-под Тернополя и Збаража ближе к левому флангу Первой Конной командование фронта передвинуло дивизию червонных казаков Примакова.

Еще немало препятствий лежало на пути к Львову, до которого оставалось примерно полтораста верст. Каждая верста сама по себе представляла препятствие. Бригада Каменского из 45-й дивизии несколько раз пыталась форсировать Икву, чтобы проложить дорогу Первой Конной армии в районе Дубно, но безрезультатно. Голубенко силами своей бригады атаковал позиции противника на Икве в районе Кременца.

12 июля 18-я пехотная дивизия легионеров окружила два полка Голубенко. Контратаки 403-го и 404-го полков, несмотря на большие потери, ничего не дали. Кольцо окружения стремительно сжималось. Но с тыла на легионеров налетела конная разведка 403-го полка во главе с Берковским, бывшим командиром «стального полка» имени батька Махно. Воспользовавшись атакой Берковского, ударили по врагу стрелковые роты Шанцевого и получившего накануне орден Красного Знамени Бориса Церковного.

Якир, наблюдавший за ходом тяжелого боя у Кременца, восхищался бывшим морзистом. Молодой командир крепко держал в руках роту, особенно в бою. Чем жарче становилась схватка, тем деловитей были его команды. Он ни в чем не уступал выпускникам военных школ. «Подучить его еще немного, и армия

получит замечательного боевика», — подумал Якир. Он с горечью вспомнил слова, брошенные Церковному накануне памятного Южного похода: «Лучше быть хорошим связистом, чем плохим командиром!» Правда, тогда и Борис не остался в долгу, но лучше всего он отвечал теперь на эти слова начдива боевыми делами. Не зря дали ему орден.

Завязался кровавый штыковой бой. Снова бросились в атаку разведчики Берковского, захватили большое число пленных. Вскоре 403-й и 404-й полки вырвались из кольца окружения, но один батальон при этом полностью погиб. После боя Якир подъехал к Берковскому, поблагодарил его за удачные атаки:

— Спасибо, товарищ!

— Это кому спасибо? — удивился разведчик. — Мне? За что? За то, что посек гадов? Так нам это положено по закону.

— За это само собой, — ответил начдив. — А особо за то, что выручили нашу пехоту.

У командира конной разведки запрыгали веки. Он растроганно сказал:

— За благодарность спасибо вам, товарищ начдив. Думал, вовек не заслужу ее, после того как побывал у трижды проклятого батька Махно.

В тот же день части сорок пятой дивизии форсировали Икву, ворвались в форт Тараканов, вышибли легионеров из Дубно. В этих боях погиб командир 397-го полка Старый, организатор белецких партизан, тяжелое ранение получил командир 401-го полка Задорожный, бывший тридубский партизан. За участие в освобождении Дубно Задорожного наградили орденом Красного Знамени. Орденом был награжден и военком 400-го полка Коломиец, бывший елисаветградский литейщик. 13 июля в боях у Горынки, южнее Кременца, контузило Котовского.

Части Первой Конной заняли Броды. 45-я и червонно-казачья дивизии вышли в район Подкамень — Нуще.

С 29 июля по 5 августа белополяки, введя в дело резервы, предприняли отчаянные контратаки против конницы и пехоты. 3 августа врагу снова удалось овладеть Бродами. Якир вынужден был бросить за Заболотце «железных ребят» — дивизионную школу младших командиров. Курсанты героически отбивали контратаки легионеров. В том бою вражеская пуля сразила начальника школы, старого друга начдива Ивана Базарного.

Похоронили его с воинскими почестями на Божьей Горе, овладение которой дорого обошлось дивизии.

Провожая в последний путь Ивана Базарного, Якир сказал:

— Товарищи! Сегодня мы хороним еще одного советского богатыря-командира. Телами наших героев усеяны днестровские

берега, весь длинный путь от Балты до Сквиры, поля у Попельни и Копылова, просторы Криворожья. Остались наши друзья на подступах к Тараще, Белой Церкви, к Фастову и Новому Мирополю. Здесь же на галицийской земле сложили свои головы наши товарищи Старый, Скляр-Коваль. Несколько сотен наших лучших бойцов пали смертью храбрых под Кременцом и Дубно, на берегах Иквы. Слава о них не умрет в веках. И товарища Базарного мы будем помнить всегда. Наша дивизия обязана ему многим. Это он в Южном походе возглавил колонну главных ее сил. Мы можем по праву гордиться им и как воспитателем младших командиров, гордиться питомцами Вани Базарного. Не зря вся дивизия называет их «железными ребятами». Жаль, потеряли мы отличного воспитателя, скромного человека. Базарный пал смертью героя. — Якир поднял руку с зажатой в ней веткой вербены, каждый цветок которой как бы состоял из пяти сомкнутых кровоточащих сердец. — Его горячее сердце пылало революционным огнем, вот так, как эти яркие цветки. Дорогой Иван! Ты жил героем и героем умер. Ты отдал жизнь за счастье трудящихся. Тебе не нужны ни поминки, ни памятник. Лучшим памятником тебе будет наша победа над врагом.

Заиграл оркестр. Раздался залп. Над могилой вырос холмик. «Железные ребята» убрали его букетами полевых цветов. Военком школы, бывший ее воспитанник Корытный[22] оставил на могиле почерневшую от дыма, прокуренную трубку — постоянную спутницу Базарного от Бессарабии до галицийских полей. Начдив положил на свежий холмик земли ветку ярко-красной вербены.

9. Варшава — Львов

Свежие дивизии легионеров и улан Пилсудского, снова заняв Броды — восточные ворота к Львову, сомкнули открытые фланги 2-й и 6-й белопольских армий. Советские войска, рвавшиеся к столице Галичины, отошли на линию Берестечко — Почаев — Мшанец.

Условия местности благоприятствовали интервентам. Густо поросшая лесами Бродщина, изрезанная старыми окопами и проволочными заграждениями, являлась сущей западней для конницы. И если бы не стойкость якировских полков, не самоотверженность червонных казаков Примакова, прикрывавших наиболее угрожаемый левый фланг львовской группировки, Первой Конной армии пришлось бы очень туго.

Хотя войска Тухачевского дрались уже на подступах к Варшаве, белополяки, несмотря на большие потери, сумели все же оттянуть к Висле значительные силы.

В Вишневце, в зажиточном доме униатского священника, где разместился штаб дивизии, Якир, беседуя со своими помощниками, сказал:

— На месте Пилсудского я бы махнул рукой на Львов, на Галичину. Все бросил бы на защиту Варшавы. Потеряет он Варшаву, потеряет и Львов.

Хозяин дома, упитанный, с изысканными манерами пожилой мужчина, услышав эти слова начдива, многозначительно улыбнулся:

— То пан генерал швах информирован за нашу ситуацию. Самые гросс-магнаты Польши живут в Варшаве, а их гросс-фольварки и гросс-маетки[23] тутачка, в нашей Галичине. Вот гросс-магнаты и роблят опрессию[24] на пана Пилсудского, требуют робиты офензиву[25] за офензивой. Шреклих боятся втратити Галичину. Немного прошло, один только год, как они разбили галицийскую армию, захопили Львив… Нелегкая то была для ляхов виктория[26].

Хозяин дома был безусловно прав. Стратегию рождает политика. Политику рождает правящий класс. В данном случае эгоистические интересы земельных магнатов, сковывая волю Пилсудского, отбирали у него силы и средства, необходимые для решения главных задач.

Прошла неделя. Штаб дивизии менял стоянку. Якир решил стать поближе к войскам со своим полевым управлением. На западной окраине Вишневца, оглашая окрестности дикими воплями: «Гвалт! Гвалт! Грабують, пан комендант!», штабную

колонну нагнал необычный всадник. Униатский пастырь из Вишневца, в расстегнутой рясе, хлопавшей полами по бокам неоседланного строевого коня, без шляпы, потеряв всю свою недавнюю респектабельность и европейский лоск, еще издали запричитал на чисто русском языке:

— Пан комендант! Ваши люди ограбили меня. Посреди бела дня. Забрали породистого жеребца, бросили вот эту клячу, — священник ткнул рукой в стриженую гриву коня. — Выходит, на словах вы освободители, на деле — грабители!.. А что говорил недавно в Вишневце ваш голова Затонский?..

— Успокойтесь, пан отец! — Якир осадил своего скакуна, норовившего ухватить зубами плечо священника. — Мы никому не позволим обижать население Галичины. Наш закон строг: за грабеж — к стенке! Сегодня же виновник будет найден.

Виновника не пришлось искать долго. Штабные ординарцы, бегло осмотрев изможденную бескормицей и тяжелыми походами лошаденку, на которой восседал разгневанный священнослужитель, в один голос определили: «Это маштачок одноглазого взводного, который из конной бригады Котовского». Якир подумал: «Халупа — бывший махновец. Этот случай — чистейший рецидив махновской разнузданности. Грабит один, а худая слава пойдет о всей Красной Армии».

— Товарищ Охотников! — крикнул он. — Свяжись с конной бригадой. Пусть немедля возьмут под стражу подлеца, а уведенного им коня возвратят священнику. Председателю трибунала передай — судить грабителя по всей строгости военного времени!

На новом месте начдив сразу же окунулся в гущу фронтовых дел. Люто наседали легионеры. Одни полки дивизии успешно отбивали их атаки, другие маневрировали, третьи взывали о помощи. Наступила ночь, а о сне не могло быть и речи. Перед рассветом в полевой штаб примчался Гайдук. Привязал на дворе коня, влетел порывисто в дом.

— Что, Котовский прислал? Как там держитесь, тезка? — спросил его Якир.

— Держимся, товарищ начдив. Но я не от Котовского, а от себя…

— Как это понять?

— Помните, Иона Эммануилович, в прошлый год после Ладыжина вы меня осадили с эскадронного на взводного, — нервно теребя ремни снаряжения, начал Гайдук. — Я принял это как подобает. Не рискнул даже повернуться, пятился от вас до самой двери спиной. Проштрафился. Нарушил приказ! Да и говорить за себя не с руки. А сегодня я за дружка, за моего

земляка Халупу…

— Напрасно, товарищ Гайдук, — нетерпеливо махнул рукой начдив. — Тут не до этого. Закон один — как всем, так и дружкам. Утром трибунал разберется. Скорее всего, шлепнут твоего Халупу за мародерство.

— Шлепайте заодно и меня, — Гайдук сорвал с головы фуражку, бросил ее на пол.

— Ты что, бывшего махновца, мародера вздумал защищать? — крикнул в свою очередь Якир.

— Нет, товарищ начдив. Которого закоренелого махновца, которого грабителя и моя рука не дрогнет шлепнуть. А Свирид, присягаюсь, вовсе не повинен. Неужто, товарищ начдив, вы позволите срасходовать безвинного да еще такого боевика?! Жаль, Григория Ивановича тяжело контузило. Котовский придушил бы в корне такую неправду.

— Но ведь коня поповского увел Халупа? Какая же тут, товарищ Иона, неправда? — несколько поостыл начдив, услышав, что суд Котовского был бы иным.

— Так вот как было дело, — продолжал Гайдук. — Халупа, значит, попал для командирской связи до вашего штабу. Пригляделся ему тот чертов конек. Они сошлись с божьим угодником на ста тысячах, в придачу халупиного маштачка. Гроши те Халупа припас, когда еще у Махно был. Ударили по рукам. Люди видели и припечатали сделку. Неделю поездил Свирид на новом коньке. А тут бац: поп вертает нашему товарищу советские гроши, требует польские злоты или же австрийские кроны. Ну, Халупа в пузырек: «Скажи, мол, спасибо, что ныне не девятнадцатый год. Теперь, двадцатый, и мы говорим с вашим братом по-хорошему. Помалкивай, а то пожалеешь, хлебнешь уксуса. Знаешь, что полагается за отворот от советских грошей?» Вот и вся вина взводного Халупы. Он не грабил, получил конька по уговору. Давайте пошуруем божьего угодника — и те сто тысяч найдутся.

Якиру понравилась запальчивость, с которой кавалерист защищал своего друга. По всему было видно, что лишь твердая вера в невиновность Халупы толкнула Гайдука на жаркое объяснение с дивизионным начальством.

Все, что сообщил Гайдук, нетрудно было проверить. Есть еще время приостановить суд. «Грабителей, мародеров, конечно, надо хватать и уничтожать, — подумал, укоряя себя в излишней горячности, Якир. — Но худо, ежели невиновный станет жертвой поспешного решения. Недаром в уставах многих армий сказано: командир накладывает взыскание лишь спустя два часа после совершения проступка. Закоренелых махновцев, как их называет

тезка, надо выживать, но поспешная расправа с раскаявшимися может лишь вызвать кривотолки. Ведь немало обманутых махновской демагогией идет сейчас вместе со всей дивизией на общего врага».

— Хорошо, — сказал начдив. — Завтра разберемся.

Силы, снятые Пилсудским с главного — варшавского — направления, крепко измотали полки 45-й дивизии. За первую неделю августа части дивизии, заслоняя фланги Первой Конной армии, потеряли более тысячи бойцов. Впервые за все время своего существования дивизия понесла за короткий период такую колоссальную убыль. Тем не менее потери быстро восполнялись. Обрадованные избавлением от шляхетского ярма, шли в дивизию добровольцы-галичане. Под Кременцом явился отряд партизан Косичека. Прибыло также пополнение с Волги — два батальона казанских татар.

Положение на фронтах усложнялось. Тухачевский наступал на Варшаву, командующий Юго-Западным фронтом Егоров тремя армиями сдерживал натиск крупных сил Врангеля в Таврии, тремя рвался к Львову. Правое, крыло Западного фронта уже захлестывало Варшаву с флангов и с тыла, а левое, поотстав в районе Люблина, только выходило к реке Вепш, правому притоку Вислы. Отсюда над войсками Тухачевского нависала угроза. Им требовалась помощь. И помочь можно было лишь одним способом — повернуть Первую Конную армию от Львова к Люблину. Так решался вопрос на Пленуме ЦК партии 5 августа 1920 года.

Еще до Пленума, 2 августа, Ленин писал члену Реввоенсовета Юго-Западного фронта Сталину: «Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем… Опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей…».

Спустя день Сталин, игнорируя решение высшего коллективного органа партии, послал свой дерзкий ответ, в котором писал Ленину, что, мол, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками».

6 августа Главком, руководствуясь решением Пленума ЦК, дал Юго-Западному фронту директиву — вывести Первую Конную армию в резерв, имея в виду двинуть ее после отдыха на помощь Тухачевскому.

Егоров же под сильным нажимом Сталина решил во что бы то ни стало взять Львов. Как и в дни Киевской операции, он вспомнил о Якире: 9 августа подписал приказ о создании Золочевской группы войск в составе 45-й и 47-й стрелковых

дивизий, дивизии червонных казаков Примакова и бригады Котовского под общим командованием Якира. Золочевская группа — 18 стрелковых и 9 конных полков — получила задачу вместе с Первой Конной армией овладеть Львовом.

Главком хотел бить врага на главном варшавском направлении плотно сжатым кулаком. Но в этот раз не сработала его дирижерская палочка: удар по врагу, вопреки воле Главкома Каменева, наносился не кулаком, а растопыренными пальцами: двумя — по Львову, тремя — по Варшаве.

И все же для Пилсудского те дни были самые тяжелые. Наступил момент, когда лишь ценой отчаянного риска можно было остановить надвигавшуюся катастрофу: или пан, или пропал. В районе Люблина, за Вепшем, Пилсудский, по совету французского генерала Вейгана, создал ударный кулак, нацелив его на левый фланг Тухачевского.

11 августа Главком вторично потребовал от командования Юго-Западного фронта перебросить Первую Конную армию в район Замостья, ближе к Люблину. Но конница, выполняя приказ Егорова и Сталина, в тот же день двинулась на Львов. Слева от нее наступала равная по силе Первой Конной армии Золочевская группа Якира.

16 августа советские войска с боями вышли к Западному Бугу, взяли Буек. Дивизия червонных казаков, выведенная приказом командарма Уборевича из состава Золочевской группы, выдвинулась к Золотой Липе и Перемышлянам. Отсюда до Львова оставалось менее сорока верст.

В то же время на главном направлении войска 3-й советской армии уже штурмовали восточные подступы к Варшаве. 16 августа Пилсудский двинул свой ударный кулак с реки Вепш прямо на север и сразу же разгромил слабенькую Мозырскую группу наших войск. Окрыленные первым успехом, интервенты с ходу врезались в левый фланг 16-й армии.

19 августа бойцы Первой Конной армии и части 45-й и 47-й дивизий Золочевской группы, преследуя отступавших легионеров, подошли вплотную к Львову. Завязались жестокие бои на окраинах города. Началось массовое бегство польской шляхты на Ярослав. Но к вечеру того же дня, когда белополяки широко распространили весть о разгроме Мозырской группы, а затем пустили слух об уничтожении 16-й, 3-й, 15-й и 4-й советских армий Западного фронта, Егоров по настоятельному требованию Центрального Комитета партии и Главкома приказал Первой Конной армии прекратить атаки на Львов и немедленно идти к Замостью.

Сталин же, не считаясь с директивой ЦК, отказался подписать

этот приказ. 1 сентября Центральный Комитет партии освободил Сталина от должности члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Позже Тухачевский так оценивал события тех дней: «Бои под Львовом засосали Конную армию, и она приступила к выполнению перегруппировки с таким опозданием, что ничего полезного на люблинском направлении сделать уже не могла».

Таким образом, неудача Западного фронта в значительной мере являлась результатом самоуправства Сталина и его упорного нежелания подчиниться решению ЦК партии.

20 августа Первая Конная армия двинулась из-под Львова к Замостью. Силы атакующих сразу убавились вдвое. Силы обороны в такой же пропорции возросли. Успех под Варшавой развязал руки Пилсудскому. В Львов прибыла свежая кавалерийская бригада, были доставлены бронемашины, французские самолеты.

Уходя на новый фронт, командующий Первой Конной армией Буденный и член Реввоенсовета Ворошилов теплыми и проникновенными словами прощального приказа отметили героическую работу своих соратников-бойцов 45-й дивизии и их славного начдива Ионы Якира.

Командующий бывшей Золочевской, а теперь Львовской группой, стремясь овладеть столицей Галиции, делал отчаянные попытки связаться с Примаковым. Червонные казаки, прорвавшись через Комарно в Городок, удвоили бы силы Львовской группы. Но полки Примакова были далеко. Тепло и радостно встречаемые населением, они за три дня прошли более полутораста верст по тылам врага, разгромили гарнизоны в Бобрке, Николаеве, Ходорове, Жидачеве и 19 августа освободили Стрый — город у самого подножия Карпат. Их разъезды дошли до Болехова.

Так же как несколько дней назад Тухачевскому для полного успеха под Варшавой не хватало на его левом фланге Первой Конной армии, так теперь Якиру для успеха под Львовом недоставало червонно-казачьей дивизии.

21 августа гарнизон Львова, окрыленный успехами белополяков под Варшавой, сам перешел в наступление. Для войск Якира начались тяжелые дни. Советское правительство Галиции, возглавляемое В. П. Затонским, находилось еще в Тернополе, а петлюровская конница уже вынырнула где-то в районе Галича, в тылах 41-й дивизии. Пока Красная Армия наступала, жовтоблакитники прятались за чужой спиной. Как только советские войска постигла неудача, они сразу вылезли из своих щелей, действуя по пословице: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Примаков, с которым Якиру удалось к тому

времени установить связь, двинулся к Галичу в погоню за гайдамаками.

Весть о неудачах, постигших войска Западного фронта, о переходе 4-й советской армии в Восточную Пруссию, об интернировании конного корпуса Гая, о том, что многие дивизии прекратили свое существование, в какой-то мере отрицательно сказалась на настроениях бойцов. Тем не менее Якир, мучительно переживая эти известия, твердо решил, что вверенные ему войска Львовской группы, как бы тяжело ни повернулось дело, не сложат оружия. Он был уверен, что 45-я дивизия послужит хорошим примером и для 47-й, в рядах которой находилось немало бывших деникинцев.

Части Львовской группы отходили с боями, планомерно, с одного рубежа на другой, не более трех-четырех верст в сутки. Добрую услугу измотанной походами и боями пехоте оказывали пулеметные тачанки «стального полка». Шарабаны, совершавшие походы с махновским войском, сразу можно было узнать. На их передках еще хранился выведенный суриком клич «Хрен уйдешь!», а на задках — «Хрен догонишь!».

Белополякам, хотя и с трудом, все же удалось оттеснить Львовскую группу к реке Западный Буг. На этом водном рубеже 45-я и 47-я дивизии вместе с бригадой Котовского сдерживали все нараставший натиск легионеров еще две недели — до 16 сентября.

26 сентября войска группы, выполняя приказ Якира, отошли в район Проскуров — Острополь. С 6 по 18 октября 45-я дивизия держала фронт по Южному Бугу от Хмельника до Летичева. 18 октября — это был день перемирия — бойцы 45-й дивизии впервые после тяжелых боев не слышали разрывов гранат и свиста пуль.

Пройдя с боями под командой Якира шестьсот верст вперед — от Белой Церкви до Львова — и пятьсот верст назад — от Львова до Хмельника, — 45-я дивизия сумела полностью сохранить свою боеспособность и готовность к новым боям.

10. Петля Петлюре

7 ноября 1920 года, в третью годовщину Октябрьской революции, открылась дивизионная партийная конференция. Впервые за два года собрались большевики 45-й дивизии, когда ее полки не штурмовали позиции врага, не отбивали жестоких атак. Установившаяся на демаркационной линии тишина не нарушалась ни одной из сторон.

Переполненный зал Винницкого городского театра с напряженным вниманием слушал речи ораторов. Выступали военкомы полков и бригад Абраменко, Койфман, Савейко, Суворов, Денисенко, Жилкин, Мильченко, Радов, говорили командиры Котовский, весной принятый в партию, Голубенко, Левензон, Криворучко, Владимиров, Гайдук, Церковный и недавно вступивший в группу сочувствующих Макар Заноза. Выступали политкомы рот, рядовые бойцы-коммунисты.

Замечательно было то, что никто из ораторов не вспоминал ни былых заслуг, ни прошлых дел. А ведь каждый мог похвастаться славными боевыми делами. Лишь Николай Криворучко вскользь остановился на апрельских событиях:

— Ось, галичане потрепали тут в Виннице штаб нашей дивизии. Герои против тыловиков! А де воны зараз? Кажуть, сдал их добродий Петлюра пану Пилсудскому с потрохами, кукують они зараз в таборах. Так им, подлюкам, зрадникам, и треба. А де зараз штаб сорок пятой дивизии? Обратно же в Виннице! Вот какие у нас дела, товарищи партийцы!

В словах бывшего батрака, пекаря, землекопа, изрядно хлебнувшего в прошлом горя и обид, не слышалось злорадства. Звучала лишь нотка законного удовлетворения фактом победы правого дела над коварством и злом.

После этого вступления командир второго полка Криворучко, как и все выступавшие до него, говорил о недостатках, о необходимости налечь на их искоренение, чтобы «все было на ять», когда партия даст приказ «разбить в лепешку» гайдамацкую армию пана Петлюры.

Адъютант начдива Охотников принес в президиум конференции срочную телеграмму. Как и все особо важные послания Кремля, она начиналась со слов: «Всем, всем, всем…»

Прочтя телеграмму, Якир попросил дать ему слово вне очереди. Неторопливым шагом, высоко подняв руку с зажатой в ней телеграммой, он приблизился к самому краю авансцены. В выцветшем холщовом обмундировании, высокий и худой, с обветренным лицом, с зачесанной назад смолистой шевелюрой,

он мало чем отличался от многих выступавших до него командиров и комиссаров полков, политкомов рот, командиров батальонов, от тех, кого принято называть «армейским активом». По его внешности никто бы не сказал, что этот двадцатичетырехлетний молодой человек — начальник дивизии, выросший не в стенах академии, а на полях революционных битв, поставленный партией во главе созданных ее заботами и трудами советских полков. Единственным его отличием были два ордена Красного Знамени.

— Товарищи! — начал свое выступление Якир. — Поздравляю вас с огромной победой: Красная Армия разгромила Врангеля. Не сегодня-завтра Перекоп будет наш. Бои идут на Турецком валу…

Делегаты партийной конференции вскочили с мест. Из конца в конец зала прокатилось и долго не смолкало громкое «ура!». Затем участники конференции стали обмениваться рукопожатиями, тискать друг друга, обнимать, целовать. И было чему радоваться: падение Перекопа, этого железобетонного оплота белогвардейцев, означало уже недалекое победоносное завершение гражданской войны.

Якир поднял руку. В зале снова наступила тишина.

— Товарищи! Мы, бойцы и командиры сорок пятой, знаем, какой ценой достигаются победы. Это очень дорогая цена. Штурм Перекопа, которым руководит воспитанник ленинской школы товарищ Фрунзе, закончится блестящей победой Красной Армии. Но на подступах к Перекопу легло уже много наших героев. Почтим их память вставанием…

После минуты молчания Якир продолжал:

— Повторяю, не сегодня-завтра с крымским гнездом контрреволюции будет покончено. Слава Перекопа — это прежде всего слава нашего непобедимого советского народа, слава нашей героической Красной Армии, слава нашей мудрой Коммунистической партии, слава нашего великого Ленина.

Бурные аплодисменты и громкое «ура!» вновь прервали оратора.

— Идет к концу тяжелая, кровавая трехлетняя гражданская война. Большое значение, конечно, имеют пуля и штык, но решающая сила — это не сила пули и штыка, а сила народа, его вера в свою правоту. С кем народ, тот и побеждает. Атаман Краснов держался в гражданской войне год, гетман Скоропадский — полгода, и притом за стеной немецких штыков, Колчак с помощью англо-американо-франко-японского оружия — полтора года, Юденич — полгода, Деникин — год, Врангель — полгода, ну о Пилсудском вы сами знаете. А наша лежащая в руинах

страна как гранитный утес стоит среди разбушевавшегося океана целых три года. И, поднявшись из руин, она назло врагам, на радость друзьям будет стоять тысячелетия. Да, нам нужен мир. Но он нужен нам не для отдыха, не для покоя, а для новой войны, на которую зовет нас партия, зовет Ленин. Это будет война на несколько фронтов: война с разрухой, с нищетой, с невежеством, с бескультурьем, со всем страшным наследием, доставшимся нам от царя, от империалистической войны. Мы выйдем и из этой войны победителями, потому что участвовать в ней будет весь народ. Но мы не должны забывать, что на пути к долгожданному миру стоит еще один недобитый враг. Он недалеко, рядом с нами. Я говорю об армии Петлюры. Между прочим, по штыкам ему далеко до Краснова, Колчака, Деникина, Врангеля, а вот, поди ж ты, держится дольше их всех — три года! Чудо это или что? Нет, не чудо. Это — прежде всего наряду с помощью Европы, поддержкой Ватикана, верткая политика и в известной мере бесчестная игра на национальных чувствах народа, коварные сети националистической демагогии…

Якир порылся в кармане гимнастерки. Достал какую-то бумагу:

— Вот телеграмма за номером тысяча четыреста двадцать восемь, посланная пятнадцатого сентября Петлюрой своему Главкому Омельяновичу-Павленко: «Получив вести про первые успешные для нас бои при форсировании Днестра, радуюсь успехам армии и твердо надеюсь, что начатая акция скоро приведет нас на родную землю для великого дела освобождения Украины от оккупантов…» По словам Петлюры, как видите, товарищи, немецкая и польская армии, приведенные им на Украину, — это и есть освободители! А наши трудовые люди Киевщины из сорок первой дивизии, Черниговщины из сорок четвертой и шестидесятой дивизий, Приднестровщины и Бессарабии из сорок пятой дивизии, Харьковщины из сорок седьмой дивизии, Херсонщины и Таврии из пятьдесят восьмой дивизии, шахтеры Донбасса из сорок второй дивизии, беднота всей Украины, червонное казачество — это, видите ли, оккупанты. Шепот возмущения пробежал по залу.

— А какие мы оккупанты, судите вот по этому Петлюровскому документу. — Якир взял из папки листок бумаги. — Вот захваченная в последних боях разведсводка номер двести шестьдесят два от четвертого октября: «Шестидесятый советский кавалерийский полк состоит исключительно из бывших казаков третьего гайдамацкого полка, которые все время агитируют меж нашими казаками, посылают разные письма или кричат, зовут в Красную Армию…» Красноречивый документ,

ничего не скажешь! А вот секретный приказ номер сто восемьдесят семь от шестнадцатого октября, подписанный Омельяновичем-Павленко и генерал-квартирмейстером петлюровцев Кущем: «Армия должна до перемирия захватить возможно большую территорию и не дать врагу воспользоваться Жмеринским узлом. Одновременно крепко обеспечивать район мобилизации и возможность пользоваться городом Могилевом как пунктом связи с Румынией. Левее пятая польская пехотная дивизия с пятой конной бригадой возможно займет район Хмельника…»

— Вероятно, — продолжал начдив, — петлюровский главарь пишет о польских частях, чтобы этим поднять дух гайдамацтва. А новым союзником Петлюра все же обзавелся. Вот перехваченное письмо командующего третьей русской армией генерала Перемыкина от двадцать восьмого октября: «Главкому армии УНР[27]. До подписания военной конвенции о совместной борьбе с большевиками между правительствами Головного атамана и Русским комитетом в Польше я считаю необходимым оказать помощь дружественной армии УНР. Беру на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела дружественной и союзной державы УНР…»

— Спрашивается, к чему вся эта возня? — гремел голос Якира. — Знаете песенку «Мальбрук в поход собрался…». Вот и Петлюра собрался в поход. То, чего не мог добиться со своей армией Пилсудский, решил достичь пан Петлюра. Не хочу быть голословным, товарищи коммунисты. Факты — упрямая вещь. А оперативный приказ противника — это самый лучший факт. Вот секретный приказ Омельяновича-Павленко от двадцать девятого октября. Подписан он в Городке в десять часов двадцать минут: «Последние сведения о противнике свидетельствуют о моральном разложении советских войск, о нежелании вести войну и о плохом снабжении. Польские войска отходят к Збручу. В районе Шепетовки — союзная русская армия генерала Перемыкина. Приказываю правой группе генерал-хорунжего Удовиченко решительным ударом уничтожить противника на участке Маньков — Брацлав; средней группе генхора Безручко то же на участке Брацлав — река Ров; левой группе генхора Базильского то же от устья реки Ров до Хмельника; отряду Перемыкина и бронепоезду «Кармелюк» захватить Казатин, Бердичев. Резерв — в районе Волковинец — Елтушки. Начало офензивы — двадцать часов первого ноября. Силы противника — четырнадцатая армия, сорок первая и шестидесятая дивизии и кавалерийская дивизия червонного казачества. Всего одиннадцать тысяч штыков, две тысячи сабель». Приказ, как видите, они написали двадцать

девятого октября. Сегодня уже седьмое ноября, а петлюровские генхоры своей офензивы против нас не начали. Что-то им помешало. По слухам, помешали трения с новым союзником Перемыкиным. И все же враг к наступлению готовится. Пусть он тешит себя баснями о нашем разложении. Да, мы за мир, но разбить Петлюру очень желаем! И вот когда начнется наша решительная офензива, надеюсь, что сорок пятая и бригада Котовского, как всегда, окажутся на высоте. Петлюра от Збруча до Мурафы шел месяц. Давайте, товарищи, на следующей партийной конференции вспомним — за сколько дней покроет расстояние Мурафа — Збруч наша дивизия.

Коммунисты с большим вниманием выслушали речь Якира. Ведь того, что он сообщил, в газете не прочтешь. И сегодня же, разъехавшись по частям, они перескажут сообщение начдива всем бойцам, готовя их к разгрому последнего врага на последних рубежах Советской республики.

8 ноября, держа курс на Джурин, выходили из Винницы арьергардные колонны 45-й дивизии. Туда же шла и бригада Котовского.

Советскому командованию стало известно, что армия Петлюры собралась начать «акцию» 11 ноября, чтобы захватить Жмеринку и Винницу, а потом продолжить движение на Киев. Силы противника состояли из шести пехотных, одной пулеметной и одной конной дивизий самостийников, одной стрелковой и одной конной дивизий белогвардейцев Перемыкина. Всего пятьдесят тысяч бойцов.

Рано утром 10 ноября загремели советские пушки на всем фронте от Литина до Днестра. Главный удар по Мурафе наносили 45-я дивизия Якира и червонно-казачья Примакова. К вечеру полки этих двух дивизий и бригады Котовского, прорвав фронт, вышли к Шаргороду — Черневцам.

11 ноября советские войска громили 3-ю «железную», 4-ю киевскую, 6-ю стрелецкую дивизии противника у Вендичан. 12 ноября вели бои с конной дивизией и бригадой Фролова в районе Снитково.

Командующий 14-й армией Уборевич приказал войскам могилевского направления двигаться прямо на запад. Но Якир и Примаков, получив сведения о выгрузке в районе Волковинцев частей перемыкинской группы, правильно оценили изменившуюся обстановку и повернули свои полки к Бару. Перемыкинцы вместе с левой группой петлюровских войск оттеснили 60-ю советскую дивизию от Деражни и успешно наступали на Жмеринку. Но 15 ноября их атаковали дивизии Якира и Примакова. В этот день решилась судьба

жовтоблакитного Мальбрука.

В захваченной нашими войсками оперативной сводке противника № 366 от 15 ноября сообщалось: «Наступление резервной группы развивалось успешно, но после полудня противник превосходящими силами перешел в контрнаступление у Галузинцев. Во время этой вражеской акции сильно пострадала 4-я бригада Волынской дивизии».

17 ноября 45-я дивизия Якира, бригада Котовского, 60-я и 41-я стрелковые дивизии, 8-я и 17-я кавалерийские дивизии червонного казачества широким фронтом двинулись на запад. Главарь петлюровцев Омельянович-Павленко писал в этот день из Фельштина: «Перед фронтом армии УНР главную роль играет конная группа Примакова. Всей нашей коннице сосредоточиться в районе Зеленого и Писаревки. Мое решение — дать решающий последний бой врагу конной массой и в случае неудачи укрыться в нейтральной зоне».

21 ноября Якир вывел свои полки к Войтовцам — Соломке, в десяти — двадцати верстах от Збруча. В этот же день червонно-казачья дивизия Примакова под Писаревкой дала бой Омельяновичу-Павленко. Разбитые остатки петлюровской конницы бежали к Збручу.

Вечером 21 ноября бригада Котовского и две сотни 6-го полка червонного казачества на плечах пулеметной дивизии Петлюры ворвались в Волочиск, где на переправе через Збруч уже стояли польские часовые. Котовский послал донесение начдиву Якиру о выходе советских сил к Збручу — старому рубежу Российской империи и новой границе с панской Польшей.

Якир, прочтя донесение, сказал начальнику штаба:

— Разгромила все же Красная Армия Петлюру, хотя у нас командовали дивизиями бывшие прапорщики и бывшие солдаты, а у него полковники и генералы. Вспомним, что сказал Ленин: молодая Красная Армия научилась побеждать генералов царя и Антанты.

— Да, — подтвердил Гарькавый, разглаживая свои пышные усы. — Теперь как раз настало время подсчитать, сколько дней шла Красная Армия от Мурафы до Збруча.

— Как будто двенадцать! — откликнулся Быковский.

— А то же расстояние Петлюра шел шестьдесят дней, — густо дымя папиросой, напомнил Якир. — Правильно сказал мой земляк и тезка Иона Гайдук еще в Джурине накануне наступления: «Ну, теперь пану Петлюре будет петля».

— И не одному Петлюре, — добавил Яков Охотников. — Ваш тезка упомянул тогда и петлюровское трехсот тридцати трех святителей драное войско.

Часть третья
Плакун-трава

1. Единство взглядов

В старинном трехэтажном здании на площади Руднева впервые за много лет собралось столько народу. 1 марта 1922 года в Харьков прибыло начальство из всех гарнизонов Украины и Крыма, флотские начальники с Черного и Азовского морей.

Шел пятый год жизни молодой Советской республики. Остались позади три года гражданской войны, тем не менее, многие командиры, хорошо знавшие друг друга понаслышке, впервые познакомились лишь здесь, в Харькове.

Первое широкое военное совещание созвал командующий войсками Украины и Крыма Михаил Васильевич Фрунзе, выдающийся советский полководец, с чьим именем были связаны многие блестящие победы Красной Армии в гражданской войне, в том числе классическая операция по штурму Перекопа и полному разгрому последнего оплота русской белогвардейщины — армии Врангеля.

Известна истина: управлять — значит предвидеть. Тот, кто, управляя людьми, погряз в заботах сегодняшнего дня, не думает о дне грядущем, дальше своего носа ничего не видит. Настоящий же руководитель, заглядывая вперед, готов встретить любые сюрпризы. Именно заботы о дне грядущем и заставили Фрунзе созвать это совещание.

Фрунзе, командующий особого склада, блестяще справился с бременем, перед которым спасовали бы многие крупные генералы. В прошлом солдат, он знал путь к сердцу солдата.

Железная воля полководца ведет войска к единой цели. Старая армия знала Суворова, Кутузова, Брусилова. Еще более славные имена родила Красная Армия. Среди них одно из первых мест заняло имя ученика ленинской школы Михаила Васильевича Фрунзе.

Ровно год назад, сразу же после победоносного завершения гражданской войны, Михаил Васильевич Фрунзе и другой крупный работник Красной Армии Сергей Иванович Гусев передали X съезду партии докладную записку с планом коренной военной реформы. Правда, съезд не рассматривал тезисы Фрунзе и Гусева: были более неотложные дела. Решался вопрос: быть или не быть Советской власти? Как раз во время съезда загремели пушки восставшего Кронштадта. Поднятая эсерами, клокотала Тамбовщина. Рос бандитизм на Украине, в Грузии, в Сибири. Надо было потушить растущее недовольство села, вплотную заняться восстановлением разрушенной промышленности. Съезд, руководимый Лениным, принял решение ввести нэп.

Спустя четыре месяца после X съезда партии, в июле 1921 года, в первом номере харьковского журнала «Армия и революция» была напечатана большая статья Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия». На нее вскоре в печати появился ответ Троцкого, тогдашнего наркома по военным делам и председателя Реввоенсовета Республики. Внешне ответ выглядел полемически острым, на самом же деле он обнаружил военное невежество автора. Троцкий стремился принизить Фрунзе в глазах широких военных кругов казуистическими пируэтами, так как трудно было опровергнуть логически неоспоримые доводы автора «Единой военной доктрины». После первой же дискуссии вокруг острейших проблем обороны страны, как после свежего проявителя, на одноцветном до того армейском фоне четко проступили свет и тени. Основная масса военных, самая здоровая и крепкая ее часть, единодушно поддержала предложение Фрунзе о военной реформе.

Участники харьковского совещания после двухчасового доклада командующего вышли в фойе покурить. Кое-кто пытался задымить еще в зале, но Фрунзе попросил потерпеть. В фойе не было ни мягких диванов, ни пружинных кресел. Вокруг простых, плохо отесанных столов стояли голые скамьи и некрашеные табуретки. Вместо пепельниц приходилось пользоваться донышками от снарядных гильз. На стенах со времен гражданской войны висели плакаты, призывавшие бороться со вшами — рассадниками тифа. Но были и новые плакаты. Один особенно злободневный — «Серп и молот победят голод!».

Якир, похудевший, с загорелым лицом, в аккуратно стянутой широким ремнем гимнастерке с «разговорами» — недавно введенной новой форме, — весь под впечатлением выступления командующего, обратился к соседу по скамейке Виталию Примакову:

— Мне нравится, что товарищ Фрунзе не дает нам спать. Начал с военной доктрины, а сейчас это совещание…

— Какая там спячка?! — отозвался командир корпуса червонных казаков. — Хорошо тебе, Иона: ты командуешь Киевским районом, а в Киеве из обрезов не палят. У нас же не поспишь. Правда, нэп кое-что уже дал. Бандитизм пошел на убыль, но гуляют еще на Подолии петлюровские молодчики.

Примаков встал, привычно одернул гимнастерку, потом снова сел, вплотную придвинувшись к Якиру. Комкор, как и комиссар корпуса червонных казаков Минц, выделялся среди других участников совещания не совсем обычным для того времени обмундированием: на нем были синяя суконная гимнастерка и синие брюки с лампасами — подарок ВУЦИКа подшефному

корпусу.

— Ты, я вижу, завидуешь мне, Виталий, — усмехнулся Якир, стряхивая пепел папиросы в переполненную окурками гильзу. — А я тебе так скажу: завидовать нечему. Ей-богу, легче управлять боем, нежели бегать с высунутым языком в поисках кирпича и жести. Восстанавливаем казармы. Но чем? Божьим чудом…

— А у нас что? Думаешь, нет казарм! Они и в Виннице, и в Проскурове, и в Старо-Константинове, и в Гайсине, и в Изяславле. Как все это треплет нервы — кирпич, цемент, доски.

— Я имел в виду не спячку нервов, а спячку мозгов, — уточнил Якир. — Михаил Васильевич теребит наши мозги, заставляет думать, тревожиться о завтрашнем дне…

— А не слишком ли? — послышался вопрос.

Якир и Примаков как по команде повернули головы к высокому окну, возле которого, куря, пускал дым на улицу комбриг Голубенко.

— Что значит слишком? — спросил Якир.

Голубенко сердито ответил:

— Не научили красноармейца азбуке, а уже целимся сделать из него академика.

К беседующим подошли друзья Якира: бородач Иван Дубовой, Илья Гарькавый, Дмитрий Шмидт, Григорий Котовский, Юрий Саблин. У окна остановились, прислушиваясь к разговору, заместитель командующего — высокий, розовощекий, с глубокими нежными глазами и светлым ежиком — Роберт Эйдеман, начальник политотдела войск Украины и Крыма Леонид Дегтярев, будущий автор интересной книги «Шагают миллионы».

— Эх, Коля, Коля-Николай! — покачал головой Якир. — Не тебе бы это говорить, не нам слушать. Ты же по себе знаешь, как важно учить людей. Кем ты был? Рубщиком гвоздей, а стал лучшим командиром бригады. Я не спорю, конечно, сапоги надо чистить.

— И физиономии брить! — вставил Шмидт.

— И на п-п-параллельных брусьях работать! — добавил Котовский.

— И буквари читать! — пробасил Дегтярев.

— Да, все это необходимо, — продолжал Якир, чуть горячась. — Но я о другом. Мы с Николаем почти всю гражданскую прошли вместе, а вот теперь смотрим на вещи по-разному. Нет пока у нас с ним, да и не только с ним, единства в понимании вопросов строительства армии, ее обучения, воспитания, сущности войны и военных операций. А ведь оно необходимо. Вот товарищ Фрунзе и добивается, чтобы единство взглядов сплотило все наши кадры по вертикали — от взводного

до Главкома, — и по горизонтали — от Москвы до Владивостока.

— Призываем к дисциплине, — перебил Якира Голубенко, — а сами противопоставляем себя Наркому.

— Вот это уже неверно, — ответил горячему оппоненту Минц. — Что сказал десятый съезд? Вы, кажется, были его делегатом? Съезд сказал: свободное высказывание и железная дисциплина. Товарищ Фрунзе действует в духе партийных решений, не отклоняется от них.

— Конечно, Троцкому, может, и неприятно, что вопросы, которые должен был поднять он, подняли другие, — добавил Эйдеман.

— Что, Коля, жарко стало? — спросил комбрига Голубенко Шмидт. — Сквозная атака! Сядь рядом, заслоню…

— Ну тебя, — отмахнулся тот. — Я и не в таких переделках бывал.

Воспользовавшись наступившей паузой, Якир продолжал:

— Мне кажется, мы живем по принципу: бог дал день, бог даст пищу. Что происходит в армии? Лучшие стремятся уйти, слабачки остаются. А почему? Потому что нет перспективы. Многие считают, что они свое сделали, отстояли Советскую власть. А для чего мы существуем теперь, каковы наши задачи, нам не говорят. К примеру, ушел в токари на ХПЗ[28] наш командир полка Леонид Владимиров и доволен. Теперь, говорит, по крайней мере я каждый день вижу результаты своего труда. Мы разбили Колчака, Юденича, Деникина, Петлюру, Махно. Вышибли с нашей земли интервентов четырнадцати держав. Наш опыт может еще пригодиться и нам самим и пролетариям других стран. А кто его изучает? Никто! Товарищ Фрунзе добивается освоения богатого опыта. И мы с ним согласны. К сожалению, пока не все, — Якир покосился на Голубенко. — Давайте трезво проанализируем, чего добивается Михаил Васильевич? Все мы читали его «Единую военную доктрину» и слушали сегодняшнее выступление. Командующий говорит о неизбежности столкновения двух миров и требует постоянной готовности наших сил. Армия должна быть готова к действиям на любом театре войны. Помните, как трудно было оторвать иную дивизию от своего уезда, своей губернии? Маневренный характер гражданской войны — результат наступательного порыва восходящего класса — пролетариата. Однако маневр — не самоцель. Маневр — это средство уничтожения вооруженной силы врага. И отступление не всегда бегство. Если временное отступление позволяет сохранить живую силу, сократить фронт, завлечь врага под сокрушительный удар, то оно помогает победе. Новая техника требует пересмотра уставов, программ,

наставлений. Вот основное, что я особенно запомнил из требований товарища Фрунзе. Требования справедливые, актуальные, и мы, большевики, обязаны поддержать их, может, даже вопреки желанию Наркома.

— Мы еще толком не разобрались в сегодняшнем дне, а вам подавай теории на будущее, — продолжал кипятиться Голубенко.

В это время раздался звонок. Спор прекратился сам собой — участники совещания направились в зал.

2. Педагог Красной Армии

Якир с женой и двухлетним сыном Петей жили у Манежа в просторной, скромно обставленной комнате военного дома. Из окон комнаты были видны Александровский сад и Кремлевская стена.

Утром сосед по квартире, Николай Игнатов, бывший командир бронеотряда червонных казаков, а теперь начальник гаража Реввоенсовета, предложил Якиру машину для загородной прогулки. Но Иона Эммануилович отказался. Первую половину воскресного дня он провел в тихом зале Румянцевской библиотеки. Сквозь раскрытые окна читального зала доносился разноголосый шум улиц. Четкий цокот копыт московских лихачей по булыжнику, крики «Эй, поберегись!» перемежались с бренчанием трамвайных звонков. На запыленных тощеньких тополях чирикали сытые воробьи, словно упрекая людей за то, что они в такой чудесный день забрались в душные читальни Румянцевки.

У жены Якира хватало забот. Приезжавшие в Москву бессарабцы не искали гостиниц, общежитий. Зная адрес Якира, шли туда со своими чувалами и корзинками, своими нуждами и заботами. Кто жил день, кто три, кто неделю, а кто и целый месяц. Прохарчившись в Москве, многие из них, не смущаясь, пристраивались к скудному пайку своего бывшего начдива. Кровать хозяев стояла в одном углу комнаты, матрац гостю клали в другом. Забота о гостях ложилась в основном на плечи жены.

Сейчас у Якира гостили Николай Голубенко и Иона Гайдук, ставший теперь помощником командира одного из полков конного корпуса Котовского. Пока Якир, сидя в библиотеке, рылся в пожелтевших фолиантах, жена, стараясь показать гостям самые примечательные места Москвы, повела их в Третьяковскую галерею.

В Румянцевской библиотеке Иона Эммануилович занялся изучением трудов известного русского педагога Ушинского. Перед Якиром лежали только что полученные из хранилища два тома капитального труда того, кого называли «учителем русских учителей».

Почему армейский работник, боевой начдив, которого неудержимо тянуло к военной науке, вдруг заинтересовался гражданской педагогикой? Дело в том, что он волею партии стал педагогом. Три месяца назад, в апреле 1924 года, Якир возглавил Главное управление военно-учебных заведений. А месяц назад, 4 июня, на заседании Реввоенсовета Республики делал доклад о

подготовке командных кадров. До этого он побывал в военных школах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Казани, Ташкента. Долго беседовал с преподавателями, с молодыми курсантами и с выпускниками. Изучал программы, наставления. К первому докладу, в котором он в присутствии председателя Реввоенсовета не оставил камня на камне от учебной системы своего предшественника Петровского, личного друга Троцкого, Якир готовился с той же тщательностью, как и к первому удару по румынским захватчикам под Тирасполем и последнему — по петлюровцам под Волочиском.

Председательствовал на заседании Реввоенсовета Троцкий, слева от него сидел его первый заместитель Фрунзе, назначенный на этот пост совсем недавно. Тут же находились члены Реввоенсовета Республики Склянский, Уншлихт, Гусев. На заседание были приглашены командующие войсками округов Егоров, Уборевич, Шапошников, Блюхер, Эйдеман, Авксентьевский, Дыбенко, Ворошилов, назначенный командующим Московским военным округом вместо Муралова.

Не без волнения Якир обрисовал печальную картину с подготовкой кадров. Военные школы не имели четко выраженной целевой установки. Программы не предусматривали основного — науки о взаимодействии войск. Учебная работа из центра никем не направлялась. Намечая строгий план перестройки военно-учебного процесса, Якир больше всего говорил о педагогах и курсантах.

С приходом Фрунзе в Реввоенсовете Республики началось коренное обновление всей военной машины сверху донизу. Все новое, прогрессивное, что предлагал Фрунзе и что еще совсем недавно было предметом жаркой полемики, теперь, вопреки желанию Троцкого, начало бурно вторгаться в жизнь. В лице своих единомышленников — молодых, энергичных военных работников-коммунистов, переведенных решением Центрального Комитета партии из войск в Наркомат, Фрунзе имел крепкую опору.

Напомнив об удручающей рутине в военно-учебных заведениях, живших еще понятиями «времен Очакова и покоренья Крыма», выдвинув план широкого привлечения к учебной работе фронтовиков, Якир сказал на заседании Реввоенсовета:

— Ваятель создает изваяния, горшечник лепит горшки. Мы обязаны быть ваятелями.

Троцкий, чертивший в блокноте какие-то замысловатые вензеля, сверкнув толстыми стеклами пенсне, ткнул карандашом в сторону докладчика:

— Чего мудрить. Все это есть в книгах Ушинского.

Стремитесь выдумать часы, когда они уже давно изобретены.

«За подсказ, конечно, спасибо, — подумал Якир. — Только к чему этот барский тон?» Год-полтора назад реплика председателя Реввоенсовета могла бы еще задеть его. Но не теперь. Партия уже дала Троцкому должную оценку. XIII партийная конференция твердо заявила, что оппозиция Троцкого есть не что иное, как мелкобуржуазный уклон, как отступление от ленинизма.

Несколько недель тому назад, примерно за месяц до этого заседания, состоялся XIII съезд партии. На съезде было оглашено письмо-завещание Ленина. В нем Владимир Ильич писал о необходимости сохранения единства партии, о создании устойчивого ЦК, способного предотвратить раскол. Ленин в завещании, потрясшем коммунистов своей верой в мудрость народа, дал также оценку некоторым партийным лидерам. Троцкого он обрисовал как человека чрезмерно самоуверенного, склонного адресоваться к народу не с призывами, а с командами. Ленин подчеркивал небольшевизм этого возможного претендента на руководство.

Потому-то Якира и не встревожила реплика председателя Реввоенсовета. Куда больше его обеспокоило то высокомерие, с которым Троцкий заявил, будто он, Якир, стремится выдумать часы, когда они уже изобретены. Это был явный намек на неосведомленность докладчика в вопросах педагогики. Иона Эммануилович решил обязательно познакомиться с учением Ушинского, о котором он много слышал, будучи студентом института.

И вот уже полдня Якир роется в пожелтевших фолиантах. Просмотрено «Родное слово». Вот другая книга «Человек как предмет воспитания». Очень полезная, хотя и с «учителем русских учителей» есть о чем поспорить! Взять хотя бы тезис о «патриархальной нравственности», присущей русскому человеку. Во многом Ушинский прав, только ныне «патриархальная нравственность» вытесняется новой, коммунистической. Эх, знать бы это место из Ушинского раньше, можно было бы кое-что ответить председателю Реввоенсовета. Выходит, век живи, век учись!

Да, знания необходимы! Разве не учеба, не знания дали Михаилу Васильевичу Фрунзе оружие в полемике с Троцким на совещании военных делегатов съезда партии?! Всесторонняя эрудиция позволила Фрунзе держаться независимо перед «всезнающим» Троцким. Но дело, конечно, не только в знаниях. Вместе с ними нужна как воздух крепкая вера в свою правоту, вера в поддержку партии. С какой смелостью Фрунзе заявил тогда: «Считаю вредной, глупой, ребяческой затеей говорить

теперь о наступательной войне. Вредно трубить об этом в газетах. Другое дело воспитывать армию не в оборонительном, а в наступательном духе…»

Троцкий не согласился с тем, что пролетариат может наложить свой отпечаток на способы ведения войны. А что сказал Энгельс? Вот его слова: «Эмансипация пролетариата… создает новый метод ведения войны». Троцкий умаляет заслуги пролетарских элементов в Красной Армии. А это объективно неверно.

Якир старательно делал выписки из трудов Константина Дмитриевича Ушинского — пионера педагогической психологии: «1. Педагогика — научная теория воспитания. 2. Призвать на помощь сотни педагогов. 3. Народность воспитания — вера в народ. Развивать горячую любовь к родине, чувство долга, потребность отдать все силы на служение ей. 4. Воспитывать любовь и привычку к труду. 5. Учитель — живой пример и воспитатель».

Иона Эммануилович вспомнил студенческие годы. Пришлось тогда зарабатывать на жизнь, давая уроки. Что представлял собой нелегкий труд педагога — он хорошо знал из личного опыта.

Закрывая книгу, Якир подумал: «В Киеве, у седых стен Выдубецкого монастыря, под чугунной черной плитой лежит прах великого «учителя учителей». Народ и поныне ходит к могиле Ушинского. Надо обязательно побывать там».

3. Гранит науки

Возвращаясь из Третьяковской галереи, Голубенко, Гайдук и Сарра Лазаревна вместе с сыном нагрянули в Румянцевскую библиотеку и оторвали Якира от занятий.

Теперь, громко разговаривая, они все вместе шли по Волхонке. Затем, свернув направо, двинулись по оживленной Знаменской, где к ним присоединился комбриг Кокарев, старый знакомый Якира — в 1917 году выборный командир 5-го Заамурского полка.

Чуть сутулясь, то и дело поглаживая черные густые усы на худом костлявом лице, он зашагал рядом с раскрасневшимися от долгой ходьбы Саррой Лазаревной и Петей. Несколько позади, стараясь не терять из виду жену и сынишку, шел Якир вместе с Голубенко и Гайдуком.

По-воскресному густой и шумный поток гуляющих напоминал карнавал. Люди охотно уступали дорогу молодым командирам, на гимнастерках которых красовались ордена Красного Знамени.

В обе стороны, от Арбата к Замоскворечью и обратно, по отшлифованному булыжнику мчались лакированные экипажи на дутых шинах. Гуляли нэпманы, подрядчики, ожившие охотнорядцы, концессионеры. Одного из них, в котелке и золотых очках, узнал Николай Голубенко.

— Это господин Отто Шраммер, хозяин пуговичной фабрики, — сказал Николай товарищам. — Его фабрика на углу Волхонки. Есть еще господин Гаммер, он снабжает сейчас весь наш Союз карандашами.

— Карандаши хорошие, не хуже фаберовских, — заметил Якир, вынув из кармана гимнастерки карандаш с наконечником-гильзой.

— А герр Отто Шраммер обеспечивает нас пуговицами, — продолжал Голубенко. — И называются они «радость холостяка».

— Я, грешным делом, подумал, — вставил Гайдук, взявшись рукой за эфес сабли, — посечь бы всю эту сволоту. А выходит, этой сволоте я обязан тем, что мои портки не спадают. Спасибо твоему Шраммеру, добрые пуговицы делает. Без иглы, без нитки обходишься. Нажал пальцами, глядишь, пуговица присобачена.

— Этим шраммерам и гаммерам очень хотелось бы прорваться к нашим домнам и шахтам, — весело поглядывая на рысаков, сказал Якир. — Но их допустили только к пуговицам и карандашам. А домны и шахты мы как-нибудь уж сами… Как это поется в песенке: «По кирпичику и по винтику мы построили

новый завод».

— Вы не поверите, — громко рассмеялся Голубенко, — но этот самый капиталист Шраммер выгнал меня из своего заведения. И не до революции, а всего лишь на прошлой неделе. Я, как вы знаете, прикреплен к партийной организации его фабрики. Ну вот, провел я с коммунистами занятие, иду с секретарем посмотреть производство. Сам я чеканил гвозди, захотелось посмотреть, как штампуют пуговицы. Пошли в цех. Не индустрия, конечно, а голая кустарщина! Штампуют пуговицы девчата — молодежь. А тут гляжу, у одного автомата не работница, а королева. На пальцах — богатые перстни. Этакая пышная старорежимная блондинка…

— У тебя сразу пуговицы из головы вылетели? — улыбнулся Якир.

— Что правда, то правда. И вдруг слышу голос за спиной: «Что фам здесь надобно? Кто фас зваль тут?» Отвечаю: «Интересуюсь производством». А он, словно петух крыльями, машет руками, кукарекает: «Марш, марш отсюда. Фи ходиль профсоюз, пожалюста, ходиль, а тут не профсоюз, тут я хозяин».

— И пришлось уйти? — перебил рассказчика Якир.

— Да, пришлось уйти. Победил капитал. Ничего не попишешь — концессия!

— И правильно сделал, что ушел, — сказал Якир. — Не создавать же из-за этого дипломатический конфликт.

— Я ему только сказал: «Запомните, герр Шраммер, моя фамилия Голубенко. Может, еще встретимся там, где хозяином буду я, а не вы». Сморщил он рожу, ну на этом и распрощались.

За разговорами незаметно прошли всю Знаменскую.

Слева выросло огромное с белыми колоннами здание бывшего Александровского пехотного училища, в котором размещались Реввоенсовет, Наркомат по военным делам. Политуправление РККА, Главный штаб.

— Мы с Петей устали, — взмолилась Сарра Лазаревна. — Пойдемте домой.

— Что ж, домой так домой, — согласился Якир. — Есть хочется. Ведь не одним духовным провиантом жив человек. Не знаю, кто как, а я бы слегка перекусил.

— Кто слегка, а я бы основательно, — ответил Голубенко. — Может, махнем в «Прагу», на крышу?

С другого конца Арбатской площади, где высилось светлое здание гостиницы «Прага», доносились звуки веселой мелодии.

— А пети-мети, как говорят в Одессе? — спросил Кокарев. — А то мы как-то раз двинули компанией в ресторан: любопытно было посмотреть, как веселится новая буржуазия. Ну вошли, сели.

Хоть мы при ромбах все, с орденами, а на нас ноль внимания. Чуют, значит, хозяева, в каких карманах густо, в каких пусто. Насмотрелись: сущий вертеп, цыганщина.

— Тем более в воскресенье, — добавил Гайдук.

— Нет, Коля, в «Прагу» не пойдем, не для нас эта музыка, — решительно отверг предложение Николая Якир. — Хороши мы будем, если нас, коммунистов, командиров, увидят там подчиненные. Хотя кое-кого нэп и затягивает. Кто из вас видел спектакли «Воздушный пирог» и «Зойкина квартира»? Там это хлестко показано. Но наш брат военный, я думаю, от этого застрахован.

Якир говорил правду. Редко кого из армейских работников обволакивала паутина нэпа. Случалось, правда, заслуженный боевик вдруг уходил в попы или снимал в аренду мельницу. Единицы! Основная армейская масса не была падкой ни к «воздушным пирогам», ни к «зойкиным квартирам».

— Перекусим дома, — сказала Сарра Лазаревна. — Запасов, правда, больших нет, но кое-что найдется. Пошли!

— Стойте, — предложил Кокарев и вынул кошелек. — Сходим на Арбат в Сорабком[29], кое-чего возьмем. Добавим к вашим запасам, и обед будет на славу.

Достали кошельки и другие.

— И я с вами в магазин, — сказала Сарра Лазаревна, беря Кокарева под руку. — Петю оставляю вам, товарищ Гайдук, потому что эти философы, — указала она на мужа и Голубенко, — заговорятся и не заметят, как потеряют ребенка. Через час всем быть у стола.

— А мы, Саинька, пока сходим поклонимся Николаю Васильевичу Гоголю, — ответил Якир на строгий взгляд жены.

У молоденькой моссельпромщицы Гайдук купил для Пети коробку ландрина. Продавщиц сладостей и папирос, одетых в серебристо-голубую униформу, тогда можно было встретить всюду — на улицах, площадях, на вокзалах.

На Гоголевском бульваре цвели липы. На газонах вокруг памятника великому писателю распустились пестрые чернобровки, пышные султаны левкоев, отцветала ароматная красная гвоздика.

Свободных скамеек не было. Пришлось прохаживаться в тени деревьев по утоптанной тропинке от памятника Гоголю до Сивцева Вражка.

— Будем нагуливать аппетит, — подмигнул Якир Николаю Голубенко.

— Я и без того сожрал бы барана, — ответил тот. — Знаешь, Иона, по совести скажу: после гражданской войны я только раз

наелся как следует. Один мой взводный позвал на свадьбу.

— А я тут, в вашей Москве, вовсе захляну, — пожаловался Гайдук. — Хоть не выходи из хаты. Что ни шаг — гривенник, два шага — рупь. Скоро вы меня, Иона Эммануилович, отпустите к себе в Житомир?

— Ни в какой Житомир я тебя не отпущу. Поедешь в Ленинград учиться.

— Эх, трехсот тридцати трех… Я же там был, учился в Высшей кавалерийской школе, — возразил Гайдук. — Нельзя же до без памяти учиться и учиться. Замучаете меня вашей наукой…

— Это одна нытика, тезка! Вот Голубенко — комбриг, а учится за милую душу. Охотников учится, учатся Гарькавый, Кучинский, Соколов, Бутырский. Нашего боевого морзиста Бориса Церковного, надеюсь, все помните? Так вот, он заканчивает академию. И как? По первому разряду. Старик Кокарев тоже приехал поступать в академию. Пока мировой капитал нас не трогает, будем учиться, будем грызть гранит науки. А как тронет, ему же хуже будет, мы будем ученые, не то, что раньше. Так что давай, тезка, не будем ныть. Поедешь в школу механической тяги. Некому у нас работать на танках.

— На танках? — изумился бывший моряк. — А где они? Их не то что не видать, даже ничего не слышно про них.

— Верно, тезка. Танков у нас раз, два и обчелся, но они будут, обязательно будут. Раньше мы учили зеленую молодежь, а теперь решили готовить танкистов из боевых, опытных командиров. Товарищ Фрунзе говорит, что в ударные войска — в авиацию и танковые части — надо брать кавалеристов. Переучивать их и давать им полки, эскадрильи, бригады. Ты думаешь, Иона, мне легко было уйти с должности командующего войсками Киевского района на кабинетную работу? И тебе нелегко. Понимаю, сочувствую, но помочь ничем не могу. Придется тебе, веселый житель земли, держать курс на Ленинград. «Отмучаешься», а потом спасибо скажешь. Время такое настало, чтобы учиться. Не то что мужчины, женщины многие сели за парты. Ты помнишь нашу боевичку Настю Рубан?

— Которую кадюки порубали под Копыловом?

— Да. Хотя после той рубки часто бьют ее приступы, но она тоже учится здесь в Москве, в Высшей школе чекистов. Что-то нынче не пришла, а то как воскресенье, обязательно является, где бы мы ни были, разыщет.

— Да вон она, — воскликнул Голубенке — Вон, глядите, из-за памятника Гоголю «выплывают расписные».

— Легка на помине! — широко улыбаясь, встретил Настю Якир. — А мы о тебе только что вспоминали. Какая ты шикарная

сегодня. Прямо модель с витрины Мосторга…

— Моссельпромовская шоколадка! — добавил Голубенко.

Чувствуя себя в центре внимания, Настя маленькой, почти детской, рукой подтянула рукава кофточки, проверила поясок коротенькой, сшитой по моде, юбки, потом ласково посмотрев на мужчин, спросила:

— А чего это вы вдруг вспомнили обо мне?

— Хвалили тебя, — ответил за всех Гайдук. — Говорили, что ты умнее иных мужчин. Грызешь науку.

— Да, наука, наука, — с чуть заметной разочарованностью в голосе произнесла Настя. — Мечтала выращивать капусту, а учусь снимать головы всяким гадам. И ничего не поделаешь: раз надо, так надо.

— Выращивать капусту куда проще, — с сочувствием сказал Якир. — Вот потому партия и поставила тебя не на капусту, а послала в Чека.

— А где Сарра Лазаревна? — спросила Настя, разрумянившись от довольно откровенных похвал. Румянец еще больше оттенил миловидность и привлекательность ее нежного лица.

— Думаю, что моя половина уже дома, хозяйничает. Ждет нашествия, — ответил Якир. — Как всегда, Саинька будет рада тебе. Иди, Настюшка. — Якир вынул плоские из вороненой стали часы, посмотрел на циферблат, добавил: — Да и всем пора домой. Поспешим, хлопцы! А то как бы не получить от хозяйки выговор с занесением в послужной список. К тому же вам после обеда отдыхать, а мне еще надо редактировать очередной номер «Военного вестника».

Гайдук под впечатлением недавнего разговора шел мрачный и задумчивый. У самого дома спросил Якира:

— Выходит, значит, мне с кавалерией придется прощаться?

— Да, придется, — улыбнулся Якир. — А видно, не хочется. Ведь кавалерия — твоя слабость. У тебя даже какая-то поговорка есть. Как ты там говоришь: кавалерия — цвет армии?

— Говорил и буду говорить: цвет народа — это его армия, цвет армии — ее кавалерия, цвет кавалерии — конный корпус Котовского.

— Ну что ж, так и запишем. Верно, Николай? — засмеялся Якир, обращаясь к Голубенко.

4. Первенцы-быстроходы

Время методично отсчитывало минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы… Казалось, еще совсем недавно мировая буржуазия каркала о неизбежной гибели России, а английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, посетивший молодую Советскую республику, назвал план электрификации и экономического возрождения нашей страны утопией, а Ленина кремлевским мечтателем.

В ту пору, когда в Кремле встретились величайший мечтатель современности с писателем-утопистом, один из них смотрел в будущее и видел Россию в свете ярких огней, другой, загипнотизированный прошлым, видел ее в кромешной тьме. Немногочисленные наши заводы тогда не остыли еще от горячки военных заказов; страну душил голод не только на хлеб, но и на спички, гвозди, соль, керосин… Делались первые попытки купить в Америке партию тракторов — «фордзонов».

Ленина и Герберта Уэллса рассудила сама жизнь. Прошло лишь десять лет, и над Россией, разгоняя вековую цепкую мглу, зажглись яркие огни новой, ленинской эры. Построенные на Волге и в Харькове заводы-гиганты стали выпускать ежедневно сотни тракторов…

В 1932 году из Москвы в столицу Украины Харьков приехал Михаил Иванович Калинин. Предстояло торжественное открытие Днепрогэса. Сталин, отдававший предпочтение плану строительства Волго-Донского канала, не поехал на торжество. Все, кто знали, что в вопросе о создании электростанции на Днепре генсек неохотно уступил требованию большинства в Политбюро, не могли не обратить внимания на то, что в его приветственной телеграмме не упомянулось имени Ленина — инициатора электрификации Советской страны.

Из Харькова в Запорожье Председателя ЦИК СССР сопровождало все правительство Украины. Приехал на Днепрогэс и командующий войсками Украинского военного округа Иона Эммануилович Якир.

До церемонии открытия станции оставалось несколько часов. Командир Днепропетровского стрелкового корпуса суховатый, словно английский лорд, Федор Рогалев пригласил командующего отдохнуть с дороги, позавтракать. Но Якир отказался. Велел всем встречавшим его садиться в машины и ехать к зенитчикам.

Якир, Рогалев, Александр Швачко — начальник противовоздушной обороны Украины, красавец, прозванный в

кругу друзей Аполлоном, — сели в синий «бьюик» комкора.

Рогалев нервничал, искоса поглядывал на Швачко: «Тоже мне лезет со своим зенитным полком, когда приезда командующего ждет предупрежденная за неделю знаменитая 30-я Иркутская дивизия, штурмовавшая Чонгарский мост в ноябрьские дни 1920 года». Нервничал и Швачко. Хорошо зная натуру командующего, он ждал его визита, но не предполагал, что Якир поедет в зенитный полк сразу же, прямо с вокзала. Приготовился ли к встрече суетливый Вераш?

Машина, шурша шинами, неслась по новому асфальтированному шоссе. Мимо мелькали оголенные кроны недавно посаженных кленов и тополей, только что заселенные кирпичные дома, новые корпуса заводских цехов, высокие, словно египетские пирамиды, усеченные конусы, еще не успевших почернеть охладителей. Молодая индустрия Запорожья представала во всем своем величии.

Швачко дал знак шоферу сворачивать к казармам.

— Нет, Александр Ильич! — распорядился Якир. — Держите направление на первую батарею.

В окружении высоких тополей, с зачехленной казенной частью, удлиненными тонкими стволами смотрели в небо зенитки. Пока часовой, выполняя формальности, пропускал начальство в запретную зону, расчет одного из орудий приготовился «к бою».

Появился и представился командующему близорукий, в огромных очках, черный как жук командир зенитного полка мадьяр Вераш.

— Звено «неприятельских» машин идет с северо-запада, звено с юга! — дал вводную командующий. — Дистанция две тысячи метров, высота — тысяча.

Расчет ожил. Заработало счетное устройство. Шевельнулся ствол пушки, грянул холостой выстрел. Команда следовала за командой. Отлично подготовленные зенитчики сноровисто, без суеты выполняли сложные операции, раз за разом «поражая» воздушные цели.

После отбоя Якир поблагодарил бойцов и командира полка Вераша за отличную работу. Подошел к наводчику, спросил, как служится, как живется, что пишут из дому, кто родители, много ли в орудийном расчете ударников? Хотя командующий задавал вопросы наводчику, отвечали на них чуть ли не хором все бойцы расчета.

— Хорошо, — остановил расшумевшихся артиллеристов Якир. — А какой нынче день, знаете?

— Как же не знать! Открытие Днепрогэса!

— А о плане ГОЭЛРО слышали? Знаете, кто его предложил?

Получив дружный и правильный ответ, Якир стал спиной к казенной части зенитки, поднял руку — наступила тишина:

— Да, товарищи, великий Ленин сказал, что коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны. Сначала были Волховстрой, Шатура, Штеровка, а сейчас Днепрострой. Гигант! Полмиллиона лошадиных сил! При царе таких чудес не создавали. Меньшевики когда-то кричали, что большевики могут лишь разрушать, а мы создаем новое на радость друзьям, назло врагам. Другим об этом будут рассказывать газеты, а вы это видите каждый день своими глазами. Мало того, вам оказана великая честь: ваш полк будет охранять Днепрогэс! Гордитесь, товарищи! Конечно, охрана Днепрогэса возложена не только на вашу часть. За станцию несут ответственность и полки товарища Рогалева. Но их очередь еще неизвестно когда наступит, а ваша с первой минуты. Есть такой генерал Дуэ, итальянец, фашист. Тот считает, что песенка наземных войск спета. Войну, дескать, можно выиграть лишь мощным ударом авиации…

— Они боятся человека, ищут спасения в технике, — воспользовавшись небольшой паузой, сказал Вераш.

— Знаете, товарищи, — продолжал Якир, — и дерево и человек рушатся под ударами внешних или внутренних причин. Иногда — это страшнее всего — под двойным ударом: внешним и внутренним. Дерево рушится от разряда молнии, от зубьев пилы, от наезда танка. Оно гибнет и от червяка-древоточца. Человеку страшен удар извне и молнии, и пули, и меча, и дубины. Он часто не выдерживает и бурной вспышки болезни. Также бывает и с человеческим обществом. Наше, советское, общество побороло многочисленные внутренние болезни, угрожавшие ему: заговоры белогвардейцев и меньшевиков, махновщину и григорьевщину, восстание левых эсеров и мятеж в Кронштадте, разгул кулаков на Тамбовщине, антиколхозное сопротивление сельской буржуазии. Мы устояли под натиском нэпманов. Не одолел нас троцкизм. С внутренними опасностями, как говорится, в основном покончено. А вот с внешними, тут иное дело! Надо держать ухо востро, и особенно вам, товарищи зенитчики. Помнить о теориях генерала Дуэ надо ночью и днем. Особенно ночью. Мне сегодня придется выступать на открытии Днепрогэса. Позвольте мне, товарищи, от вашего имени заверить рабочий класс, советский народ и Советское правительство, что охрана Днепровской электростанции — в надежных руках.

Артиллеристы шумной толпой провожали командующего до самой машины. В синем «бьюике» Якир сказал Рогалеву:

— Вы всю дорогу дулись на меня, Федор Федорович, за то,

что я в первую очередь поехал к Верашу. А ведь и вы так бы поступили. От зенитчиков теперь зависит очень многое. Не правда ли? После торжественной части на Днепрогэсе сразу же поедем в вашу тридцатую. Банкетничать не станем, некогда, не время.

Строгое лицо командира корпуса расплылось в улыбке:

— Знаю, вы не любитель банкетничать. Сами не банкетничаете и другим не даете.

— Не время, — повторил Якир.

— А когда же наступит это время? — спросил комкор. — Я, конечно, не имею в виду так называемую спокойную жизнь старого гарнизонного начальства, но когда пройдет пора этой непрестанной гонки?

— Думаю, что только после нас, Федор Федорович. При коммунизме. Потому, что долго строить нам не дадут. — После минутного молчания спросил: — Вы читали «Капитанскую дочку»? Там описывается чересчур спокойная жизнь в Белогорской крепости. Не гарнизон, а богадельня. Однако как героически умер старикан-комендант Иван Кузьмич Миронов! Хоть и царский служака, а не вредно нашим командирам знать этот пример служения воинскому долгу.

— Мы это и делаем, товарищ командующий, — отчеканил по-солдатски Рогалев.

— К сожалению, не всегда, уважаемый товарищ комкор.

— Я вас не понимаю, товарищ командующий.

— Сейчас поймете, Федор Федорович, — сдерживая раздражение, продолжал Якир. — Ваша восьмидесятая дивизия донесла об отличных результатах индивидуальных и коллективных стрельб. Заняла первое место в округе. Здорово! А за счет чего?

— Как за счет чего? Вы, товарищ командующий, знаете лучше меня. Восьмидесятая дивизия — это рабочий класс Донбасса, отличники, ударники и в труде и в учебе.

— Все это верно, спорить нет смысла. Но вот, видать, командир дивизии крепко втер вам очки. Через своих шефов отхватил на Луганском заводе пятитонку патронов.

У Рогалева округлились глаза, лицо покрылось красными пятнами. Якир продолжал:

— А вы знаете, не то что бойцу, а зайцу дай тройную норму патронов, он станет стрелком-отличником. А за чей счет? За счет народного пота. Нет, ты, голубчик, своим потом добейся и положенной нормой.

— От вас первого слышу, товарищ командующий, — окончательно растерялся Рогалев.

— Плохо, что не знали. Очень плохо. Говорите о том, что учите людей верности воинскому долгу, а на деле что получается?! Эх, Федор Федорович! Уважаемый вы человек, комиссаром были, а проглядели такое дело. Завтра же поезжайте туда. Сами разберитесь в этом антипартийном, антигосударственном деле. Знаете, я не терплю очковтирателей. Потом в дивизии проверьте выборочно полки. Дайте людям строго положенную норму боеприпасов. Выполнят задачу — похвалим, а выскакивать на первое место обманом никому не позволим.

Уже почти семь лет командовал Якир округом, и все это время он сам не знал покоя и не давал застаиваться другим. О какой там спячке могла идти речь! Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства взбудоражили весь советский народ. Клокотала жизнь и в Красной Армии. Импульс, данный ей выступлением Фрунзе о единой военной доктрине, не угасал! Появились в армии свои теоретики, мыслители, организаторы, конструкторы, стратеги и тактики. Книжные полки военных библиотек обогатились печатными трудами советских полководцев. Авторы этих книг горячо полемизировали не только с зарубежными военными авторитетами, но и друг с другом. Книги и статьи Тухачевского, Егорова, Якира, Уборевича, Какурина, Сергеева, Путны, Примакова, Микулина, Эйдемана, освещая опыт гражданской войны, давали богатый материал для теоретических обобщений.

В 1924 году на вооружение войск поступил первый советский Полевой устав, подытоживший боевой опыт двух войн. И это была несомненная заслуга талантливого полководца, военного теоретика, глубокого мыслителя Михаила Васильевича Фрунзе.

Даже в самых отдаленных гарнизонах возникали диспуты по поводу новых книг по вопросам тактики, стратегии, обучения войск. Подвергались всестороннему обсуждению самые различные вопросы военного дела и военного строительства, выдвигаемые как советскими, так и иностранными авторами. Люди стремились заглянуть хотя бы в недалекое будущее. Особенно острые дискуссии разгорались при разборе книг Дуэ — крестного отца воздушных армий и апостола воздушной войны, Фуллера — английского проповедника танковых ударов и немца Зольдана — одного из яростных пропагандистов профессиональных армий.

Кардинальные вопросы большой военной политики, государственной и глобальной стратегии, нового оперативного искусства поднимали на страницах журнала «Война и революция» Свечин, Тухачевский, Меликов, Триандофилов.

Во всех больших гарнизонах появились танковые полки и бригады, хотя, по сути дела, еще не было для них настоящих боевых машин. Проводились опыты. Советские конструкторы модернизировали французский танк «Рено» и английский танк «Виккерс».

В конце 1931 года в Москву были вызваны из Харькова председатель Совнаркома Чубарь, руководитель украинских большевиков Косиор и командующий войсками УВО Якир — члены Комиссии обороны УССР. Центральный Комитет партии поставил перед ними задачу: дать к лету 1932 года два быстроходных танка. Советские инженеры уже создали проект, двигавшейся на колесах и на гусеницах боевой машины БТ-2.

— Это дело чести не только вашей республики, но и всей страны! — сказали представителям Украины в ЦК. — На первомайском параде дипломатический корпус должен увидеть наши новые боевые машины.

Серго Орджоникидзе, положив руку на плечо своему другу Косиору, сказал:

— Как думаешь, Станислав, завод справится с заданием?

— Поговорим с рабочим классом! — коротко ответил Косиор.

Чубарь добавил:

— А мне придется потолковать с партийцами. Ведь я состою на учете в их парторганизации.

— Пусть с рабочим классом поговорят товарищи Чубарь и Косиор, а я потолкую с Владимировым, с директором завода. За него ручаюсь, сделает все, что потребуется, — обещал товарищу Серго Иона Эммануилович.

Вспомнил при этом Якир дела давно минувших дней. В июле 1919 года он посылал плосковца Ивана Колесникова подавить восстание земляков. На переговоры с мятежниками выехали Голубенко и Владимиров. Леониду Владимирову кулаки кричали: «Кому служишь? Чужакам?», а он спокойно отвечал: «Не чужакам, а советскому народу».

Сразу после гражданской войны Владимиров ушел на завод, стал токарем. Смекалистого рабочего, бывшего комиссара, а потом командира полка, орденоносца сразу оценили на производстве. Он быстро выдвинулся: стал мастером, потом начальником цеха. А в 1931 году он работал уже директором крупнейшего гиганта индустрии — Харьковского паровозостроительного завода.

Вот ему и выпала честь дать Красной Армии два первых быстроходных танка. Конечно, Якир понимал: Владимирову в то время было гораздо легче сделать сто других машин, нежели один танк. Это знали и в ЦК партии Украины. Директора

пригласили в СНК. На заседание Совнаркома приехали руководители и многих других промышленных предприятий республики. С ними говорили Чубарь, Косиор, Якир. СНК обязал одних дать для танков броню, других — моторы, третьих — легированную сталь, четвертых — недостающие карусельные станки. Кое-кто недоумевал: «А как же наши планы?» Им ответили: «Это задание сверхплановое. Оно должно быть выполнено во что бы то ни стало!»

Не хватало цветных металлов. Чубарь предложил снять колокола в харьковских церквах.

Не раз и не два появлялся командующий войсками Якир на завод. Минуя кабинет директора, он шел в цеха, к людям, горячо взявшимся за новое дело. Беседуя с рабочими, командующий взывал к их пролетарскому долгу. Люди работали по две смены, как в военное время. И вот 1 мая 1932 года по Красной площади, пусть пока с некондиционной броней, пусть пока лишь с одними пулеметами, с ревом и треском, выбрасывая синее пламя из раскаленных глушителей, стремительно пронеслись мимо трибун два быстроходных танка.

Вскоре на территории завода приступили к оборудованию вновь построенного цеха, из ворот которого уже через несколько месяцев один за другим начали выезжать новенькие танки БТ-5 и БТ-7.

Как наиболее целесообразно применять это новое, мощное по огню, ударной силе и подвижности средство борьбы? Использовать ли танки в качестве непосредственного подспорья пехоте, чего добиваются французы, или сделать самостоятельным родом войск, о чем постоянно трубит англичанин Фуллер? Эти вопросы дни и ночи волновали командующего войсками Украинского округа.

Ясно было одно: нельзя слепо доверять теоретическим выкладкам ни французов, ни англичан. Надо все проверять самим, практически убедиться, как это получится не только на топографической карте, но и на местности, в обстановке, максимально приближенной к боевой.

И командующий войсками округа вместе со своим штабом, который возглавлял в то время Дмитрий Александрович Кучинский, проводит несколько опытных учений с участием вновь сформированных танковых частей и соединений.

5. Будни

Занятый большой работой в штабе округа и в войсках, неся на себе основную нагрузку в Комиссии обороны республики, то и дело отлучаясь в Москву для участия в заседаниях Реввоенсовета, Иона Эммануилович Якир не оставил после себя капитальных трудов. И все же он внес значительный вклад в дело создания советской военной науки, особенно той ее ветви, которая носит название «Оперативное искусство».

В Главном штабе Красной Армии разрабатывался новый Полевой устав. Перед его составителями стояла задача в значительно большей мере, чем в прежнем уставе, отразить изменения в действиях войск, вызванные бурным развитием новых боевых средств.

К опыту империалистической и гражданской войн прибавился опыт освободительной борьбы турецкого народа в 1921–1922 годах. Возглавляя борьбу народа за национальную независимость, Мустафа Кемаль (Ататюрк), впоследствии президент Турецкой республики, громя англо-греческих оккупантов, нуждался не только в материальной помощи, но и в хорошем военном советчике. Он обратился к Ленину с просьбой направить в Турцию с миссией доброй воли героя Каховки и Перекопа. Работа в Полевом штабе кемалистов, возглавлявшемся Иненю-пашой, еще больше расширила военный кругозор советского полководца Михаила Васильевича Фрунзе.

Был еще опыт борьбы марокканцев Абд-эль-Керима против испанских и французских колонизаторов. Со всей скрупулезностью тонкого знатока военного дела Михаил Васильевич подытожил этот опыт в капитальном труде «Европейские цивилизаторы в Марокко». Это блестящее обобщение и сейчас представляет большой интерес не только для военного читателя.

Немало ценных наблюдений и выводов накопили советники революционных китайских войск Блюхер и Примаков, вернувшиеся с Востока в 1926 году.

Кое-что составители нового Полевого устава почерпнули из военных операций Блюхера и Вострецова во время дальневосточного конфликта 1929 года. В том же году к советскому опыту добавился опыт действий выдающегося героя гражданской войны Примакова.

Помогли составителям Устава также многолетние изыскания советских теоретиков Тухачевского, Егорова, Шапошникова, Триандофилова, Меликова и разносторонний опыт практиков

военного дела Уборевича, Седякина, Корка, Пугачева, Якира.

Украинский военный округ под командованием Ионы Эммануиловича Якира на протяжении ряда лет был своего рода экспериментальной базой, где детально отрабатывались новые формы и методы вооруженной борьбы.

…На очередное учение вызваны командиры корпусов и дивизий. Якир ставит боевую задачу. Со стороны границы наступает моторизованный отряд «синих». Его цель, совершив за сутки 200-километровый марш, прорваться к Бердичеву. Задача немыслимая для армии прежней структуры. Но это уже новая, моторизованная армия! У «красных» сил мало. Все брошено к югу, в основную группировку, где решается судьба армейской операции, а на бердичевском участке всего лишь один батальон пехоты, усиленный инженерными средствами.

Саперы действуют без промедлений. Посредники хронометрируют все операции. Два красноармейца, ловко орудуя лопатами, отрывают яму, третий подталкивает каток с проводом, четвертый осторожно кладет на дно динамитный заряд. Еще минута — и все тщательно замаскировано.

Показались передовые машины «противника». Прошли заминированный участок. И вдруг в их тылу раскатисто прогремел взрыв, на месте которого образовалась глубокая воронка. Путь отхода для машин «противника» закрыт. Но так ли?

Командиры, участники учения, бросились к свежей воронке. Самый горячий сторонник моторизации Иона Гайдук, пренебрежительно махнув рукой, заявил, что один красноармеец в десять минут может засыпать воронку, и боевая техника двинется дальше.

— В десять минут? Это языком, — возразил Николай Криворучко, не уступавший атлетическим сложением своему предшественнику и учителю Григорию Ивановичу Котовскому. — Бери лопату, докажи делом… То-то. Это тебе, друг Иона, не в «чубики» играть. А твой чуб, знаю, не только посивел, но и поредел… Драл я тебе его немало…

Замечание Николая Криворучко вызывает на лицах командиров улыбки. Но Гайдук не обижается. На кого обижаться? Здесь все свои, боевые друзья и соратники еще по гражданской войне. Вот Якир — командующий войсками, учитель, земляк. Рядом стоит Николай Криворучко, после трагической смерти Котовского в 1925 году возглавивший 2-й конный корпус. Тут же Макар Заноза, пожалуй, единственный на весь округ некурящий командир. Недавно он принял кавалерийский полк. Сам Иона Гайдук теперь командир танковой бригады. Вспомнил он и о Борисе Церковном, который где-то на Дальнем Востоке

возглавлял в то время штаб стрелкового корпуса.

— И в самом деле, — поддержал кавалериста Якир. — Дайте моему тезке лопату, пусть докажет…

Прошло немало времени, прежде чем бывший моряк, сильно вспотевший, вылез из ямы, не засыпав ее и на одну треть. Лопаты взяли Якир, Дубовой, Криворучко и еще три товарища. Спустя десять минут самый крупный из всех землекопов Криворучко поднялся, чтобы передохнуть. Тут его поддел Гайдук:

— Что, друг Микола? Это тебе не преженыця на сковородке, и чтоб все десять желтков были целые.

Шесть человек сумели засыпать яму только за полчаса. Сделан первый вывод: десяток таких ям может задержать продвижение мотоотряда на несколько часов.

— Ну что, тезка, убедился? — Якир положил руку на плечо Гайдуку. — Динамит и лопата плюс пристрелянный пулемет — серьезный враг вашему брату механизатору. Скажи откровенно, убедили мы тебя? А то ведь ты больше фуллеровец, чем сам Фуллер. У тебя, слыхал я, даже поговорка новая появилась?

— Да, — подтвердил Гайдук, — появилась. Говорили буду говорить: цвет нации — ее армия, цвет армии — ее мотомеханизированные войска, цвет мотомехвойск — танковый корпус товарища Борисенко!

— Люблю свирепых танкистов! — еще крепче сжал плечо земляка Якир под общий смех товарищей.

«Синие» свернули с дороги, пошли в обход через луга. Но и здесь их постигла неудача. Взметнувшиеся флажки обозначили серию гибельных для машин взрывов. А наспех окопавшиеся позади заграждений стрелки встретили мотопехоту дружным залпом, потом ринулись в штыковую атаку.

Надвинулась туча, полил дождь. Якир, мокрый с головы до ног, повел командиров к перелеску, через который лежал путь «синих». Там, сооружая завал, одни саперы мотопилами валили вековые деревья, другие — буравили могучие стволы, начиняя их динамитными зарядами.

Якир обратился к командиру Донбасской дивизии, еще хорошо помнившему взбучку командующего за дело с незаконно приобретенными патронами.

— Теперь вы понимаете, почему мы заставили вас помогать строителям азотнотукового комбината? Он дает не только удобрения для полей…

— Понимаю, товарищ командующий.

Дождь не прекращался. Командир 14-го корпуса Дубовой, став под густую сосну, снял с себя мокрые гимнастерку и рубаху, надел на голое тело принесенное адъютантом кожаное пальто.

Якир бросил реплику:

— Что, Ваня, припекает? Ничего не поделаешь, такая наша судьба — день мокнем, ночь сохнем.

Сели в машины. Поехали в сторону «синих». С трудом переправились через завал, устроенный в одном из хуторов «красными» с помощью местных комсомольцев и пионеров. Мотоотряд рвался вперед, но уже не так прытко. Мешали не только сюрпризы — зоны заграждения. Дождь испортил дорогу. Снова ликовали противники моторизации, поклонники испытанных родов войск — пехоты и кавалерии.

«Красные» были сильны огнем, динамитом. «Синие»— бронемашинами, мотопехотой, пушками, перевозимыми на машинах. Командующий округом вместе с командирами корпусов и дивизий проверял, на что способны те и другие.

Учение длилось три дня. После отбоя где-то неподалеку от Гнивани Якир прямо в поле провел разбор учения. Все командиры, не ожидая напоминаний, по давно заведенному обычаю достали блокноты, карандаши, приготовились слушать.

— Товарищи, — начал командующий, — знаете ли вы, что такое настойчивость? Я расскажу вам об одном случае. В Харькове, рядом со штабом, чинили водопровод: трубы дали течь. Рабочие отрыли траншею, установили ручной насос, к вечеру откачали воду. А ночью разразился ливень. Траншею вновь залило. Воды стало еще больше. И снова: днем согнали воду, а ночью ливень. Так длилось целую неделю. Рабочие осушают траншею, а дождь ее заливает. И все же рабочие победили. Вот это и есть классический пример настойчивости! Так действовали на только что закончившемся учении «синие». Молодцы, только не совсем. То, что они упорно лезли вперед, похвально, но то, что они рвались в одном и том же месте, где их ждали, плохо. Они забыли закон боя: рвись вперед даже через самое трудное место, но лучше всего там, где тебя меньше всего ждут.

Иона Эммануилович сделал паузу, бросил взгляд в сторону командиров «синих»:

— Знаете, о чем я думал все эти три дня? О том, какая страшная вещь война. Покрутились мы тут всего три дня, а сколько бензина извели. Заграница дала бы за него целый прокатный стан. Да, мир — это накопление, война — расточительство! И все же, раз взялись за дело, то надо помнить: война есть война. У нее свои законы. Царская армия стояла триста лет, а рассыпалась в триста дней. Рухнул расшатанный большевиками один из ее основных устоев — связь офицера-дворянина с солдатом-мужиком. Дворяне звали солдат в чужие земли, а солдат требовал передела дворянской земли. Царское

войско уже не было страшно врагу. Армия, которая не может повалить армию врага, не устоит, когда на нее навалятся. Не выдерживает натиска та армия, в которой мало двигаются, много спят, мало думают и много говорят, мало делают, но много грозят, любят приказывать, но не любят подчиняться, боятся выполнять свои хорошие решения и не опасаются выполнять дурных решений начальства, где командир сам хватается за все и нечего не дает делать своим подчиненным. Не может быть успеха и там, где старший начальник перекладывает всю тяжесть боевого дела на рядовых работяг, считает себя гением, а врага — кретином. Английский теоретик Лиддел Гарт говорит, что успеха надо добиваться не сражением, а движением. А я скажу: успеха можно добиться и движением, и сражением, а главное — сокрушением. Бой ведут все — от звена до стрелкового корпуса. Операцию ведет армия. Удачный бой делает вас хозяином пункта, удачная операция — хозяином пространства. Но операция складывается из отдельных боев, как стрелковый взвод из отдельных красноармейцев. Значит, надо добиваться, чтобы об успехе операции думали все — от красноармейца до командующего. И еще запомните раз и навсегда: в прежних войнах победитель довольствовался отвоеванной землей, в теперешних — если противнику удастся победить нас — вместе с нашим добром ему понадобятся и наши головы. Незадолго до учения прочел я несколько книг и вам советую прочесть их: это «Реформация войны» Фуллера, «Человек в битве будущего» Зольдана и «Мысль солдата» фон Секта. Среди вас, безусловно, есть и будущие Чапаевы, и будущие Кутузовы, и будущие Егоровы. Вот вам и полезно знать, что пишут наши завтрашние враги. И еще прочтите в журнале «Война и революция», в пятом и шестом номерах, интересную статью профессора Военной академии Исерсона «Эволюция военного искусства». Это пригодится всем вам для еще лучшей подготовки к очередному учению.

Потом Якир говорил об ошибках, допущенных некоторыми командирами в процессе учения, всесторонне анализировал успехи и неудачи.

После разбора, не передохнув, Иона Эммануилович уехал в Гнивань. Там, в клубе карьероуправления, его ждали руководители ряда районов Подолии и Волыни, строители укреплений и инженеры-дорожники.

Не так давно профессор Военной академии Свечин, бывший царский генштабист, доказывал, что состояние транспорта не позволит в нужное время подбросить к границе отмобилизованные дивизии. Он ратовал за то, чтобы с началом

военных действий советские войска с боями отходили от границы к Днепру. Это, по его мнению, даст возможность спокойно отмобилизовать армию, а потом с линии Днепра перейти в сокрушительное наступление.

Статья профессора была встречена в штыки. Разумеется, не согласился с ней и Якир. Но он не ограничился только отрицанием, а, выступая в Реввоенсовете, потребовал создания на важнейших операционных направлениях от финляндской границы до Днестровского лимана развитой сети укреплений.

Развитая сеть укреплений! А где взять для этого материалы, средства? Остродефицитный цемент, арматурное железо дозарезу нужны были стройкам первой пятилетки. Однако предложение Якира было поддержано. В интересах укрепления обороны страна вынуждена была идти на жертвы.

Известно, что мощные дорогостоящие крепости, воздвигнутые у границ, не оправдали себя в первой мировой войне: Ивангород и Белосток — в России, Льеж — в Бельгии, Мец — во Франции. Необходимы были иные укрепления. И тогда вернулись к тому, что в какой-то мере напоминало укрепленные линии древности. Появились, правда, на иной технической основе, линии советских укрепленных районов, линия Мажино, линия Маннергейма — фортификационная пыль, в своей совокупности создавшие мощные преграды на рубежах государств.

Якир в юные годы не раз играл с друзьями на заросших лебедой и высоким болиголовом руинах Троянова вала. Теперь он сам воздвигал фортификационный оплот…

Какое огромное значение Главное командование придавало вопросу защиты Правобережья, можно судить по тому, что всеми строительными работами на границе руководил начальник военно-инженерного управления Красной Армии Николай Николаевич Петин, отличный специалист своего дела. В годы гражданской войны он возглавлял штаб Юго-Западного фронта. А не менее опытный специалист, военный инженер Сенекерин Мкртичевич Енокьян по планам Якира, утвержденным в Москве, строил стратегические шоссейные дороги от Днепра до границы.

На совещании в Гнивани, где обсуждался вопрос о ходе дорожного строительства, Якир сказал:

— Враг может напасть через год, а может, и через день. Дороги могут потребоваться в любой момент. Нам нужны подводы возить бут, щебень, цемент, железо, лес. Нужна рабочая сила. Вы обязаны дать все это армии. Мы не можем пользоваться радио, печатью, листовками. Все надо делать втихую. Говорить будем шепотом, а делать крепко. И вот еще что. В стране трудности. Ждем богатого урожая, а пока хлеба мало. Скажу

прямо, голод. Особенно тяжело с хлебом в Подолии, на Волыни. Люди падают от недоедания. Прошу вас в первую очередь направлять на работу молодежь — терармейцев. Пусть немного окрепнут на пайках у товарищей Петина и Енокьяна.

Вагон командующего стоял в Гнивани на запасных путях в ожидании поезда Одесса — Киев. Здесь Якир долго беседовал с командиром корпуса Вадимом Гермониусом, комендантом укрепрайона Юрием Саблиным, строителем укреплений Николаем Петиным, начальником Дорстроя Сенекерином Енокьяном.

Пришла на прием к командующему и Настя Рубан, ставшая после окончания спецшколы чекистом. Якир, увидев из окна свою воспитанницу, вышел ей навстречу. Тепло поздоровались. Иона Эммануилович пригласил гостью в салон, но она отказалась. Щелкнув замком портфеля, прошептала:

— Я потом, после всех, Иона Эммануилович. Секреты…

Якир велел адъютанту проводить Настю в свое купе, напоить чаем. Вскоре, отпустив последнего посетителя, усталый после напряженного дня, он тоже направился в купе.

Настя сидела у столика, перелистывая какие-то бумаги. Якир закурил, сел напротив. Настя сразу приступила к делу:

— Немецкая разведка интересуется планами наших укрепрайонов. Неделю назад польскую границу перешел агент. Пока что он в поле нашего зрения. Имеем данные — агент встречался в Берлине с Гёйдрихом и с белогвардейцем, по прозвищу «Скорпион».

— Старый знакомый, — вздохнул Якир, вспомнив Тирасполь, Плоское, Бирзулу.

— Вот именно, — продолжала Настя. — Нас смущает один человек из штаба Саблина. Некий Тулин. Его родной брат в эмиграции. В связи с этим я и приехала к вам.

— Что же, дело нужное. Тулина я, к сожалению, не знаю, а за Саблина ручаюсь как за себя. — Якир отодвинул стоявшую на столике пепельницу. — Думаю, Настя, что ты здесь не проморгаешь! А наша помощь, помощь военведа, нужна?

— И даже весьма! — ответила Настя. — Саблин часто командирует Тулина за материалами в Москву, Харьков, Киев. Сделайте так, Иона Эммануилович, чтобы инженера Тулина хотя бы на протяжении полумесяца никуда не посылали. Для нас это очень важно.

— Будет сделано, товарищ начальник! — улыбнулся командующий.

— Вот у меня как будто и все, — прошептала Настя. — Я пойду, отдыхайте, Иона Эммануилович. Кому-кому, а вам

достается.

Протянула руку к плащу и вдруг покачнулась: сказались дьявольская работа этих тревожных дней, бессонные ночи, нервное переутомление. Начался очередной приступ — результат тяжелого ранения под Копыловом. Якир поспешил на помощь Насте. Бережно уложил ее на диван, приоткрыл дверь, крикнул адъютанту:

— Воды!

Спустя минуту расторопный Виссарион Захарченко принес воду. Командующий, забирая из его рук стакан, распорядился:

— Бегите за врачом. И вот что: пусть комендант станции прицепит наш вагон к одесскому поезду.

— Нам же в Киев.

— Правильно, Виссарион, в Киев, а Насте нужно в Винницу. Вот и подвезем ее в нашем вагоне. Вернемся домой тремя часами позже. Не оставлять же ее здесь, в Гнивани.

6. Грозная сила

Чрезмерная нагрузка, постоянное перенапряжение, разъезды, бессонные ночи — все это отрицательно сказалось и на здоровье Якира. Командующий тяжело захворал. Ранней осенью 1934 года, в разгар тактических учений, он передал командование округом своему заместителю Ивану Дубовому, уехал в Вену лечиться.

К этому времени было завершено строительство укрепрайонов. Они надежно прикрывали главные операционные направления с запада. Все знали, что и буржуазная Польша, и боярская Румыния при известных обстоятельствах могут послужить трамплином для внезапного нападения на Советскую страну более солидного хищника. В Германии бряцал оружием Гитлер, а дорогу на Украину немецким полчищам указал еще добродий Петлюра.

На Правобережье заканчивалось строительство основных дорожных маршрутов. Развитие сильных средств обороны вызвало к жизни могучее средство прорыва — танк. Боевые машины и автомобильный транспорт дали толчок к бурному строительству дорог.

Когда-то бездорожье выручало Россию. Оно помогало Кутузову. Но бездорожье — верный союзник бедных, а не мощных стран.

Якир, Чубарь, Косиор да и все члены Комиссии обороны Украины полагали, что новые магистрали, возведенные не только для нужд армии, но и оживившие экономику и культуру до того глухих уголков, если и станут чисто военными дорогами, то только от Киева, а не к нему. В дополнение к этим сквозным магистралям от Днепра к западной границе Укрлесотрест, учитывая нужды армии, позаботился о прокладке через девственные пущи Волынского Полесья ряда подъездных и рокадных дорог-просек.

В ответ на угрозы Гитлера в погранполосе готовились к защите советской земли кавалерийские дивизии.

Вся эта грозная сила наперекор высказываниям Свечина должна была встретить интервентов далеко за Днепром и не дать им ни одной пяди советской земли, с первых же дней перенести войну на землю врага.

Древняя пословица гласит: рать сильна своим воеводою. Кто же были они, эти воеводы, которые должны были выполнить священный долг перед Родиной?

Как-то, выступая на большом собрании командиров и политработников, Иона Эммануилович сказал:

— Человек держится на двух ногах, а командир на двух устоях. Один из них — доверие начальства, другой — вера подчиненных. Если этого нет, если у командира нет даже одного из этих устоев, пусть он лучше станет во главе пекарни или бани. Напомню вам еще слова товарища Фрунзе: «Внимание и любовь старшего начальника дают силу красноармейцу перенести страдания и выполнить воинский долг». Сердца красноармейцев должны интересовать не только комиссаров. Знаю, редко, но еще встречаются у нас шибко резвые служаки. Они рвутся на дорожку, которая ведет к почестям и наградам, но избегают дорожек, ведущих к солдатским сердцам.

Якир настойчиво добивался не внешнего только, но и глубоко внутреннего единства между бойцами и командирами всех степеней. Он хорошо изучил основные кадры округа. Знал лично всех командиров корпусов, дивизий, полков. В каждом был уверен: за дело партии, за дело народа они пойдут в огонь и в воду!

В 1925 году, вступив в командование Украинским военным округом, Якир прежде всего позаботился об укреплении штаба. Во главе его должен был стоять не только способный, умный, опытный командир, но и всесторонне образованный человек. Именно таким знал Якир Павла Павловича Лебедева, бывшего генерала царской армии, потом активного и самоотверженного участника гражданской войны, начальника штаба Красной Армии. Иона Эммануилович разыскал его в Молокотресте: после гражданской войны бывшего генерала уволили из армии.

— Дорогой Павел Павлович, начну с дела, — сказал Якир. — Я назначен командовать округом. Боюсь, что без вашей помощи не оправдаю доверия ЦК партии и Наркома. Я был бы вам очень признателен, если бы вы согласились возглавить штаб.

Лебедев поднялся, зашагал по канцелярии, после небольшого раздумья произнес:

— Знаю, не начальник штаба выбирает своего командира, а нас, штабников, выбирают командиры. Но мне пятьдесят четыре года, вам, кажется, тридцать. Сработаемся ли?

— Сработаемся, Павел Павлович. И товарищ Немитц был почти вдвое старше меня, а не царапались. У меня есть опыт командования войсками, но нет опыта подготовки войск к обороне страны. Украинский округ — это махина. Мне нужен знающий наставник, и этим наставником я хотел бы видеть вас.

— Польщен, товарищ Якир, — ответил Лебедев.

— А об остальном что говорить, — продолжал командующий. — Каждому из нас известны его функции, а вместе мы кое-что сделаем.

— Что? Коллективное руководство?

— Отнюдь нет! — ответил, усмехнувшись, Якир. — Коллектив может решать, но не управлять. В боевых решениях один ум хорошо, два лучше. В управлении войсками два голоса — причина провала, один — залог успеха. И тем он значительнее, чем больше опирается не на чью-то прихоть, а на волю коллектива, на волю многих голосов.

Лебедев внимательно слушал собеседника. Затем положил обе руки на стол, спросил:

— А как на это посмотрят там, наверху?

— Все улажено!

— Когда приступать к работе, товарищ командующий?

— Хоть сегодня! — ответил Якир, горячо пожимая руку Лебедеву.

Это было в самом начале. Якир многому научился у Лебедева. Теперь же в штабе работали питомцы 45-й дивизии, ученики Якира, выпускники Военной академии имени Фрунзе. Начальником штаба был Дмитрий Кучинский, его заместителями — Бутырский и Соколов. Во главе управлений и отделов стояли опытные специалисты, мастера и практики своего дела — Бобров, Ингаунис, Игнатов. И каждый держался на двух устоях: доверии начальства и вере подчиненных.

Десять лет — немалый срок. Командующего военным округом Якира теперь хорошо знала вся партийная организация Украины, весь рабочий класс, знали колхозники. Его знала вся страна. Не только знала, но и высоко ценила. Зимой 1934 года на XVII съезде партии он был единогласно избран в состав ЦК ВКП(б).

Вскоре после съезда член ЦК партии Якир, докладывая в Комиссию обороны Союза о готовности оборонительных укреплений Правобережья, высказал мысль о целесообразности переноса столицы Украины из Харькова в Киев. Эта идея понравилась всем. Вернувшись из Москвы; Якир рассказал о своем предложении новому председателю Совнаркома Украины Панасу Любченко, недавно сменившему Чубаря. Председатель СНК, любивший яркие сравнения, задумчиво произнес:

— Стебель мака стоит с поникшим бутоном. Как только цветок созреет, стебель горделиво выпрямляется. Так и мы. На Правобережье нам теперь черт не страшен. Переедем в Киев, пусть Гитлер сделает из этого свои выводы.

Летом 1934 года Центральный Комитет партии Украины и Совнарком, а также штаб УВО переехали в новую столицу республики — древний Киев.

Осенью в районе Житомир — Новоград-Волынский состоялись военные маневры с участием конницы, танков,

авиации. Впервые на учении присутствовали закордонные гости — турецкая и итальянская военные миссии. Особенно многолюдной была турецкая делегация, офицеры которой приехали вместе со своими изумительно вымуштрованными денщиками. Возглавлял миссию Фахреддин-паша, внушительного вида и веса генерал, командовавший во время освободительной войны 1921–1922 годов всей конницей Кемаля-паши. Когда генерал-турок взбирался на вышку к Наркому, двое турецких часовых становились у ее подножия. Ритуал! Те же стражи ни за что не хотели пропустить депутацию коростышевских каменотесов, принесших Наркому и турецкому генералу подарки: чудесно вытесанные из гранита чернильные приборы.

После маневров состоялся банкет. Именитый турок произнес очень теплую речь. Восхищался действиями войск. Выразил признательность Советскому правительству за помощь народу Турции в его борьбе за независимость. Сказал витиевато: «Большие реки и малые ручьи текут в одно море, поэтому в будущих войнах, если понадобится, турецкие силы протянут руку помощи Красной Армии». Но известно: генералы говорят одно, политики вершат другое.

Особый интерес представляла речь Наркома, и не столько она сама, как ее заключительная часть. Ворошилов, дав замечательную оценку войскам и их командирам, поднял бокал и обратился к Дубовому:

— Дорогой Иван Наумович! Маневры прошли на высоком уровне. Факт! За это вам и вашим помощникам спасибо. Но давайте будем откровенными. Только не обижайтесь на меня, Иван Наумович. Скажу прямо, если бы этими маневрами руководил ваш командующий, они прошли бы блестяще. Жаль, заболел товарищ Якир, лечится в далекой Вене. Ну что ж! Выпьем за его скорейшее выздоровление. Кто такой Якир? Это — кость от кости, кровь от крови нашего народа.

Ворошилов хорошо знал Якира еще с прошлых лет. Ведь его Фастовская группа прочно обеспечила успех Конной армии под Сквирой, а потом 45-я дивизия под его командованием прошла весь нелегкий путь от Фастова до Львова, подпирая Первую Конную армию. И именно Ворошилов в августе 1920 года подписал вошедший в историю приказ Реввоенсовета Первой Конной армии с благодарностью 45-й дивизии и ее героическому начдиву.

Помнил Нарком и другое. В 1932 году, в очень тяжелый для Украины год, Якир, Дубовой, секретари обкомов Хатаевич и Вегер написали в ЦК партии докладную записку, В ней они сообщали о затруднениях с хлебом. Ворошилова вызвали в Кремль, положили

перед ним документ, полученный из Харькова.

— Безобразие! — сказал Сталин. — Что у тебя, Климент Ефремович, армия или кооперация? Почему твои люди суют свой нос куда не следует?

7. Большие киевские маневры

Осенние маневры 1935 года Якир проводил уже как командующий войсками Киевского военного округа. Полгода назад огромный по территории Украинский округ разделился на два: Киевский — лобовой и Харьковский — тыловой.

То была особенная осень. В конце августа широкие маневры развернулись на севере Италии, в долине Больцено, под командованием генерала Пьетро Аго и под верховным руководством римского диктатора Муссолини. Газеты много кричали о вновь созданной в Тренте танковой дивизии, называя ее «колонной стали и шума». Этими маневрами Муссолини предупреждал англичан, что он все равно воспользуется Суэцким каналом в своих далеко идущих агрессивных планах.

Тогда же провел внушительную демонстрацию сил в районе Портсмута с участием крупных механизированных соединений генеральный штаб Великобритании.

7 сентября закончились большие маневры в Шампани. Стены древнего Реймского собора, с трудом восстановленного после немецких бомбардировок, теперь сотрясались от грозного марша танковых колонн. Руководил этими учениями начальник французского генерального штаба генерал Гамелен. Особое значение маневров подчеркивалось присутствием на них военного министра Фабри, президента республики Лебрена и гостя с востока — заместителя начальника Главного штаба Красной Армии Седякина. Французские маневры являлись ответом на дерзкий вызов Гитлера, чуть ли не ежедневно кричавшего о реванше за разгром немецкой армии в войну 1914–1918 годов.

Хотя Фуллер, Дуэ, Зольдан, напуганные Великим Октябрем, вопили: «Поменьше людей, побольше машин!», маневры 1935 года показали, что без огромных людских масс война невозможна. Жизнь оказалась сильнее бредовых теорий, сильнее «учения» предтечи и апостола фашизма Фридриха Ницше, считавшего, что «множество» имеет право на кусок хлеба только потому, что оно призвано обслуживать выдающиеся единицы — «сверхчеловеков».

11 сентября 1935 года начальник внешних сношений Наркомата обороны Геккер, в гражданскую войну командовавший 13-й армией, встречал в Шепетовке посланцев Рима: генерала Монти, полковников Гарронэ и Пиаченца. Вечером начальник штаба округа Кучинский дал обед в гостинице «Континенталь» (ныне здание Киевской консерватории) в честь итальянских

гостей.

В гостинице «Киев» заместитель Якира Фесенко принимал за обеденным столом четырех чехословацких генералов — Крейчи, Гусарека, Фиалу, Шаря и четырех полковников — Прохаску, Драгача, Вихорека и Дастиха.

Французам давал обед Якир. Прибыли для участия в больших киевских маневрах четыре полковника — Мандрос, Лелонг, Раматэ и Симон. Возглавлял миссию генерал Лаузо, заместитель начальника французского генерального штаба, крупный теоретик военного дела, развенчавший в своих книгах Людендорфа как полководца.

В Киеве к французской миссии присоединился майор генштаба Луи Легуэст. Все лето он провел в чугуевских лагерях 4-го танкового полка, знакомясь с жизнью и бытом Красной Армии, с ее военной наукой. Французский майор, участник первой мировой войны, искренне восхищался советской тактикой и особенно оперативным искусством, требовавшим от танковых войск смелых и самостоятельных действий не только на поле боя, но и на оперативном просторе. Вот почему во время развернувшихся вскоре «боевых действий» генерал Лаузо не нуждался в особом комментаторе.

Итак, на больших киевских маневрах присутствовали зарубежные друзья (с Францией и Чехословакией недавно были подписаны договоры о взаимной помощи) и пока еще не враги, а друзья врагов — итальянские генштабисты.

Впервые на местности в небывалых масштабах проверялось новое советское учение о глубокой операции, демонстрировалась детально разработанная технология мощного и беспрерывного удара, с помощью которого только и возможно было преодолеть бич мировой войны — стабильность фронтов. Маневры, которые Нарком обороны поручил провести командующему Киевским военным округом Якиру, естественно, должны были показать Западу не только зрелость Красной Армии, но и действенность ее передовых теорий, а приобретенный в ходе учения опыт предстояло сделать достоянием самых широких кругов советских командиров.

Настроение у всех было приподнятое. Ветераны гражданской войны вспоминали: ровно шестнадцать лет назад в этих местах Южная группа прорывалась на север сквозь огненный кордон деникинско-петлюровского фронта, а год спустя Фастовская группа войск под командованием Якира колошматила отступавшие «от границ 1772 года» части Второй армии Пилсудского.

Теперь же по широким шляхам и тесным проселкам носились

с запада на восток и с востока на запад торопливые всадники. В густом мареве пыли мчались легковые машины, маячили на буграх люди с планшетами, над полями и рощами гудели день и ночь самолеты. Прибыли из Житомира и Винницы, из Проскурова, Шепетовки и Бердичева, со всего Правобережья стрелковые и конные корпуса и вновь созданные танковые бригады. Разделившись на «синих» и «красных», они заняли свои места, одни, чтобы «захватить Киев», другие — чтоб его «удержать». «Синей» стороной руководил командующий Харьковским военным округом Иван Дубовой, «красной» — его заместитель Семен Туровский, оба близкие друзья Якира и его единомышленники в вопросах оперативной мысли.

За хутором Паулиновка, в густом ольшанике, ждал сигнала к атаке танковый корпус Борисенко. Робкое мерцание рассвета посеребрило кусты, дальние холмы. С опушки рощи, пользуясь биноклем, всматривался в даль командир шепетовской танковой бригады Яков Федоренко, посредник при танковом корпусе.

Скоро на прогалине, поросшей почерневшим уже люпином и дягилем, остановились несколько легковых машин. Генерал Монти, выйдя из «бьюика», направился к посреднику, но Федоренко, указав биноклем на зазуммеривший телефон, развел руками и потянулся к трубке. Генерал Лаузо посторонился и сказал: «Не будем мешать», и злорадно посмотрел на итальянца. Когда иностранцы отошли в сторону, посредник заворчал:

— К черту под брюхо. Я старый моряк и не терплю эту братию. Тоже мне друзья-союзнички!

Неподалеку, замаскированные ветками срубленной жимолости, стояли машины тяжелого батальона Богдана Петрицы, или, как его в шутку звали, «адъютанта Франца Иосифа». Уроженец Золочевщины, призванный в конце мировой войны в армию, молодой Петрица попал ординарцем в полевой австро-венгерский штаб. Когда же 45-я дивизия сражалась с белополяками в районе Львова, Богдан вступил в нее добровольцем. Великана с мощной грудью, с детской улыбкой на добром лице хорошо знали в округе. Якир дважды посылал его на учебу — в военную школу, а потом на Актус[30].

Прикорнув возле гусениц танков, многие бойцы спали. Повара в белых халатах раздавали экипажам завернутые в целлофан бутерброды, разговаривали шепотом. Нарушали тишину лишь хруст сухих веток под ногами да крики встревоженных птиц.

Голубая машина главного руководителя маневров еще далеко курила по Фастовскому шляху, а комкор Борисенко уже собрал на своем командном пункте командиров подразделений и бойцов

лучших экипажей. Все знали манеру командующего вести разговор на людях.

Вот он, стройный, плечистый, без плаща, с тремя орденами и депутатским значком на груди, прищурив карие глаза, всматривается в лица танкистов. Якир любил говорить: «Самый верный инспектор — свой глаз» — и, чтобы узнать настроение людей, не ждал докладов начальства. Наполеон утверждал, что путь к победе лежит через желудок солдата. Якир, разумеется, заглядывал и в походные кухни, но он хорошо знал и другой, настоящий путь к победе.

Многие полководцы проводят долгие часы над топографическими картами, исписанными красными и синими стрелами. У них порой не остается времени для «прощупывания» солдатского сердца. А ведь от такого «прощупывания» прежде всего зависит успех или неудача этих магических стрел. Якир отдавал картам минуты, людям часы.

После беседы с бойцами он собрал вокруг себя командиров. Уточнив задачи танкового корпуса Борисенко, Винницкого пехотного корпуса Гермониуса, Житомирского кавалерийского Криворучко, танковой бригады Шмидта, Якир резюмировал:

— Что я вам скажу, дорогие товарищи? Сегодня мы, конечно, не услышим ни свиста пуль, ни разрывов снарядов. Не будет ни убитых, ни раненых. Пленные, может, будут. Но все мы — и те, которые учились в академиях, и те, которые не учились в них, — знаем, что любая война, каждое сражение преследует политическую цель. Наши враги там, за кордоном, шипели, что Красная Армия не просуществует и восемнадцати дней, а мы живем уже восемнадцать лет. Политическая цель нынешних маневров — продлить мир, завоевать время для социалистического строительства, сохранить жизнь многим тысячам советских людей. Изо дня в день мы укрепляем нашу мощь, нашу страну. Вот почему партия, страна, Нарком требуют, чтобы каждый боец действовал сегодня отлично. И боец, и командир, и политработник, и штабист. Штабы! При новой технике не обойтись уже всеобъемлющей командой былых лет «Давай, давай!». Мозгами надо шевелить. Наши старые штабники уже многому научились. А сейчас к ним прибыла крепкая подмога из Академии имени Фрунзе.

Да, подмога прибыла крепкая. Получившие высшее военное образование, полные энергии и желания применить приобретенные знания на живом деле, влились в войсковые штабы выпускники-фрунзевцы: Антонов, Баграмян, Бирюзов, Ватутин, Сандалов и многие другие.

— На нас смотрит весь мир, — продолжал Якир. — Сегодня

за нашей работой будут следить глаза Европы — французы, чехи, итальянцы…

— Хай им бис, басурманам, — проворчал командир конного корпуса Криворучко. — Приехали, поздоровались, а я им кажу: «Погоняйте на Иванцы, там штаб Якира». На шашках побалакать з ними — це наше дило, а по-культурному что-то душа не лежит.

Хотя любимец котовцев, умный, смекалистый командир кавалерийского корпуса прошел ускоренный курс военной академии, он еще частенько давал такие боевые распоряжения: «Ты, хлопец, узнай, де противник только для близира выкомаривается, а де он пнется по-настоящему».

— Напрасно, дорогой товарищ, — заметил Якир. — Твой шеф, покойный Гриша Котовский, тот одинаково хорошо балакал и шашкой и языком. Нам нужна не война, а мир. Понимаешь, Николай Николаевич, мир!

Якир подошел к посреднику при Петрице:

— Помните, товарищ, что вы не только «судья», но и собиратель нового. Записывайте все интересное, не забывайте, что у нас пока нет ни одного путного наставления по танкам прорыва.

На поляну донеслись звуки трубы. Войска готовились покинуть исходные позиции.

Один из командиров бросился к голубому «бьюику». Распахнул перед командующим дверцу. Якир захлопнул ее. Взял рукой за пояс сугубо услужливого товарища:

— Вы знаете знаменитого швейцара из ресторана «Континенталь»? Может, он не большой мастер командовать войском, но дверцу открывал бы с большим шиком.

— Так я же из уважения к вам, товарищ командующий, — краснея, проговорил командир.

— Вот сдадите на «отлично» инспекторский смотр и этим больше всего уважите меня. А потом вот что я вам скажу, дорогой товарищ. Слышал я, в старой армии давали звание генерала за заслуги, за выслугу и еще за обслугу. Но это ведь было в старой армии, а не в нашей.

…За Ирпенью много хуторов. В каждом хуторе большой дом под черепицей, огромная клуня, сараи, конюшни, гигантские скирды соломы. Осокори вперемежку с пирамидальными тополями окружают одинокие поселения. И вокруг них на гибких мачтах вьются заросли хмеля.

Так выглядел и хутор Паулиновка, возле которого саперы соорудили специальную наблюдательную вышку для Наркома. Отсюда прекрасно просматривались и дальний лес на горизонте, и вся изрезанная лощинами местность. В этом районе, по

расчетам штабных «жрецов», которые на маневрах реже ошибаются, чем на войне, намечался акт большой оперативной постановки.

Первая мировая война породила немало пророков, и каждый род войск имел своего. Итальянцы, помня позор Капоретто и Изонцо, послевоенные бунты вооруженных «плебеев», стремились свести на нет роль пехоты. Апостол воздушных сил Дуэ доказывал, что силами одной авиации, укомплектованной аристократами, удастся решить наисложнейшие стратегические задачи и достичь любых политических целей. Австрийский генерал Эймансбергер, написавший по заказу германского генерального штаба книгу «Танковая война», утверждал, что в современной войне танки — единственная стоящая сила.

Много и упорно работали над созданием новых танков на берегах Сены. Там на пуговицах танкистов красовался рыцарский шлем. И все же французские танки и пехота оставались сиамскими близнецами: друг без друга — ни на шаг. Танк «Шнейдер» был неуклюж, неповоротлив. Американцы создали свой быстроходный оперативный танк.

В зарубежных военных газетах и журналах писали о каких-то таинственных лучах, которые способны глушить моторы на расстоянии. Но этот загадочный «антимотор» пугал только обывателей, а не военных деятелей. Численность моторизованных войск росла не по дням, а по часам.

Снова, как полтысячи лет назад, на полях сражений появился закованный в броню отважный рыцарь, но мчал его в атаку не прикрытый латами конь, а мощный авиационный мотор.

Впереди всех оказались советская военная мысль и советская индустрия. Красная Армия получила первоклассные для того времени танки. На больших киевских маневрах впервые в огромных масштабах проводилось их испытание.

— Бурильщики, чтобы добраться до нефти, проходят многослойную толщу породы. Там, где она особенно тверда, головку бура — наконечник долота — заправляют алмазом. Вот вы и есть алмаз в нашем буре, которым будет пронзена насквозь вся толща обороны противника, и мы доберемся до «нефти», то есть до его глубоких тылов. — Так Якир, беседуя с танкистами тяжелого батальона Богдана Петрицы, образно объяснял сущность разработанной советской военной наукой глубокой операции и роль в ней танков прорыва. — Цель всякого наступления — прорваться через оборону и выйти на простор. Раньше эта задача была не под силу войскам, они могли только прогрызать укрепления, а их надо не грызть, а буравить. Танкам прорыва предстоит прокладывать путь войскам. Вы слышали о знаменитых

японских смертниках. Человек-торпеда, выполнив приказ, гибнет. А наш советский танкист, уничтожая врага, остается живым. Но война есть война. Тот, кому придется туго в бою — я имею в виду не учение, а настоящий бой, — должен твердо помнить, что, жертвуя жизнью, он сохраняет жизни тысячам своих товарищей: Вот что значат танки прорыва.

12 сентября «Красная звезда», начав освещение маневров, поместила на первой странице портрет Якира. Газета сообщала, что передовые отряды «синих» подошли к тщательно оборудованной оборонительной полосе «красных», сбили части прикрытия, приблизились к переднему краю, изготовились к прорыву. Атаки первого эшелона не увенчались успехом, однако позволили уточнить систему обороны: начертание траншей, противотанковых рвов, проволочных заграждений, расположение огневых точек.

13 сентября первая волна танков «синих», прижимаясь к подвижному огневому валу, перехлестнула через боевое охранение. Следом ринулась пехота. На одного бойца обороны приходилось пять наступавших. Превосходство сил в определенном месте и в определенное время! Разве это не то, чем добивался успеха полководец Фрунзе?!

Быстроходки с выпяченными вперед хоботами пушек с гулом и грохотом ринулись на окопы первой линии «красных». Длинный язык яркого пламени, как жало дракона, рвался наружу из добела накаленных глушителей. Серая стена пыли, поднятая танками, встала плотной завесой между первым и вторым валом атаки.

Танки стремительно неслись вперед. Канавы, бугры для них нипочем. Волна гусеничных машин, буравя насквозь все три линии полевых укреплений, взламывала оборону «красных», развертывала фланги прорыва и, углубляя его, кидалась на подходившие с тыла резервы.

Изогнутый вал танков катился вперед мощно, неудержимо. Якир, наблюдая с вышки за атакой боевых машин, вспомнил о тревоге, которой еще недавно жили руководители Украины: справится ли завод с заданием Москвы, даст ли на первомайский парад две машины БТ-2. Прошло лишь три с половиной года — и какие чудеса! Не два танка, а тысячи! Вот где мудрость партии, твердая направляющая рука ЦК, напряженный труд рабочего класса, инженеров, замечательная смекалка старых мастеров! Правительство высоко оценило труд танкостроителей, в том числе директора завода Леонида Владимирова, наградив его орденом Ленина. Теперь бывший комиссар полка осваивал уже иную, мирную продукцию. По предложению Серго Орджоникидзе его назначили директором нового гиганта советской индустрии

— Уралмашзавода.

Хотя «бурав» был острым и мощным, «порода» тоже оказалась не из податливых. Далеко не сразу «синим» удалось добраться до «глубинной нефти». Через выжженную огнем плотную линию обороны пехота «синих» продвинулась изрядно поредевшей. Вышли из строя и многие танки. Но бронированные машины захлестнули полковые и дивизионные резервы «красных». Второй эшелон танков устремился против артиллерийского кулака, против корпусных и армейских резервов. Танкам помогала штурмовая авиация. Прорыв становился все глубже, ширился по фронту.

8. У дорогих могил

14 сентября на «фронте» наступило затишье. Происходили лишь незначительные столкновения авангардов. В этот день, когда в головке «бура» притупившиеся «алмазы» заменялись свежими, командующий «синей» стороной Иван Дубовой предпринял еще один дерзкий шаг: через Днепр по воздуху в район Бровар, в тыл Киевского укрепрайона, был переброшен крупный парашютный и авиавоздушный десант.

Будь это настоящая война, Дубовой, без сомнения, нанёс бы по врагу синхронный удар — на земле и в воздухе. Но на маневрах пришлось чуть погрешить: надо было наглядно показать всем, в том числе зарубежным гостям, роль авиадесанта в глубокой операции.

С «красной» и «синей» сторон потянулись к днепровской переправе машины командиров, посредников, закордонных гостей. Спешили «газики» и «форды», «паккарды», «бьюики». Все они катили на восток, направляясь через Ирпенский мост к Киеву и дальше к Броварам.

Вблизи Копылова одна машина свернула на проселок. Проехав километра два, голубой «бьюик» остановился посреди поля у невысокого холма, поросшего диким барбарисом и полевыми травами. Из машины вышли Якир, его тезка Иона Гайдук, бывший начальник штаба 45-й дивизии Илья Гарькавый, теперь командующий Уральским военным округом. За ним — с двумя ромбами в красных петлицах и с двумя боевыми орденами на груди, теперь уже довольно солидной комплекции, рыжеусый Борис Церковный и грустный человек с мефистофельской бородкой, преподаватель фрунзенской академии Филипп Анулов. С обнаженными головами все пятеро приблизились к подножию холма. Густая зелень на нем вымахала в человеческий рост. Кусты барбариса, густо усеянные никем не тронутыми ягодами, казались окропленными каплями побуревшей крови.

Анулов, протянув тонкую руку к высокому кустарнику, сорвал длинный стебелек, покрытый узенькими листиками и мелкими, похожими на комаров, фиолетовыми цветами.

— Тогда, шестнадцать лет назад, помню, — сказал бывший командир Особого полка, — здесь было чистое поле. И смотрите, друзья, сама природа знала, чем украсить это скромное место. — Анулов протянул руку с зажатым в ней полевым цветком.

— А что это за травка? — спросил Гарькавый.

— Плакун-трава, — ответил Анулов. — Мы-то за суетой повседневных дел давно успокоились, а эта травка день и ночь

оплакивает наших боевых друзей.

— Совсем не потому она зовется плакун, — поправил Анулова Гайдук. — Народ говорит — от этой травы плачет сам дьявол. У нас, в Бессарабии, ее зовут флорилэ-зынерол.

— Что ты мне говоришь? — возразил Анулов. — Смотри, у плакун-травы даже листья точно такие же, как у плакучей ивы.

— Узкие, как телеграфная лента, — добавил Церковный.

— А у нас в деревнях корень этой травы заботливые матери кладут в постель невестам. Значит, чтобы до свадьбы соблюдали себя, — продолжал Гайдук очень убедительно.

— Эх, — глубоко вздохнул Гарькавый, — встали бы сейчас наши богатыри, посмотрели, чего добился народ, за что они полегли…

— Одно можно сказать, товарищи, — негромко проговорил Якир, — что кровь их не пролилась даром. Будь у нас тогда хоть сотая часть нынешней техники, не лежали бы они здесь на дороге к Киеву, а ехали бы сейчас вместе с нами в Бровары. — Нагнувшись, Якир сорвал свежий еще для осенней поры стебелек чебреца, вдохнул его степной аромат полной грудью, посмотрел печальным взглядом на Анулова, добавил: — И бедная наша Настя тогда пострадала.

— Пострадали многие, не одна Настя, — задумчиво произнес Гарькавый. — Да и было за кого и за что страдать. Теперь вот, оглянешься вокруг — душа радуется!

— Пусть радуются люди и плачут вот эти цветы! Сам бог велел им плакать: плакун-трава, — добавил Анулов.

— Все некогда и некогда, просто беда, — махнул рукой Якир. — А ведь надо бы, друзья, поставить вопрос перед властями — памятник здесь воздвигнуть или обелиск.

— И в самом деле, — поддержал командующего Гарькавый. — Я тут видел, эшелонами гонят коростенский гранит. В столице им облицовывают берега Москвы-реки. Оставили бы и здесь, на копыловской могиле, глыбу.

— Будь моя власть, — сказал Церковный, — я бы воздвиг здесь фигуру не из гранита, а из чистого золота. И чтобы это был монумент не только павшим, а и в честь всего героического Южного похода.

На обратном пути Якир спросил бывшего морзиста:

— На Украину не тянет, Борис?

— А что если и тянет, Иона Эммануилович? Академия-то готовила меня по восточному профилю.

— Спец по сопкам Маньчжурии, — вставил Гарькавый. — У него второй орден-то за Лехасусу!

— Да, за Лехасусу, — подтвердил Церковный. — Мы теперь

частенько встречаемся с нашими китайскими товарищами. Читаем им лекции по военному делу. Может, когда-нибудь они вспомнят нас добрым словом.

— Что там ваши лекции? — усмехнулся в запорожские усы Гарькавый. — Я еще с тех пор, когда служил в Наркомате обороны, помню, как много побывало в Китае наших товарищей! Да еще каких! С героическим походом от Кантона до Ухани связано имя нашего Блюхера, с разгромом милитаристов под Калганом имя Примакова, с ликвидацией кантонского восстания «бумажных тигров» имя Никулина.

— Иван Никулин — орел! — улыбнулся Якир. — Сейчас он командует в Проскурове кавалерийской дивизией червонного казачества. Что же касается Китая, то скажу вам по секрету: через Синьцзян и Монголию почти непрерывным потоком идет наше оружие для китайской Красной армии.

…Голубой «бьюик» командующего, обогнав растянувшуюся колонну машин, по деревянному Наводницкому мосту в Киеве миновал Днепр и направился по клинкерному шоссе на Бровары. Там уже с большой группой специалистов находился Владимир Хрипин, крупный теоретик военно-воздушных сил: ведь киевский опыт проведения воздушнодесантной операции предстояло сделать достоянием всей Красной Армии!

В небе гудели истребители — грозные передовые стражи воздушной армады. Следом за ними шли десантные самолеты. После приземления люди в голубых комбинезонах, собираясь в боевые группы, сразу же завладели полем. Под их прикрытием опускались на плацдарм тяжелые машины. Из вместительного чрева самолетов повалила проворная воздушная пехота. Из-под фюзеляжей выползали танки, пушки, грузовики. Минуло не больше получаса, уже были готовы к действию три полка десантников.

«Бой» в тылу Киевского укрепрайона, в глубине обороны «красных», разгорался все с большей силой. Командующий «красной» стороной Семен Туровский, получив первые сведения о высадке авиадесанта, двинул против него свой подвижной резерв — конницу, мотопехоту, танки, бронепоезда.

На деревянной вышке рядом с Наркомом и Якиром, наблюдая за решающей схваткой между крупным десантом «синих» и противодесантным кулаком «красных», стояли Косиор, Постышев, Петровский, Любченко, Гамарник, Егоров, Буденный. Поле «боя» окружали тысячи колхозников, рабочих, служащих. Киевляне приехали сюда рабочими поездами, на автобусах, на машинах, пришли пешком. Всем хотелось взглянуть на необычайное зрелище.

Шустрые журналисты сразу же атаковали иностранных гостей, наблюдавших за ходом боевых действий со своей, специально устроенной для них вышки. Чехословацкий полковник Дастих под свежим впечатлением продиктовал корреспонденту «Красной звезды»: «Авиадесант — это новый вид войск, созданный большевиками». Генерал Лаузо заявил: «Поражен успехом авиадесанта. Европа отстала». Генерал Монти — гость из Италии — заметил: «Я буквально в восторге от применения воздушного десанта».

Ночью киевлян подняли сирены воздушной тревоги. Тут уже всем распоряжался начальник противовоздушной обороны Украины Александр Ильич Швачко. Якир повез гостей на завод «Большевик», чтобы показать готовность рабочего класса к защите своих предприятий от воздушного налета врага.

Шел четвертый день маневров. «Синие» возобновили активные действия. «Красные», обороняясь на правом фланге, предприняли подвижными резервами глубокий обход. Танки «синих», прикрытые авиацией, форсировали Ирпень по наведенным ночью переправам.

Дубовой ввел в прорыв кавалерийский корпус Криворучко — 12 конных, 4 артиллерийских, 3 танковых полка и танковую бригаду. «Синие» сквозным ударом через всю глубину обороны вышли на оперативный простор. Первым сюрпризом для Криворучко была воздушная атака «красных». Затем произошло столкновение крупных масс конницы, поддержанных с обеих сторон огнем танков и артиллерии.

Давно уже убрали хлеба. За каждым селом высились огромные скирды соломы. В любой колхозной хате хлеба было вдоволь. Не то что недавно! По большакам и дорогам, вдоль которых в прошлую осень валялись, как на фронте, трупы павших лошадей, теперь с песнями и музыкой двигались грозные полки. Кавалеристы отпускали шутки в адрес девчат из колхозного обоза, отвозивших хлеб на железнодорожную станцию. Девушки улыбались, показывая белые зубы, и, чтобы скрыть смущение, нахлестывали кнутами ни в чем не повинных лошадей.

Среди старых командиров-конников было немало таких, которые дрались с деникинцами еще под Орлом. Их благословлял на эту святую битву сам Серго Орджоникидзе. В длинной мохнатой бурке в метель и пургу стоял он тогда на передовой, провожая червонных казаков Примакова в деникинский тыл. Много было здесь и тех, кто крошил Врангеля под Каховкой, громил Петлюру под Волочиском и банды Антонова на полях Тамбовщины.

Тяжелый туман полз над мокрыми полями. Медленно плыли

на запад рваные тучи. И вдруг солнце словно ударом меча распороло свинцовое небо. На минуту выглянул из прорехи его раскаленный зрачок. Золотые лучи, проткнув зыбкий туман, упали на землю широким голубым веером.

Полки кавалерии в сиянии призрачного света напоминали чеканные глыбы. Всадники казались сказочными богатырями, пришедшими из тьмы далеких веков.

Прикрытая танками, конница из походных колонн перестроилась в боевые порядки. Полки, рассредоточив в глубину и по фронту линейные эскадроны, пулеметные тачанки, батареи, заполнили весь плацдарм с севера на юг, от командного пункта до опушки соснового бора. Тяжелые танки на флангах, включив дымопуски, густой завесой обволокли весь кавалерийский клин.

Командарм Семен Туровский, прикрыв войска от внезапного нападения «синих» танковым корпусом Антона Борисенко, начал окружать «неприятельскую» конницу мотопехотой. Криворучко сначала отошел, понеся большие потери, но потом снова двинулся в наступление. Свежий танковый резерв Туровского, поддержанный штурмовой авиацией, нанес по коннице сокрушительный удар.

16 сентября в зрительном зале Киевского оперного театра у огромных карт, разрисованных изогнутыми цветными линиями, руководитель маневров Якир делал разбор. В партере, ложах, амфитеатре, на бельэтаже и галерках — всюду можно было видеть танкистов. У пехоты появился мощный соратник — технические войска. Вчера это была лишь идея, сегодня — бесспорный факт!

В фойе участники штурма Зимнего дворца, герои Перекопа и Царицына встретились с теми, кто водил войска на Буг, за Вислу, и с теми, кто брал Екатеринобург[31] и Владивосток.

Правые ложи заняли иностранцы. В первой уселись французы, рядом — чехи, в третьей — представители Рима. Напротив расположились работники Главного штаба Красной Армии.

После разбора маневров генерал Лаузо сказал корреспонденту «Правды»: «В отношении танков я полагал бы правильным считать армию Советского Союза на первом месте». Генерал Крейчи добавил: «Наиболее характерным из виденного на маневрах считаю массовое применение больших моторизированных соединений и их новую интересную тактику». А генерал Монти подчеркнул: «В отношении оперативной мысли важно, что в Красной Армии нет схоластики».

О какой схоластике могла идти речь в армии, руководимой Коммунистической партией и талантливыми полководцами —

славными питомцами ленинской школы!

…На широком поле правильными квадратами и прямоугольниками расположились войска. Здесь под Киевом собралась вся огромная армия Правобережья, завершившая годовую учебу великолепным заключительным маневром на переправах через Ирпень.

Был ясный осенний день. Со стороны Святошина лениво дул ветер, гнавший на город тихую песчаную пелену. Трепетала пожухлая трава, стряхивая с себя колючий песок. Издали казалось, что это серо-голубые зверьки, встав на задние лапки, совершают на одном месте священный, им одним доступный перепляс. Дрожали длинные стебли белены — она была слишком ничтожной, чтобы сойти за дерево, и слишком величественной, чтобы считаться травой.

Над широким полем высились две трибуны, наспех сколоченные саперами. Возле них собрались многочисленные гости и просто жители столицы. Было много женщин. Киев всегда славился своими женщинами, а киевлянки — изысканными нарядами и необычной красотой.

На трибуну поднялись первый секретарь ЦККП(б)У Станислав Викентьевич Косиор, председатель ВУЦИК Григорий Иванович Петровский, председатель Совнаркома Панас Петрович Любченко. Вечно сумрачный Павел Петрович Постышев поддался общему настроению: улыбался и бросал сиплым, словно простуженным, голосом шутливые реплики.

Заполнили отведенную им трибуну иностранцы.

Нацисты кричали о мифе XX века. И вот этот «миф» развернулся «перед глазами Европы» четкими и величественными контурами своей плоти и грозным веянием своего неодолимого духа. Вольно было им — иноземцам — сомневаться в том, что им рассказывал Нарком иностранных дел там, в Женеве, но нельзя было не верить тому, что им показали здесь, на полях Киевщины.

Вдали послышалась протяжная команда «Смирно». Ее подхватило множество голосов. Глухое эхо покатилось по холодному осеннему полю вдаль, где синел обвитый легкой дымкой Святошинский бор. Заиграли оркестры.

Объезжая войска, здоровался с полками Нарком Ворошилов. Оркестры перестроились, застыли напротив трибуны. Их было очень много, пеших и конных — целый полк музыкантов. Сверкали на солнце начищенная медь и серебро легких корнетов, тяжелых змееподобных басов.

Вдруг колыхнулось, стронулось с места широкое, необъятное зеленое море. В такт двигавшемуся людскому прибою лихо зазвенела медь оркестров, загудели барабаны.

Впереди войск шел командующий округом Якир. За ним следовали Иван Дубовой и Семен Туровский.

Колыхались и сверкали на солнце острые штыки. Твердо отбивала шаг пехота. Опаленные походами лица были повернуты к трибунам.

Шли полки за полками, дивизии за дивизиями. Крепкие, могучие, сильные бойцы — славная молодежь Украины, Дона, Сибири и всей необъятной Страны Советов.

Вот прошла Овручская дивизия, недавно переброшенная с Кавказа. У всех ее бойцов широкие плечи, тонкая, затянутая узким поясом талия и мягкая, бесшумная поступь. Это — дети непобедимых пластунов, вскормленные Кубанью и Тереком.

Затем появились бойцы невиданного до сих пор рода войск. Все в синих комбинезонах, васильковых шлемах, с парашютами за спиной и автоматами на груди. Не рота, не батальон, не полк. Целая дивизия! Парашютисты шли легко, плавно, порывисто, словно плыли по воздуху, с которым сроднился их молодой, отважный дух.

И сразу же в их ряды ворвался яркий дождь цветов. В шуме аплодисментов, в несмолкаемом «ура», в звуках марша прошла дивизия воздушной пехоты.

Седой трубач Рудой, который в армии служил еще при царе, высоко вскинув серебряную сигналку, затрубил: «Рысью размашистой, но не распущенной для сбережения коней…»

Где-то далеко, у Святошинского бора, отозвался сигнал командующего. Оркестры заиграли марш, тот самый, под который проходила конница по Красной площади перед ленинским Мавзолеем.

После военного парада, 17 сентября, генерал Лаузо заявил корреспонденту «Правды»: «Подобного мощного, волнующего зрелища я не видал в своей жизни… Высшее военное командование Красной Армии показало нам ее мощь, жизнь и работу. В этом дружеском акте я вижу искренность симпатий народов Советского Союза к моей стране».

В тот же день «Красная звезда» писала: «Части КВО с честью выдержали боевую проверку. Мы имеем чудесные кадры — вот в чем наше могущество и наше счастье».

Спустя пять дней Нарком подписал приказ № 182, в котором объявлял благодарность Якиру, Кучинскому, Амелину, Дубовому и Туровскому. Ценными подарками Нарком наградил тысячи участников маневров. В приказе отмечалось: «Маневры КВО, насыщенные массовым применением всех новейших средств боевой техники, полностью представили характер современного боя».

На экраны вышел фильм о больших киевских маневрах, сделанный коллективом опытных кинематографистов — Бубриком, Нечесой, Карамзинским, Анци-Полов-ским, Малаховым.

Советские люди еще больше укрепились в мысли, что безопасность Родины находится в крепких и надежных руках.

23 сентября 1935 года центральные газеты опубликовали Постановление ЦИК и СНК СССР о введении воинских званий лейтенантов, капитанов, майоров, полковников, комбригов, комдивов, комкоров, командармов и маршалов. Звание маршалов получили Ворошилов, Буденный, Тухачевский, Егоров, Блюхер; командармов 1 ранга — Каменев, Якир, Уборевич, Шапошников, Корк.

Сразу после киевских маневров в Москве состоялось заседание вновь созданного Военного совета. Свое выступление на этом заседании Якир посвятил ключевой фигуре армии — молодому командиру. Он заявил, что слово «лейтенант» должно звучать гордо.

— Поднять это звание надо на такую высоту, — многозначительно улыбнулся оратор, — чтобы каждая советская девушка стремилась стать женой лейтенанта.

Полушутливые слова Ионы Эммануиловича вызвали одобрительные реплики.

— Путь к маршальской звезде начинается с двух кубиков, — продолжал Якир. — Не всякий лейтенант становится маршалом, но всякий маршал начинает с лейтенанта.

Ссылаясь на прошлое, когда судьбу полковника мог решать лишь царь, Иона Эммануилович внес предложение, чтобы судьбой советского полковника распоряжались самые высшие инстанции, чтобы ни переместить, ни арестовать его нельзя было без санкции Наркома. На опыте киевских маневров, где выяснились недостатки в управлении войсками, Якир доказал необходимость создания Академии Генерального штаба, которая учила бы штабников искусству управления войсками в крупных операциях.

Военный совет постановил заменить устаревший Полевой устав 1924 года. Проект нового устава поручено было написать членам Военного совета Тухачевскому, Туровскому, Мерецкову.

Вскоре открылась и Академия Генерального штаба. Ее начальником стал Дмитрий Александрович Кучинский.

Сразу после маневров Якиру предложили возглавить Генеральный штаб или Военно-воздушные силы. Тогда же в широких партийных и военных кругах стало известно, что по просьбе Косиора и Постышева Якира оставили на Украине.

9. Оптимисты

Второго января, в первый рабочий день нового, 1936 года, Якир появился в штабе КВО позже обычного. С утра он посетил Лукьяновку, где в расположении батальона Богдана Петрицы строились казармы и парки для 4-й отдельной тяжелой танковой бригады. Этой ударной силе Якир придавал большое значение.

Накануне весь день командующий провел в пути, возвращаясь из Ленинграда. Там вместе со своим добрым другом Кодацким, потомственным питерским рабочим, теперь председателем Ленгорсовета, посетил завод. Выслушав просьбу Якира и Кодацкого, рабочие дали слово досрочно отгрузить в Киев боевые машины Т-28 для оснащения тяжелой бригады.

В кабинет Якира вошел армейский комиссар 2 ранга Амелин. Усаживаясь в широкое кресло, начальник политуправления округа широко улыбнулся, потряс в воздухе «Правдой»:

— Вот новогодняя передовая — «Стахановский год».

— Отлично! — отозвался Якир, дымя папиросой и бегло просматривая кипу бумаг. — Придется и нам с тобой, Михаил Петрович, помозговать, как сделать весь округ стахановским.

Амелин, развернув на коленях газету, продолжал:

— Нет безработицы в городах, нищеты в деревне. Это результат пятилетки. А что делается за рубежом? Кровавый террор в Германии… Четверть миллиона итальянских солдат против плохо вооруженных абиссинских отрядов… Новогоднее поздравление Ромена Роллана: «Невозможно устоять перед этим порывом радости и энергии, которым дышит героический оптимизм этого идущего вперед мира…»

— И не то было бы, — ответил Якир, — если бы мы с тобой, Миша, не тянули из нашего Наркомфина жилы. И все из-за гитлеровской чумы… Почитай, там, рядом с письмом Роллана, есть выступление Фейхтвангера. Он говорит о нынешней Германии словами Шиллера.

Амелин прочел: «И произвол глумится над искусством, а глупость знанья принимает вид, и здравый смысл считается безумством, и что добро в плену, а зло царит…»

— Да, сущее царство произвола, мракобесия и зла, — продолжал Якир. — Можно сказать: от крокодила родится крокодил. Гитлеровская армия может быть лишь армией бандитов и головорезов. Это надо внушить всем, чтобы никто не мог растеряться перед сюрпризами, которых в любой момент можно ожидать от бешеного фюрера.

— Подумать только, — воскликнул Амелин, шурша

газетой, — на кого работала наша оппозиция! Хорошо, что покончили с ней. Вот в передовой сказано: «Процесс над зиновьевско-каменевской бандой был последним актом в разгроме организованных покушений на диктатуру пролетариата».

— Что ж! — Якир на мгновение оторвался от бумаг, посмотрел на армейского комиссара. — Поднявший меч от меча и погибнет.

— Добро, что нас эта зараза не коснулась, — задумчиво проговорил Амелин. — Красная Армия едина, сильна и до последнего вздоха предана нашему вождю, другу и учителю.

— Что верно, то верно, — подтвердил Якир и протянул руку к телефонной трубке, чтобы ответить на настойчивый звонок. Командующему напоминали, что ровно в полдень начинается очередное заседание Политбюро Центрального Комитета КП(б)У.

Якир аккуратно сложил стопку подписанных бумаг, спрятал в карман гимнастерки карандаш, стал одеваться. Выходя из кабинета, сказал поднявшемуся с кресла Амелину:

— Вот так оно и получается, Михаил Петрович: в рабочее время заседаем, в нерабочее — работаем.

Оптимизм командования Киевского военного округа подкреплялся не только итогами больших киевских маневров. 14 января очередная сессия ЦИК СССР, чего уже давно не практиковалось, слушала доклад представителя Наркомата обороны. О постоянной готовности Советских Вооруженных Сил дать решительный отпор любому агрессору говорил заместитель Наркома Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский. 15 января «Правда» озаглавила свою передовую «Границы нашей Родины неприступны», а в отчете о сессии писала: «Появление на трибуне товарища Тухачевского членами ЦИК и всеми присутствовавшими было встречено бурными и продолжительными аплодисментами».

Спустя две недели газеты подробно описали церемонию пышных похорон английского короля Георга V. «Замнаркома обороны Маршал Советского Союза т. Тухачевский шел в процессии вместе с представителями армий других держав», — сообщала «Правда».

О том, что на сессии ЦИК доклад делал маршал Тухачевский, бывший дворянин, и что он же на траурной церемонии в Лондоне представлял Советский Союз, много шумела западная пресса. Досужие писаки сочиняли басни об очевидном перерождении советского режима, о шансах на успех «советского кандидата в Наполеоны…».

О чем только не толковали выброшенные за борт люди, в

тяжелом мраке безнадежности искавшие какие-то искры надежд! Их больше всего тревожило не то, что было, а то, что будет.

Генеральные штабы Европы хорошо знали, что представляет собой полководческий потенциал советских маршалов и командармов — тех, кого особенно надо было страшиться. Знали об этом и выброшенные за борт беспочвенные фантазеры и жесткие реалисты.

В Белграде, а потом в Париже проживал в то время, питаясь субсидиями немецкой разведки, бывший командир белогвардейского полка, известный уже читателю «Скорпион». О его похождениях немало сообщала закордонная пресса. Вышибленный с остатками врангелевской армии из Крыма, деникинский контрразведчик осенью 1920 года уже в чине генерала попал в Галлиополи. Там белогвардейцы долго и напрасно ждали счастливой минуты — нового похода Антанты. Кемаль-паша не очень-то миловал эмигрантов. Вынужденные покинуть Турцию, они получили приют под крылом югославского монарха. Вот там-то, в Белграде, возникла у «Скорпиона» идея — спровоцировать крупных советских полководцев.

Гитлеровец Гейдрих, выслушав старательного агента, сказал:

— Кустарщина! Топорная работа! — и с усмешкой добавил: — Что говорить, сразу видно, вы не ариец! Вам далеко до Макиавелли…[32]

«Скорпиона» прошиб пот. Он достал шелковый платок, вытер обритую наголо голову, в которой наперекор мнению Гейдриха идеи возникали одна за другой. Хотя Гейдрих и посмеялся над «Скорпионом», но его предложение понравилось гестаповцу: он выдал бывшему деникинцу толстую пачку немецких марок.

Рейнгардт Гейдрих, долговязый садист с холодными глазами и ястребиным носом, имея за собой «хвост» — отца, опереточного актера-метиса, всячески выслуживался перед Гитлером. Это он, выученик обер-шпиона Канариса, сфабриковал провокационное дело против командующего сухопутными войсками, впоследствии казненного генерала фон Фриче. Сделав за короткий срок головокружительную карьеру, он стал главой имперской безопасности в Берлине.

Заманчивое предложение, имевшее целью спровоцировать крупных советских полководцев, самых талантливых вожаков Красной Армии, захватило гестаповца. Именно этим и можно объяснить щедрость Гейдриха, несвойственную отпрыску полунищего актера.

…Тухачевского в Англии принимали торжественно. Знакомили с армией, со страной. В Москву он вернулся 20

февраля вместе с комкором Витовтом Путной — военным атташе СССР в Великобритании.

В этот день произошли знаменательные события. В Испании победил народный фронт. А Эдуард Эррио, выступая во французском парламенте в защиту договора о взаимной помощи, сказал: «С полным основанием крупнейший французский специалист генерал Лаузо, посетивший Советский Союз, заявил, что Красная Армия является одной из наиболее мощных армий в Европе». Спустя неделю французская палата двумя третями мандатов голосовала за ратификацию договора о взаимопомощи.

В ответ на это 7 марта 1936 года гитлеровские войска заняли Рейнскую область. Гитлер хорошо знал, что реальная сила находится в руках той одной трети французской палаты, которая склонна идти всю жизнь рядом с фашистами, нежели один день рядом с Советами.

Гитлеровская печать требовала аннексии Данцига, Мемеля (Клайпеды). Это вызвало переполох на берегах Балтики. В Москву, вынужденные к тому общественным мнением своих стран, поспешили начальники штабов: Эстонии — генерал Реек, Латвии — генерал Гартманис, Литвы — полковник Чернюс. После первомайского парада на обеде, у маршала Егорова Чернюс заявил: «Если Советскому Союзу потребуется нанести удар по противнику, чтобы защищать свою страну, это будет жесточайший удар».

1 мая 1936 года внушительные парады войск состоялись во многих советских городах. «Правда» писала: «В Хабаровске имя Блюхера передается из уст в уста… В Киеве на трибуне, приветствуя войска, стояли Косиор, Постышев, Петровский, Любченко, Якир… Идет стахановская мотомехчасть. Бывший партизан, причинивший много неприятностей немцам и гетманцам в 1918 году, товарищ Шмидт в совершенстве овладел новой техникой…»

В первых числах мая Якир созвал начальников всех родов войск. Поставил перед ними задачу подготовить на самом высоком уровне учение с показом всех видов и образцов новой техники. Василию Бутырскому, заменившему на посту начальника штаба Дмитрия Кучинского, дал задание обеспечить явку на учения всех командиров корпусов, дивизий, бригад и отдельных частей.

После этого командующий выехал в Одессу. Там он осмотрел порт, побывал на причалах. Многое изменилось с тех пор, как он вместе с бывшим адмиралом Немитцем изучал здесь наиболее угрожаемые подступы с моря. Тогда там маячили боевые суда Антанты. Прошло семнадцать лет. Одесса стала эспланадой, с

которой стартовали суда с оружием для борющейся Испании. Кто бы мог подумать об этом тогда, в грозном 1919 году!

Вскоре войска округа оставили зимние квартиры, перебрались в лагеря. Два первых летних месяца прошли в напряженной учебе. А 5 июля 1936 года, за несколько дней до крупных технических учений, в Киеве случилось ЧП: арестовали бывшего кавалериста, члена партии с 1915 года, дважды орденоносца, командира 8-й отдельной танковой бригады комдива Дмитрия Шмидта.

10. После ЧП

На технические сборы в Киев были вызваны командиры и комиссары корпусов, дивизий и бригад с берегов Черного моря и Днестра, Збруча и Буга, Горыни и Случи, Тетерева и Десны.

Все командиры корпусов и коменданты укрепрайонов имели воинское звание комдивов. Только Николай Криворучко получил звание комкора. В этом же звании находились тогда заместители командующего войсками округа Фесенко и Тимошенко. Командиры стрелковых дивизий и некоторых танковых бригад имели звания комбригов, за исключением Дмитрия Шмидта, которому, очевидно, учтя прошлые его боевые заслуги и солидный боевой опыт, дали «комдива». Среди участников сборов Шмидта не было. Сразу после ареста его увезли в Москву.

Учение проводилось на подступах к Ирпени. Широкая пойма реки, оборудованная минными полями, фугасами, волчьими ямами, завалами, представляла собой классический образец универсальной зоны заграждения.

Окружной инженер показал участникам сборов замаскированные в траве мотки тонкой, едва различимой в зарослях осота проволоки. Потом он взмахнул рукой, и ассистент выпустил из мешка рыжего пса. Постояв мгновение, собака с радостным лаем бросилась со всех ног наутек. Но радость Рыжика длилась недолго: звонкий его лай вмиг оборвался. Руководитель учения, дав команду выключить ток, направился к зарослям осота и, словно подстреленного зайца, поднял собаку за задние лапы.

— Момент — и дух вон! — пояснил инженер. — Опыт можно повторить.

Ассистент начал развязывать второй мешок.

— Хватит, — запротестовал комдив Саблин. — И собаке дорога жизнь. Убедили одним рыжим, достаточно…

Винницкого коменданта поддержал комдив Княгницкий. А Криворучко, положив тяжелую руку на плечо инженера, сказал с неподкупной простотой:

— Тебе, человече, любой гицель[33] позавидует. Раз, два — и в дамках. Знаешь, в бою я крошил гадов, как повар картошку, надо будет, и еще накрошу, а шо б так, как ты…

— Отнять жизнь не такая простая штука! — бросил реплику и командир Проскуровской танковой бригады комбриг Куркин.

— А ты пробовал? — поддел Куркина коллега из Шепетовки комбриг Федоренко, будущий маршал бронетанковых войск.

— А как же! — бойко ответил танкист. — Все мы, бывшая шоферня, грешны. Сидя за баранкой, с десяток петухов и я

передавил.

— Хитер брат! — вмешался в разговор розовощекий крепыш комкор Фесенко. — Петухами хвалится, а о курочках молчит…

— Военная тайна! — потягивая трубочку, пробасил командир 1-го кавалерийского корпуса Михаил Афанасьевич Демичев.

Однако эти шутки, вызвав улыбки, не смогли изменить мрачного настроения слушателей. У многих командиров, особенно тех, которые знали Шмидта много лет, не выходило из головы недавнее ЧП. Ведь толком пока никому не было сказано, за что и почему взят под стражу командир Киевской танковой бригады.

Люди не хотели долго теряться в догадках, блуждать среди предположений. Возможно, в другое время Опыт с рыжей собакой и не вызвал бы такую реакцию участников сбора. Чувствовалось, что многим хотелось узнать настоящую причину ареста Шмидта. Командир с периферии отзывал в сторону столичного друга и, шушукаясь, пытался выяснить истину. Но истины тогда еще никто не знал.

И вот во время перекура все же прорвалось.

— Хоть секите мне башку, не пойму, — начал Николай Криворучко, обращаясь к усевшимся на траве товарищам. — Шоб комдива вот так сцапали, наче конокрада какого! Он же не деникинский охвицер, не махновец. А если напакостил, скажите, все будем знать. Вот хоть бы вы, товарищ Тимошенко, наше начальство, командуете всей кавалерией округа, скажите, за что взят Шмидт?

— Кто же не знает Шмидта, — угрюмо и неопределенно процедил Тимошенко.

— Говорят, он большой трепач, — пробубнил Куркин; — Где-то что-то сболтнул…

— Просто трепач не мог бы заслужить все четыре «Георгия» и чин прапорщика в мировую войну, не мог бы повести солдат за Ленина против Керенского, поднять Полтавщину против гетмана и немецких оккупантов, — отозвался командир кавкорпуса Демичев.

— У него, кажется, первый орден с номером тридцать пять, — добавил комкор Феликс Ингаунис, начальник авиации округа.

— Сам Сталин видел его в бою под Царицыном, — сказал комдив Саблин. — Раненого Шмидта два бойца держали тогда под руки. До конца боя не хотел уходить…

— Раз такого человека берут, — снова заговорил Криворучко, — скажите за что? А если не говорят, — покосился он на Тимошенко, — всякое можно подумать. После присвоения новых званий мы и лейтенанту говорим, что без согласия

командующего никто не смеет его чипать. А тут не лейтенант, а комдив, все равно что генерал-лейтенант.

— Шмидт лет десять назад голоснул за Троцкого! — послышалась чья-то реплика.

Комкор Фесенко сказал в ответ на это: — Голоснул да раскаялся. Иначе он бы к нам в округ не попал.

— А я слыхал, нашли растрату в подсобном хозяйстве у него в бригаде. Шмидт будто бы прикрывал расхитителей, — неторопливо произнес командир корпуса Копыловский.

— Кому знать, если не вам. Соседи по квартире! — оборвал Копыловского начальник бронетанковых сил округа комбриг Игнатов, поглаживая серебристый ежик-прическу, потом добавил с иронией: — А не слыхали ли вы, товарищ комдив, говорят, Шмидт носил на базар сбывать роликовые подшипники с боевых танков? — Раздался смех, а Игнатов закончил совсем неожиданно: — Подлец Митька. Подвел округ, подвел все наши бронесилы, подвел меня. Ждал я к осени красную звездочку…

Послышался сигнал. На специальном участке показывали новейшие средства химической защиты. Участников сбора, снабдив противогазами, провели через дымовую завесу и газовую камеру. Проверяли выносливость каждого. Крепкие легкие оказались у Бутырского, авиатора Ингануса, у Борисенко, Демичева, Криворучко. Однако все рекорды побил Тимошенко — позже всех снял маску.

В тот же день показывала свои достижения тяжелая танковая бригада. В программу входили строевое учение по радиокомандам, преодоление эскарпов и надолб, прорыв укрепленной полосы, стрельба с закрытых позиций. Участников сбора ошеломила изумительно четкая работа телетанков-огнеметов с дистанционным управлением. Танкисты корпуса Борисенко на специально оборудованных машинах преодолевали водную преграду, двигаясь по дну реки. Это было за пять лет до того, как танки Гудериана, окружившие Брест, появились на советском берегу, пройдя по дну Буга.

Ничего не показывала участникам сборов 8-я отдельная бригада. Танкисты бригады тяжело переживали свалившуюся на них беду. Ведь они так гордились своим командиром — героем гражданской войны!

С новейшими боевыми средствами авиации и техникой противовоздушной обороны вместе с участниками сборов знакомились руководители Украины Косиор, Постышев, Петровский, Любченко. В Ржищеве всем показали еще одну новинку. Там на специально оборудованном полигоне танки двигались в атаку на «неприятельские» позиции, следуя вплотную

за настоящим огневым валом. Огнем батарей мастерски управлял, не выходя из рамок заранее составленного графика, начальник артиллерии округа Николай Бобров.

На обратном пути командиры собрались в салоне парохода «Тарас Шевченко». Оживленный разговор о взаимодействии войск незаметно перескочил на больную тему: снова заговорили о Шмидте. В салоне находился и Якир. Все присутствующие полагали: уж кому-кому, а ему, депутату верховного органа власти, члену ЦК партии, вероятно, известна суть дела!

Первым с вопросом к командующему обратился Николай Криворучко. В салоне наступила гулкая тишина.

— Что я вам скажу? — закурив, после длительной паузы ответил Якир. — Пока ничего не известно. Неизвестно даже мне и Амелину. Факт, понятно, очень неприятный. Шмидта мы все знаем. Смешно было бы отрекаться. Возможно, что из присутствующих здесь больше всех знаю Шмидта я. Да вот еще червонные казаки Демичев, Григорьев. Ну еще Саблин. Я думаю, что Шмидт хотя и имел в прошлом колебания, но на подлость не способен. Москва разберется, потерпите. Правда свое возьмет. Вас же, товарищи, прошу помнить о главном. Как это поется в песне: «Не спи, казак, во тьме ночной, чеченец бродит за рекой». Там, за Одером и Рейном, бродит страшный враг. От звериных воплей фашистов съежилась вся Европа, в том числе, сдается, и наши союзнички на берегах Сены. А если съежимся мы, погибнет Европа, погибнет весь мир. Раньше Россия спасла цивилизацию от Батыя, теперь большевики спасут ее от Гитлера. Для нас основное — крепить политическую и боевую готовность, держать порох сухим.

Слова Якира внесли некоторое успокоение в растревоженные умы. Однако неопределенность осталась и продолжала тревожить сердца людей. Это понимал и командующий. В его памяти возник Вишневец, где возбужденный Гайдук так рьяно защищал своего друга Халупу, чуть не ставшего жертвой поспешного решения. Вспомнились и другие случаи нерушимости войскового товарищества, великой силы дружбы. Но там, на фррнте, все было ясно, а тут…

Якир направился в Москву. Твердо решил: если понадобится, пойдет к самому Сталину, хорошо знавшему Шмидта по царицынским боям. Но к Сталину идти не пришлось. Ежов с «красноречивыми» материалами в руках убедил Якира в виновности арестованного комдива. А раз есть вина, должна быть и расплата…

Конечно, история неприятная, ошеломляющая. Но думать надо о другом. Враг не спит, копит силы. Ответить на его угрозы

и на его силу можно лишь одним — еще более мощной силой. Якир вновь окунулся в дела округа.

Все маховики, все шкивы, все шестеренки прекрасно налаженной машины, принимая на себя и передавая другим рабочим деталям усилия приводных ремней, вращались беспрестанно в четком ритме, не снижая раз взятых темпов.

11. Тяжелые дни

Вскоре ЧП повторилось. В августе 1936 года арестовали коменданта укрепрайона Юрия Саблина. Тот, кто брал в начале июля Шмидта, понял, что нельзя выхватывать из армии командира, не указав его вины. Саблина сразу же объявили «немецким шпионом».

В Харькове посадили заместителя командующего округом Семена Туровского, члена партии с 1912 года, политкаторжанина, героя гражданской войны, члена Военного совета при Наркоме, одного из авторов Полевого устава.

Еще больше взволновало Якира известие об аресте председателя Днепропетровского горсовета Николая Голубенко, активного участника Южного похода. Шутка ли, Голубенко, Туровский. Кто бы мог подумать?!

В августе же в Москве судили Зиновьева и Каменева. Во время процесса прокурор Вышинский сказал, и это повторили газеты: «Не бывший раньше на подозрении в партии комдив Шмидт должен был во время киевских маневров убить Наркома Ворошилова…»

Сообщение сделало свое дело. Кто после такого заключения генерального прокурора мог сомневаться в целесообразности ареста?!

Вскоре начальник кадров доложил командующему перечень лиц, намеченных к переброске во внутренние округа. Якир, обнаружив в списке фамилию своего тезки, спросил:

— Что это значит? За Гайдука ручаюсь головой.

— Я, товарищ командарм первого ранга, лишь исполнитель, — глухо проговорил кадровик. — В Наркомате считают, будто Гайдук часто встречался со Шмидтом. Когда я сказал: «У них полигон и танкодром общие», мне ответили: «Встречались они не только на работе, но и на охоте».

Если раньше Настя Рубан была частым гостем в семье Якира, то этим летом зашла лишь один раз. То было особенное лето. Страна бесшумно провожала в далекую Испанию своих мужественных волонтеров и с большой заботой принимала из-за моря детей Кастилии и Андалузии. Испания приковала к себе внимание миллионов советских людей. Но дома тоже назревали крупные события. Насте было не до визитов.

И все же однажды они — Настя с Якиром — встретились. Командующий войсками принимал жен военнослужащих — участниц многодневного конного пробега. Большой зал киевского Дома Красной Армии был переполнен. В числе гостей находилась

и Настя.

За последние месяцы она сильно изменилась. В ней уже нелегко было узнать миловидную, бойкую, жизнерадостную участницу Южного похода. Особенность профессии, что бы там ни говорили, накладывает свой отпечаток на облик человека. Посуровело лицо Насти, у глаз появились тонкие лучики морщин, напряженным стал взгляд. И лишь когда ей случалось улыбаться, вновь оживала прежняя Настя. Изумительно сияли ее голубые глаза, сверкали белоснежные зубы.

Якир тоже выглядел далеко не так, как раньше. Какая-то строгость и суровость сковали его мужественное лицо. В те дни лица говорили больше, нежели слова!

Во время выступлений участниц пробега Настя написала Якиру записку, просила о встрече, но, вырвав листок из блокнота, скомкала его, спрятала в карман. Незадолго до конца приема вышла, закурила, стала прогуливаться под высокими осокорями Крепостного переулка.

Вскоре вышел на улицу и командующий. У подъезда стоял его голубой «бьюик». Настя, отшвырнув окурок, быстро направилась к Якиру. Они дружески поздоровались. Командующий пригласил свою воспитанницу в машину. Она отказалась:

— Если можете, товарищ командарм первого ранга, уделите мне пять — десять минут… Очень важно… Пройдемтесь…

— Слушаюсь, товарищ начальник! — Якир напряженно улыбнулся.

— Иона Эммануилович, — начала Настя дрогнувшим голосом. — Я нарушаю долг чекиста. Сообщаю вам служебную тайну. Иначе не могу. Я совсем потеряла голову. Да к тому же приступы мучают, зверски ноет старая рана… Я хочу вам сказать… Вы же знаете меня лучше, чем кто-либо другой…

— Что случилось?

— Случилось страшное. Одно из двух: или я стала дурной чекисткой, или же я получаю дурные распоряжения. За Шмидта ничего не могу сказать, а вот дело укрепраиона, в частности инженера Тулина, вела я. Для меня ясно: Тулина взяли правильно, Саблин же ни в чем не повинен. Ну, может, Москва там чего-нибудь доискалась…

— Знаешь, Настя, мы с тобой не можем видеть того, что видно сверху.

— Допустим! — согласилась она, нагнулась, подобрала пуховую сережку, которыми был устлан весь тротуар по Кловскому спуску. — Но вот мне дали вести дело Вераша — командира Запорожского зенитного полка. Я понесла начальству

протокол допроса. Ничего за человеком нет. А мне сказали: «Вераш — венгерский шпион. И если этого не будет в протоколе, сядешь сама». Так вот я вас спрашиваю, Иона Эммануилович, разве этому учил нас Дзержинский? — Настя достала платок, поднесла к глазам.

— Успокойся, Настюшка! — взял ее за руку Якир. Сообщение Насти взволновало и его самого. Он не мог усомниться в искренности ее признания. Ей было действительно тяжело. Впрочем, в ту пору было немало «дурных» чекистов, которые, рискуя головой, делились с друзьями своими сомнениями.

— Основное достоинство большевика — правдивость! — сказал после непродолжительной паузы командующий. — Ты изнервничалась, издергалась. И о болях в затылке надо подумать. Попроси отпуск, дадут. А нет, замолвлю слово перед твоим начальством… Возьми себя в руки, Настюша! Самый лучший врач — время. А я сегодня постараюсь кое-что выяснить, поговорю, где надо.

Якир не поехал в штаб. Сказал шоферу: «В Совнарком!»

В Совете Народных Комиссаров, в кабинете Любченко, командующий с гневом говорил о всем том, что услышал от Насти. О том, что перед лицом беснующихся фашистов следовало бы обдуманней решать судьбу командиров. Любченко и находившийся в его кабинете Косиор обещали Якиру во всем разобраться.

Прошло три дня. Якир вернулся из Чапаевской дивизии. Встречавший командарма Бутырский еще на перроне вокзала сообщил потрясающую новость — накануне похоронили Настю. Хоронили ее торжественно, с цветами, музыкой. Ораторы у могилы говорили, что Настя скончалась от разрыва сердца во время очередного приступа. Однако позже стало известно, что никакого приступа не было: Настя покончила с собой.

В конце рабочего дня Якир вызвал к себе Гайдука.

Попросил его съездить вместе с ним на Байково кладбище, показать Настину могилу. Всю дорогу ехали молча. Углубленный в свои думы, Якир перебирал тонкими пальцами лепестки алых роз огромного букета.

У свежей могилы Якир снял фуражку. Минуту стоял без движения, потом, подняв глаза на своего спутника, сказал:

— Вот так, дорогой тезка, уходят наши славные ветераны. Одни навсегда, другие в далекие края.

Гайдук провел рукой по горлу, перепоясанному красно-лиловым шрамом. Это была неизгладимая память Богучара и патлатой бурки, содранной с него белоказаками.

— Хорошая была баб… — начал было танкист, но, встретив

укоряющий взгляд командарма, поправился: — Хороший товарищ была Настя Рубан. Жаль ее.

— Эх, Ионул, если бы ты только знал, какой это был человек!.. Иного убивает зло, нашу Настю сломила честность. Однажды мне удалось ее удержать, а вот на сей раз…

С кладбища вернулись в штаб. Там оставались бумаги, рассмотрением которых Иона Эммануилович решил заняться дома. Он позвал в кабинет Гайдука. Сложив документы в папку, сказал:

— Вот и ты, тезка, едешь на Волгу. Тает и тает наша боевая семья…

— Знаю, — без видимых признаков какого-либо волнения произнес бывший матрос. — Мне вчера сообщил эту «приятную новость» Амелин. Ну что ж, Иона Эммануилович, раз надо, так надо. Всюду можно служить Советской власти — и в Киеве, и в Ульяновске. Вот только, когда наши пойдут в Бессарабию, не забудьте, позовите и меня. Этой думкой живу я все годы…

— Обязательно позовем, тезка! — ответил Якир.

— Однако жаль, — продолжал Гайдук. — Вас подвожу… Я же все понимаю, хотя, может, вы считаете — Гайдук способен только сечь контру клинком или давить гусеницами. Я понимаю, вытуривают меня из округа, в чем-то подозревают, а в чем — не ведаю. Через меня, может, и вам будет заметка в Москве, а вы жалели меня, заботились…

Якир, взволнованный не то думами о Насте, не то словами земляка, порывисто вскочил, зашагал по кабинету:

— Зря ты это, тезка. Никакой заметки мне не будет. Я — член ЦК партии и перед своей партией, перед народом кругом чист, так же как чист и ты. В этом я не сомневаюсь.

Гайдук вдруг почувствовал боль в сердце. Что-то стукнуло в его зыбкие стенки. Прижав руку к груди, следя глазами за шагавшим по кабинету Якиром, он тяжело вздохнул и, как бы обращаясь к самому себе, произнес:

— Вот она, трехсот тридцати трех святителей крученая судьбина. Много раз звал меня в Слободзею мой дружок колхозный бригадир Свирид Халупа разводить виноград. Приглашал к себе в помощники и молдавский Наркомзем Иван Колесников. Ведь вместе с ним громили бандита Кожемяченко и плосковских кулаков. Не поехал в Молдавию. Думал, еще пригожусь Красной Армии. А сейчас что? Пошла писать губерния… Перестали верить Гайдуку? Клюют за то, что встречался со Шмидтом. Да разве один я с ним встречался? Выходит, был Гайдук рубака, глушил всякий элемент — и темный, и вредный, и буржуйский, и белогвардейский, а зараз

сам зачислен до какого-то элемента. А до какого — не знаю. Ну ничего, ляжу курсом на Волгу, послужу там. Только вы уж меня не забывайте, товарищ командующий.

Через несколько дней Якира вызвали в Москву, предложили возглавить военную миссию, которая в порядке ответного визита направлялась для участия в больших маневрах французской армии.

И вот оба земляка, поднятые волной революции на гребень жизни, разъехались в разные стороны. Один, облеченный самым высоким доверием, с миссией представлять Советский Союз отправился к берегам Сены. Другой — «свирепый танкист» — лег курсом на восток, к берегам Волги.

12. Почетная миссия

То был год многочисленных и торжественных совещаний. Страна широко отмечала самоотверженный труд советских людей. Началось с приема в Кремле стахановцев промышленности цветных металлов. Если учесть, что на изготовление двух первых советских быстроходных танков пошла медь церковных колоколов, то можно понять внимание, которое было оказано тем, кто добывал цветные металлы из недр земли. Потом съезжались в Кремль нефтяники и хлопкоробы Азербайджана, труженики Бурят-Монголии, животноводы, лучшие льноводы страны, стахановцы Грузии, жены работников тяжелой промышленности.

Не были забыты и передовики Красной Армии. 26 мая 1936 года правительство наградило орденами пятьсот летчиков. 17 августа газеты напечатали списки более тысячи пятисот новых орденоносцев-военных. Это была необычная щедрость, если судить по тому, что за все годы гражданской войны Реввоенсовет Республики наградил всего лишь около десяти тысяч бойцов и командиров.

В купе вагона Якир достал из портфеля толстую пачку газет. Сборы в дорогу, короткие приемы начальников служб и работников штаба в последние дни не оставляли ему ни единой свободной минуты. Газеты непрочитанными он складывал в портфель. И вот сейчас наступило раздолье. Пока поезд придет в Париж, времени для чтения газет больше чем достаточно.

Верный привычке подчеркивать самое интересное, Якир достал из кармана карандаш. Сообщение о наградах обрадовало командарма. В списках он нашел очень много товарищей из Киевского военного округа, старых боевых друзей, своих питомцев. Разумеется, этими орденами страна отмечала не только личные достижения командиров, но и работу всего огромного коллектива защитников Родины.

Много места уделяли газеты сообщениям о всенародном обсуждении проекта новой Конституции, о которой Сталин сказал журналисту Рой Говарду, что она будет самой демократичной из всех конституций, существующих в мире.

Но было в газетных сообщениях и много тревожного. 19 августа 1936 года печаталась статья Берия под грозным заголовком «Развеять в прах врагов социализма».

«Кто бы мог подумать? — Якир отложил в сторону газеты, уставился в окно, за которым проплывали поля и леса Белоруссии. — В числе командиров оказались террористы,

предатели! Где они точили свои ножи? В войсках нашего округа, в Киевском гарнизоне, у нас под носом! И это в то время, когда фашисты не перестают клацать вокруг нас зубами».

На Северном вокзале Парижа советского командарма встречала большая группа военных во главе с генералом Лаузо. Пришли работники посольства, среди которых был и советский военный атташе во Франции.

В шумной толпе пассажиров, прибывших с берлинским экспрессом, затерялся один человек, которого весьма интересовала личность высокого гостя французской армии.

С бритой головой, покрытой элегантной фетровой шляпой, поблескивая модным пенсне и золотыми зубами, с портфелем в руках маячил на перроне давно уже сменивший Белград на Париж частый гость Берлина, бывший деникинец, под неизменной кличкой «Скорпион». Он сразу узнал Якира, хотя со времени их последней встречи прошло семнадцать лет. «Скорпион» вспомнил, как вместе с другими тащил молодого командира батальона на расстрел. Память сохранила и другую встречу, в Бирзуле, после плосковского восстания. «Говорят, большевики — звери, перчаткой сдирают с рук кожу, — размышлял фашистский агент стоя на перроне вокзала. — Нет, все это выдумки досужих газетчиков. Большевиков скорее можно назвать скучными провинциалами, корчащими из себя средневековых рыцарей. Эта игра в рыцарей, в бутафорских донкихотов спасла мне жизнь, чтобы еще раз столкнуть с большевистским Сультом[34], как называет французская пресса Якира. В 1919 году, после высадки деникинцев в Одессе, Якир, попав со своим войском в капкан, ускользнул. Но капкан капкану рознь…»

Якира со всеми почестями принимал похожий на мумию, извлеченную из асуанских пирамид, генерал Гамелен. Странное и вместе с тем горделивое чувство переполнило сердце Якира. Подумать только! Французские войска высаживались в Одессе, шли вместе с румынами на Тирасполь, хозяйничали в советских водах Черного моря, вооружали Деникина, помогали Врангелю укреплять Перекоп, а Пилсудскому берега Збруча и Вислы; правая рука Гамелена — генерал Вейган в 1920 году фактически возглавлял третий поход Антанты. А теперь?.. Теперь генеральный штаб Франции принимает с почестями советских военных, посылает армейских «китов» в СССР, зовет к себе, показывает свои достижения. Союзники! Народный фронт сказал: «Лучше год с Советами, чем день под Гитлером!»

Якира прежде всего повезли на линию Мажино. Французам было чем похвастать. Генерал Луазо, спускаясь с Якиром в подземелье чудо-дотов, хвалился:

— Неприступный гранит.

— Неприступного гранита самого по себе нет, — спокойно ответил Якир. — Только гранитные сердца придают неприступность граниту.

Во время развернувшихся вскоре маневров советскому командарму дали возможность побывать всюду. Его опытный глаз замечал и то, что назойливо демонстрировалось новым союзником, и то, что хозяева тщательно пытались скрыть. Французы хвалились мощью своих пушечных стволов, заявляя, что их будет сотня на каждом километре активного фронта.

Однако танки они пристегивали лишь к атакующей пехоте. И это после трудов Фуллера, после «Танковой войны» Эймансбергера, после восхищенных отзывов о смелых маневрах советских танков стажера Луи Легуэста и даже после нашумевшей книжки командира танкового полка де Голля, пытавшегося внушить высшему генералитету Франции новые идеи.

То, что увидел Якир, огорчило его. Чего можно ждать от такого союзника! Ведь у Гитлера не только дивизии и корпуса, а целые армии оснащены авиационными моторами и закованы в броню!

На осторожные вопросы Якира очень сдержанно встретивший советского командарма Вейган отвечал кратко и неопределенно:

— Военная комиссия парламента! Она требует, чтоб танки в первую очередь прикрывали своей броней сынов Франции — атакующую пехоту. Де-мок-ратия! — с плохо скрываемой иронией добавил генерал.

Якир подумал: «Это, очевидно, та треть депутатов, которая голосовала против советско-французского договора о взаимной помощи. И им, господам, вместе с Вейганом, ясно, больше нравится быть год под Гитлером, нежели один день идти рука об руку с Советами».

Гамелен, желая, очевидно, кое-что услышать о возможностях восточного союзника, развернул перед Якиром карту, начал водить сухим пальцем по прирейнским землям, где густота фабричных труб могла бы соперничать с девственным лесом.

— Да, Рур — это грозная штука, — сказал командарм, не отрывая глаз от карты. — Но кое-что сделано и у нас. Пятилетки дали нам новый Краматорск, Магнитку, Кузбасс. С конвейера сходят сотни танков, самолетов, зениток. — Иона Эммануилович сделал паузу и, по обыкновению, когда собирался сказать что-нибудь особенное, прищурился: — Но, мон женераль, мы куем оружие для того, чтобы отстоять свой уклад, Гитлер же кует его лишь для того, чтобы навязать свой уклад и нам и вам.

Во время банкета сидевший рядом с советским военным

атташе офицер генштаба Луи Легуэст сказал:

— Вот вы сажаете в танки рабочих. Для них техника — родное дело. А мы создаем танковые экипажи из пейзанов[35], причем собираем их из глухих деревушек Вогезов и Арденн. Вся известная им техника — плуг и коса, зато, как говорят наши генералы, это надежно. Но, по-моему, с этаким контингентом не сунешься в далекий и дерзкий рейд, на который способны ваши солдаты…

«Скорпион» прибыл в Париж не для того, чтобы своей или же рукой наемника отнять жизнь у командарма Якира. В бесконечных беседах с Гейдрихом, Канарисом, Гиммлером в Берлине было достигнуто единое мнение: такой акт вызвал бы лишь негодование в народе и сплоченность всех сил страны вокруг Кремля. План был иной. Следовало так обтяпать дело, чтобы вызвать замешательство не только в войсках, но и в народе. Деникинец высказал предположение, что Якира потянет, хотя бы из простого любопытства, в «Мулэн руж» или же в «Ша нуар»[36], а там можно заснять его на пленку и затем шантажировать. Он даже предложил привлечь для этого свою жену, когда-то известную в царской России певицу.

Канарис, хорошо знавший особенности всех советских деятелей, резко оборвал шпиона:

— Опять рецидив кустарщины… Мелко плаваете… Не знаете Якира, а почти земляки. Видно, забыли про вашу «гениальную» идею с княжной Урусовой? Ваш вариант может сорвать наш генеральный план. Поэтому только наблюдение, подчеркиваю, наблюдение и лишь с одной целью охота за мелкими деталями. Сплошь и рядом мелкая, ничтожная, но убийственная деталь делает правдоподобной былью колоссальные небылицы…

И тут берлинского наемника осенило. Он ответил обер-гестаповцу, почесывая щеку обрубленным пальцем:

— В Сибири охотники подбрасывают медведю «ежа» — утыканный гвоздями шар. Разъяренный зверь, схватив его лапами, становится беззащитным. Вот мы подкатим красным такого «ежа». Это будет похлеще десяти Перекопов.

Выйдя из кабинета Гиммлера, главаря гестапо, и вернувшись в специальную лабораторию в подземелье на улице принца Альбрехта, «Скорпион» дрожащими пальцами захватил из коробочки щепоточку кокаина. Прижав одну ноздрю, с упоением вдохнул в себя порошок. Закопченные мозги контрразведчика словно продула струя свежего воздуха. Он направился к своим подручным.

Чем были заняты в то время «лаборанты» в подземелье на

улице принца Альбрехта? Об этом сообщают изданные за кордоном книги: «Тайный фронт», «Лабиринт», «Канарис», «Двойная игра», «История германского генерального штаба». Бывшие гитлеровские служаки не скупятся на ложь. Однако все они придерживаются одной версии: гестапо создало так называемую «красную папку» с фальшивками для передачи Сталину.

Об этом Н. С. Хрущев напомнил делегатам XXII съезда: «Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены».

Не явилась ли «красная папка» тем «ежом», о котором говорил «Скорпион» Канарису? Так или иначе, а «лаборанты» с улицы принца Альбрехта заботами немецкого посольства в Москве получили все образцы советских карандашей, из которых выбрали один, идентичный якировскому…

В те лихорадочные дни «Скорпион» часто приходил на работу в нечищеной обуви и небритым. На берегах Сены к его внешнему виду придирчиво относилась жена. В Берлине же он был предоставлен самому себе. Не было с ним и его верного оруженосца и телохранителя Антона Кожемяченко.

Вожак плосковских повстанцев сначала в роли деникинского эскадронного командира воевал под Мариуполем и Орлом. Потом, спасая свою шкуру, вместе с другими кавалеристами разбитых белых полков снова переметнулся к красным. В рядах 6-й кавалерийской дивизии прошел путь от Ростова до Замостья. Когда Первую Конную армию перебрасывали на Врангеля, в шестой дивизии, находившейся в районе Бердичев — Любар, начался бунт, в организации которого не последняя роль принадлежала Кожемяченко. Но, затесавшись между тифозными больными, он не попал в число зачинщиков, расстрелянных по приговору трибунала в Елисаветграде.

С фиктивной справкой из госпиталя он направился в родные места. На станции Винница столкнулся лицом к лицу с бывшим комиссаром 45-й дивизии. Голубенко сразу узнал вожака плосковских повстанцев по его уж очень заметному подбородку — «утиному клюву». Но тут раздался гудок паровоза, пассажиры лавиной ринулись на перрон, и Кожемяченко, воспользовавшись

суматохой, скрылся.

Страх погнал его на юг, в махновское «царство». В ту пору Махно куролесил на просторах Полтавщины. На хуторе за Никополем беглец недолго батрачил у молодой солдатки. Там он снова встретился со своим благодетелем «Скорпионом». Белогвардейцы теснили тогда к Днепру части Второй Конной армии. В корниловском полку Кожемяченко получил под свое командование взвод конных разведчиков.

Вместе со «Скорпионом» под натиском красных предатель бежал в Крым, а потом попал в Галлиополи. На турецкой земле ему не повезло. Офицеров было много, пайков мало. Предпочтение отдавалось первопоходникам[37]. Кожемяченко лишился офицерского пайка. Не помогло даже заступничество генерала. Чтобы не сдохнуть с голоду и не попасть на корм стаям бродячих турецких собак, он пошел в денщики к своему покровителю: как побитый пес, следовал за ним из Галлиополи в Белград, из Белграда в Париж. Много лет не только чистил сапоги генералу, но и стирал кружевные панталоны генеральши. Не раз грыз себе локти, вспоминая о том почете и уважении, какими пользовался, будучи командиром советской кавалерийской части.

В 1926 году западная пресса много шумела об Украине, якобы готовой вот-вот восстать. Вновь забурлила кровь авантюриста. Тайно от своего патрона он связался с петлюровской колонией. Ему велели написать «клопотання» на имя головного атамана.

Однако в те дни, когда Кожемяченко с трепетом ожидал ответа на свое «клопотання», в Париже прогремел выстрел часовщика, мстившего головному атаману за убийство родных. Вместе с жизнью Петлюры рухнула последняя надежда. И деникинский ворон в отчаянии повесился в Булонском лесу на ветке ясеня.

В августовские дни 1936 года занимались Якиром не только в подземелье мрачного здания на улице принца Альбрехта, но и в генеральном штабе Франции.

— Смотрю я на этого советского генерала, — сказал Гамелен Вейгану, — и вспоминаю Лазаря Гоша. Тот был сыном трактирщика, этот сын аптекаря, а оба колотили опытных старых генералов. Я не знал Гоша лично, но уверен, что у этого советского Гоша кругозор и масштабы гораздо шире. Кремль может гордиться своими питомцами — Тухачевским, Седякиным, Якиром да и многими другими. Слышал я, что в Берлине Якира называют советским Мольтке.

— С господином Тухачевским, как вы знаете, мон женераль,

мы сталкивались на Висле в тысяча девятьсот двадцатом году, — ответил Вейган. — Конечно, твердый орешек. Но не забывайте, мон женераль, кругозор кругозором, а сейчас Тухачевским, Якирам и Седякиным придется иметь дело не с кем-нибудь, а с наследниками Мольтке и Бисмарка… Что ни говорите, Азия — это Азия, а Европа есть Европа…

Не забывали о Якире и в другом месте. В то время когда он достойно представлял Красную Армию на берегах Сены и Марны, ежовские следователи Гай, Ушаков и другие комплексно допрашивали Дмитрия Шмидта.

Следствие настойчиво убеждало бывшего комдива, что во время больших киевских маневров он должен был убить Наркома Ворошилова, чтобы расчистить место для Якира. Шмидт все это отрицал. Как основную вещественную улику заключенному предъявили документ, найденный у него при аресте, — график передвижения Наркома на всех этапах маневров. Но этот график имели при себе на учении все командиры соединений и отдельных частей.

Тогда появилась новая версия: будто Якир, уезжая в 1934 году на лечение в Вену, вызвал к себе в штаб Шмидта и дал ему директиву усиленно готовить к антисоветскому восстанию 8-ю танковую бригаду.

Согласно хитроумному сценарию Ежова получалось, что Якир, командующий Киевским военным округом, подспудно готовил удар в спину той самой армии, славу которой он умножал подвигами вверенных ему войск и на укрепление которой он отдавал все свои силы.

13. Вызов в Москву

Осень 1936 года прошла в напряженной работе. В сентябре вместе с руководителями Украины Якир встречал в Киеве Наркомвоенмора.

С впечатлениями о белорусских маневрах, которые блестяще провел командарм Уборевич, Ворошилов выступал перед столичным активом. Долго говорил о кознях врагов. Напомнив, что первый арест произошел в Киевском гарнизоне, он призывал к неусыпной бдительности.

Всю осень командарм Якир провел вне Киева. Войска завершали летнюю страду сложными тактическими учениями, теперь уже по новому Полевому уставу. Уставная комиссия Генерального штаба выпустила в свет новый устав, синтезировав проекты, написанные Тухачевским, Туровским, Мерецковым. После тактических учений началась пора инспекторских смотров.

В начале апреля 1937 года арестовали командующего Уральским военным округом Илью Ивановича Гарькавого, ближайшего соратника и друга Якира.

Иона Эммануилович полетел в Москву. Встретился с Ворошиловым. Добился свидания со Сталиным. Генсек успокоил его, сказав, что, хотя против командующего Уральским округом имеются серьезные показания ранее арестованных лиц, следствие разберется. Если за Гарькавым вины нет, его освободят.

…1 мая 1937 года Якир, пропуская колонны боевых соединений, стоял на трибуне вместе с партийными и советскими руководителями Украины. Последние события, вся эта череда ЧП, спешные переводы командиров в другие округа, переброски из гарнизона в гарнизон тяжелым грузом лежали на сердце командующего. Но сейчас, глядя на мощные колонны танков, на мужественные лица командиров и бойцов, слушая грохот орудий тяжелых калибров, Якир думал о том, что главное все же достигнуто: советский порох держится сухим.

9 мая в округе начала свою работу очередная партийная конференция. Выступивший на ней Амелин, уже получивший назначение в Тбилиси, открыто бичевал командование, то есть себя и Якира, за притупление бдительности, за либерализм, за засорение кадров.

В конце мая 1937 года открылся очередной съезд Компартии Украины. В его президиуме сидели рядом бывший командующий КВО Иона Якир и вновь назначенный командующий Иван Федько. Якира переводили в Ленинград.

В дни заседаний съезда из Москвы поступило сообщение:

бывший заместитель Наркома, только что назначенный командующим Приволжским военным округом, Михаил Николаевич Тухачевский арестован. Возбуждено ходатайство перед ЦИК СССР о лишении его маршальского звания и орденов.

У Якира дрогнуло сердце. В последнее время Иона Эммануилович очень сдружился с Тухачевским. Не раз они беседовали о том, что волновало обоих: как лучше подготовить войска к отпору все более наглевшему фашизму. Оба осуждали тупость и косность некоторых военачальников. Может, бывшего замнаркома сгубила его прямолинейность? Недавно, во время обсуждения в Кремле плана укрепления обороны, Михаил Николаевич резко отвечал Сталину. Заявив, что, как солдат, он выполнит все, чего потребует партия, Тухачевский опровергал концепцию генсека и упорно настаивал на своей… Но чтобы Михаил Николаевич, коммунист, думал жечь то, чему поклонялся с 1918 года, не может быть…

30 мая Якиру позвонили из Москвы, вызвали на внеочередное заседание Военного совета.

— Завтра утром вылетаю самолетом, — ответил он.

— Нет, — возразил Нарком. — Только поездом. Вечером 30 мая Иона Эммануилович через черный ход покинул дом. Появилось острое желание побродить одному по городским паркам, по знакомым улицам, попрощаться с Днепром. Скорым шагом он пересек улицу. Очутившись в тени вековых кленов и каштанов, пошел медленнее. В парке держался подальше от людных площадок, от фонтанов, собиравших толпы зевак. Скользя по крутому склону, спустился к самому берегу. Там, среди густого ивняка, снял с горячей головы фуражку, расстегнул пуговицы мундира.

Мимо текла неспокойная река. Ее воды бороздили белые, похожие на лебедей катера. Словно вычеканенные из золота, качались на стремнине освещенные отблеском вечерней зари лодки рыбаков. Над Днепром носились крикливые чайки.

«Очевидно, не скоро снова придется побывать на берегу Днепра, — размышлял Якир. — Даже будучи здесь, в Киеве, и то трудно было урвать вот такую минуту. А сколько раз собирались с женой и сыном съездить на Слободку, на остров Водников, к устью Десны! Так ни разу и не пришлось осуществить эти заманчивые прогулки. Что ж, прощай, Днепр! Посмотрим, чем встретит далекая Нева! Прощай, столица Украины!»

Впереди — город великого Ленина. Ведь и осенью 1919 года его, Якира, после Южного похода вместе с 45-й дивизией направили с берегов Днепра к берегам Невы, чтобы дать отпор полчищам Юденича. Дорога одна, а вот настроение не то…

Конечно, Ленинградский округ тоже лобовой. Там командарма ждала не менее интересная работа. Но все же жаль было расставаться с Киевом, с войсками. Ведь здесь он знал каждую дивизию, каждый полк, знал, на что способны их командиры. Вот все восхищаются командармом 1 ранга Борисом Михайловичем Шапошниковым. Выступая с докладами, он, не глядя на карту, называет дороги, речные рубежи, высоты, отдельные хутора. Здесь и у него, Якира, вся карта будущего театра военных действий крепко держится в голове. А там, в Ленинграде, все придется изучать заново.

Настал день отъезда. Квартиру занял новый командующий. Семья Якира пока оставалась в Киеве, ей отвели две комнаты. Провожающих было немного: Иван Дубовой, Амелин, жена, сын Петя. Вместе с Ионой Эммануиловичем уезжал в Москву его бессменный адъютант Виссарион Захарченко. У всех было почему-то грустно на душе.

На рассвете 1 июня поезд Киев — Москва прибыл на станцию Брянск. В вагоне все еще спали. Отстранив проводника, в коридор вошли двое военных, направились к купе, занятому Якиром. Не постучавшись, открыли дверь. Один из вошедших молча шагнул вперед, извлек из-под подушки командарма пистолет и лишь после этого разбудил спавшего Якира. Все стало ясно без слов.

— А санкция ЦК? — спокойно спросил командарм.

Грузный особист ответил:

— Потерпите до Москвы…

Стража приказала арестованному выйти из вагона. В обход вокзала повела его к ожидавшей у тупика закрытой черной машине. Следом бежал полураздетый Захарченко. Якир, заметив адъютанта, успел ему сказать:

— Виссарион! Передай жене, сыну, что я не виновен ни перед партией, ни перед Сталиным, ни перед народом, ни перед ними. До моего возвращения, дружище, не давай их в обиду.

Из Брянска до Москвы Якира везли в машине со скоростью сто километров в час.

…В одиночной камере на Лубянке, уже без пояса, без орденов и депутатского значка на груди, без командармских шевронов и звездочек на рукавах, Якир сразу потребовал бумагу. Не зная еще, в чем его собираются обвинять, он, как член ЦК партии, написал гневную жалобу в Политбюро, требуя немедленного освобождения или встречи со Сталиным.

Якир жил надеждами. Как прозрачный стебель бальзамина никнет без воды, так и переставший надеяться заключенный еще задолго до судебного решения становится трупом. А его надежды

имели под собой прочную основу. Это — честная служба в Красной Армии, три боевых ордена, золотое оружие — за Лиски, за Южный поход, за боевую помощь Буденному на всем пути от Таращи до Львова, за разгром Петлюры. Ведь не кого-нибудь, а его, Якира, член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Сталин поставил в критический момент во главе Фастовской группы войск! Сталин хорошо знает его и не допустит несправедливости…

Надежды поддерживали дух. Он докажет свою невиновность. Это не так трудно сделать. У него могли отобрать мундир, боевые награды, оружие, семью, друзей, но не могли отнять веры в ленинскую правду. В своей гневной жалобе Якир прямо писал, что какие-то чуждые силы за спиной ЦК творят черное дело.

Однако вскоре ему предъявили обвинение, и такое тяжкое, что в сравнении с ним весь прежний «сценарий», признания которого так добивались ежовские следователи от Шмидта, выглядел кустарной стряпней. Обвинение гласило — «гитлеровский шпион».

Может, фальшивые документы, порочащие Якира, о которых писали иностранные авторы, где-то действительно существуют? Может, эти фальшивки, как утверждает в своих мемуарах Черчилль, и впрямь попали через Бенеша к Сталину? Может, «Скорпион», многому научившийся с тех пор как от имени румынского короля сочинял письма командующему Южной группой войск, при помощи и по требованию гестаповцев на самом деле сумел воспроизвести на фальшивках «красной папки» подпись Якира?

Люди, имевшие возможность присутствовать на суде, утверждают: никакой «красной папки», никаких обличающих закордонных документов подсудимым не предъявлялось.

Иностранные авторы, как обычно, всячески раздувают «успехи» своих разведок, доказывают, что им удалось, околпачив Сталина, выиграть крупное сражение задолго до войны. Но Сталин не был столь наивен, чтобы поддаться на шаблонную приманку, о которой можно прочитать во всех популярных учебниках по разведке…

Закордонные борзописцы утверждают, что «красная папка» попала к Сталину в мае 1937 года, а ведь комдива Шмидта заставляли оговаривать Якира за девять месяцев до того. При чем же здесь «красная папка»?

Нет, и без пресловутой «красной папки» Сталин сделал бы свое черное дело. С его именем связана невинно пролитая кровь тысяч и тысяч людей, пострадавших от произвола.

Дальновидный Ленин не без основания предостерегал

партию: «Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть, но я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Очень правильно сказал Никита Сергеевич Хрущев: «Сталин стрелял не только по врагам, но и по своим, по друзьям, по ветеранам революции».

Якир оказался жертвой одного из этих многочисленных выстрелов по своим, жертвой преднамеренной клеветы и беззастенчивого нарушения законности.

14. С верой в партию

Дознание длилось всего десять дней. На одном из допросов Якир сказал следователям:

— Чему и кому вы верите? Это же грубая провокация.

— Не вам нас учить, — отрезал следователь, затем с издевкой добавил: — Вы, вероятно, все еще считаете себя командармом, членом ЦК? Кто вы теперь? Вы — ноль без палочки, арестант, враг народа! Ежовская разведка знает, что делает. Знает, чему верить и чему не верить. А имя Сталина вам, изменнику, мы запрещаем произносить.

У Якира все оборвалось внутри. Тем не менее он продолжал:

— Вы обманываете партию, Сталина, народ. Вы затеяли что-то страшное. Но зачем? Знайте, господа горе-следователи, если вас не расстреляют по требованию Сталина и по приговору суда, то вас все равно рано или поздно убьет черная совесть. История все поставит на место.

Была еще надежда на суд. Стало ясно, что в шпионаже и военном заговоре обвиняли не только его, а еще одного маршала, трех командармов, четырех комкоров. Было страшно не только за себя, а прежде всего за судьбы страны, за судьбы народа, за судьбу семьи.

Жена! Сын! Что будет с ними?! Что будет с племянниками — детьми Илюши Гарькавого?!

Мучительно тянулись часы одиночества. Жуткие думы точили мозг. Щемило сердце. Онемели пальцы. Он, Якир, воевал и боролся за то, чтобы всем детям жилось радостно и легко. А его сына и еще многих-многих детей будет всю жизнь «украшать» ярлык: «дети врагов народа». Как же так? Ведь это вопиющая и страшная несправедливость!..

А кто станет во главе дивизий, корпусов? Ведь следователи похвалялись, что они выкорчуют всех его сослуживцев, все «якировское гнездо». А разве это якировское?! Это же большевистское гнездо! Кто же в случае необходимости поведет в бой войска? Сильная, единая Красная Армия сдерживала многих. А обезглавленная, опустошенная, она может лишь разжечь вожделения Гитлера и толкнуть его на развязывание войны.

Люди, конечно, есть! Нигде так пышно не расцветают молодые таланты, как на советской почве. В Киеве, рядом с Домом Красной Армии, во дворе, где стоит особняк командующего, растут старые ели. Ежегодно весной кончики их ветвей выбрасывают светло-зеленую, нежную поросль. Вот так и в жизни. Растет, подымается молодежь. И не только догоняет, но и

перегоняет своих учителей. Бывший морзист стал первым заместителем командующего Уральским округом, не сегодня-завтра займет место Илюши Гарькавого. В случае чего Борис Церковный — готовый командарм…

…Дело Тухачевского, Якира и других рассматривало особое присутствие. Но это был формальный суд. Все было предрешено заранее. Во время суда председательствующий Ульрих задал вопрос:

— Подсудимый Якир! Когда вы ездили в Германию, там к вам прикомандировали капитана Шермана. Вы знали, что это разведчик?

— Не сомневался! — ответил Якир.

— Суд располагает данными, что капитан Шерман предложил вам в случае нападения гитлеровской армий открыть ворота….

Якир горестно усмехнулся, посмотрел с жалостью на Ульриха:

— Думаю, что для такого разговора Гитлер выбрал бы более крупную фигуру, нежели этот капитан.

Якир не признал себя виновным. Он, Тухачевский, Уборевич и другие обвиняемые держались на суде мужественно. Отметая клевету, они изо всех сил боролись за правду, но безрезультатно…

…И все же лучше бы он погиб в бою, хотя бы тогда, в декабре 1918 года, под Лисками. И осталось бы в анналах истории донесение Реввоенсовета армии: «Товарищ Якир вел железной рукой красноармейцев к победе… Больной, еле встав с постели, т. Якир в грозные часы, когда колебались полки, встал в их ряды…» Все же лучше, что ни говори, умереть в двадцать два года со славой героя, нежели в сорок с клеймом изменника…

Как славно умерли герои сорок пятой — Базарный, Макаренко, Няга, Недашковский!.. Их провожали салютами, цветами: чебрец, полевой цикорий, наперстянка, ярко-красная вербена… У могилы Недашковского и его товарищей спустя много лет появились в человеческий рост густые заросли плакун-травы, по-молдавски — флорилэ-зынерол. Цветами провожали в последний путь Настю…

…Одесса. Тысяча девятьсот пятнадцатый год. Его, Якира, призванного на военную службу студента, старые мастера учат точить головки снарядов, а он учит их постигать смысл запрещенных брошюр. Какая это была дружная братская семья! Вот тогда на заводе Гена он понял и решил, что жить надо для этих людей. Жить и бороться за их свободу, за их счастье.

Два десятка лет он посвятил себя делу простых тружеников и их доверием поднялся… Чем выше был подъем, тем страшнее

падение. Но если можно было бы начать все сначала, он, не задумываясь, пошел бы по тому же пути, по пути борьбы за счастье тех, чьими стараниями, чьим трудом держится жизнь на земле…

Уже после суда о сохранении жизни Якиру и всем его товарищам по давнему обычаю ходатайствовала тюрьма. Но в помиловании было отказано. За день до казни Якир писал: «Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к партии, к стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

Когда-то в Виннице, семнадцать лет назад, у могилы деда Теслера он сказал: «Во время смертельной беды кисляй думает о спасении холки, гражданин — о спасении чести». Теперь речь шла о спасении чести коммуниста. И Якир в эти дни смертельной беды туго затянул себя спасательным поясом — верой.

Пусть он в результате злых интриг и подвохов умрет, но — он твердо верил в это — всегда будет жить Советская власть, советский народ, изо дня в день будет крепнуть Красная Армия, будут гудеть зажженные свободным народом домны, грохотать в лавах растревоженный им уголь, шуршать свеженапечатанные им листы газет, звенеть взращенная им золотая пшеница… А нынче, подумать только, такой богатый урожай, как тогда, в бурном девятнадцатом году…

То, чему Якир учил людей, было и для него самого, наперекор всем суровым ветрам, железным законом. До последнего дыхания он был полон веры в незыблемость советского строя, в неприкосновенность его гранитных устоев, в силу народной правды, веры в то, что дело, которому он посвятил всю свою жизнь, — дело правое, что честная смерть в тысячу раз дороже бесчестной жизни.

Якир погиб с большим достоинством. Если бы он мог знать, что партия словами первого секретаря ЦК снимет с него незаслуженное бесчестие, он умер бы не только достойно, но и легко.

Геолог в поисках ценной породы роется в недрах земли. История в поисках истины роется в недрах времен. История — это не веселые басни, не легенды, не бойкие сказки, порой замалчивающие подвиги героев и раздувающие славу обозников.

Советский народ не перечеркнул своей истории. Он с великой радостью листает ее героические страницы, с печалью заглядывает в ее скорбные строки, зная, что дурное больше не повторится.

Ленинская партия, возглавив победный марш советских людей к коммунизму, на своем XXII съезде начертала боевую программу действий для сталевара и ученого, для углекопа и

артиста, для хлебороба и врача, для ракетчика и писателя — для каждого советского человека. В центре внимания съезда были также успехи наших друзей и козни врагов, тревоги о делах земных и дерзновенные планы бескровного завоевания космоса, заботы о человечестве и отдельном человеке. Отражая чаяния миллионов, съезд решал жизненные вопросы: о сохранении прочного мира на планете, о создании его надежной опоры — мощного ракетно-ядерного щита.

Большевистский форум еще и еще раз провозгласил, что ленинская правда нерушима. Движимый думами о грядущем, он нашел необходимым вспомнить и о безвинно погибших. XXII съезд партии подтвердил, что Тухачевский, Якир, Уборевич были заслуженными людьми нашей армии и что они не совершали никаких преступлений против партии и государства.

Пусть же доброе слово о командарме Якире, прозвучавшее с высокой трибуны партийного форума, будет венком чести и славы на его безвестной могиле, на которую тогда, в трудном и тревожном тридцать седьмом году, ни одна рука не положила ни свежих лозинок вербы, ни веток душистой липы, ни охапки печальной плакун-травы, ни пучка нежно пахнущей вербены, каждый цветок которой — тесно сомкнувшиеся пылающие сердца.

Якир не вел советские войска в бой против фашистов. Их привели к победе другие, такие же, как и он, полководцы ленинской школы, в их числе и ученики Якира. И хотя у врага было много гранитных укреплений, они победили, так как за ними шли миллионы гранитных сердец.

notes

Примечания

1

Ныне Котовск *(прим. ред.)*.

2

Волкодава *(молд.)*.

3

«Генкварм» — заимствованное из терминологии царской армии военное звание «генерал-квартирмейстер». Так в шутку называли Левензона, когда он работал в штабе Бессарабского фронта.

4

Бронепоездам.

5

12 золотников — 50 граммов.

6

Французская коммунистка, активно работавшая среди моряков антантовского десанта. Расстреляна в 1919 году оккупантами.

7

Тогда — станция Голта.

8

Знойный ветер.

9

Агентство информации и пропаганды.

Ныне Кировоград.

11

Железная дорога.

12

Так в те дни часто называли бронепоезда.

13

Ныне Запорожье.

14

Добродий — обращение, равнозначное словам «господин», «пан» *(укр.)*.

15

Полевые священники.

16

Кокарда самостийников.

17

Офицеры.

18

Чемоданами и сундуками.

19

Солдат.

20

Уроженцы Познани, до 1918 года подвластной Германии.

21

Линия Днепра.

22

Корытный С. З. — в 1937 году секретарь Московского комитета партии.

23

Поместья.

24

Нажим.

25

Наступление.

26

Победа.

УНР так называемая «Украинская народная республика».

28

Харьковский паровозоремонтный завод.

29

Кооперативный продовольственный магазин.

30

Академические курсы танкового усовершенствования.

Ныне Свердловск. (Ныне опять Екатеринбург — *Д. Т.*)

32

Никколо Макиавелли — флорентиец, средневековый государственный деятель, великий мастер провокаций.

33

Гицель — собаколов *(укр.)*.

34

Сульт — маршал Наполеона.

Крестьян.

«Мулэн руж», «Ша нуар» — увеселительные места.

37

Участники первого белогвардейского похода на Северном Кавказе.